



ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/2015

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

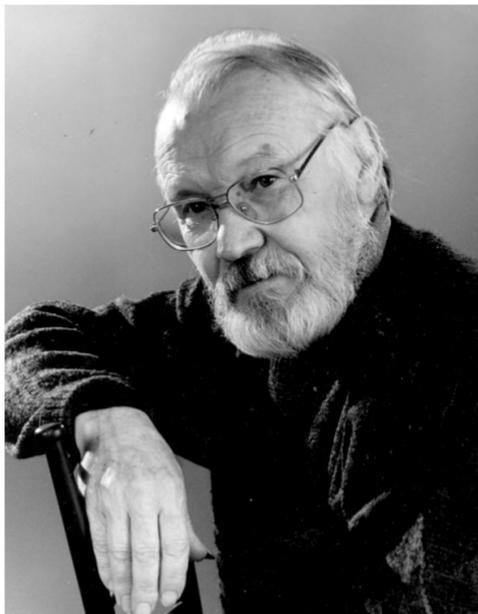
(зам. главного редактора)

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

**Выдающемуся музыканту,
мастеру русской семиструнной гитары
Агибалову Алексею Александровичу – 75 лет!**



Замечательный талант исполнителя и композитора, которым Вы, наш дорогой юбиляр, наделены сполна, неустанный поиск неизведанного снискали Вам славу первопроходца во многих областях гитарного искусства, Вас по праву считают академиком гитары. Без сомнения все, кто прикоснулся к Вашему высокому творчеству, слушая выпущенные фирмой «Мелодия» Ваши

грампластинки или бывая на Ваших концертах в России, Америке, Казахстане и, конечно же, Кыргызстане, относятся к Вам с неизменным почтением и любовью.

Кроме того, Вы, уважаемый Алексей Александрович, еще близки и дороги нам своей приверженностью к литературе. Журнал «Литературный Кыргызстан» не раз публиковал Ваши психологические рассказы, а созданная Вами пронзительная, полная драматизма повесть «Глач гитары» получила заслуженное признание широкого круга читателей.

Так пусть же и впредь Вам, наш дорогой друг, покоряются новые вершины творчества в тесном содружестве с вдохновением, крепким здоровьем и благополучием!

Редколлегия «ЛК»

Александр Иванов. На привале.	5
--	---

РАЗДУМЬЯ И ФАНТАЗИИ, НАВЕЯННЫЕ ЮБИЛЕЕМ «ЛК»

Георгий Хлыпенко. Не юбилейте!	8
Александр Крячун. Три времени жизни.	11
Талип Ибраимов. Возраст любви и прозрения.	14
Артем Хегай. Ярмарка чудес	16
Вячеслав Шаповалов. Двери в будущее, ставшее прошлым	21
Евгений Колесников. Громоотвод	25
Владимир Федоров. Хвала и аллилуйя	27
Александр Камышев. Бесценный клад культуры	29
Валерий Сандлер. Слово и дело	32
Олег Бондаренко. Однажды на Тянь-Шане	37
Бахтияр Койчув. Литературный дом моей судьбы	44
Анэс Зарифьян. Посвящение «ЛК»	47
Вячеслав Александров. Выездное заседание федерации альпинизма КР	49
Алексей Агибалов. Юбиляр юбиляру	52

ПРОЗА

Талип Ибраимов. Арман. Рассказ	54
Александр Молчанов. Земляки. Рассказ	65
Асель Аяпова. Плач Каныкей. Рассказ	76
Владимир Федоров. Хорошо лежим Рассказ-ахинея	81
Юлия Кулешова. Аквариум. Рассказ	103
Дмитрий Ащеулов. Зло. Слепота. Собратья поневоле. Слышащий да услышит. Творения рук человеческих. Притчи.	114

ПОЭЗИЯ

Светлана Сулова. О Вечности. Стихи	122
Вячеслав Шаповалов. Голоса во тьме. Переводы	131
Анэс Зарифьян. «Для одной-го и пишем души». Стихи	145
Талант Жолдошбеков. Стихи	154
Дарья Копытова. Стихи	160
Шоиستا Равшан. Стихи	163

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Кадыров. Путешествие на затерянное озеро	168
Валерий Сандлер. ...И все бывшее	189

КУЛЬТУРА

Дария Буржубаева. Сокровенное и вечное в поэзии Эсентура Кылычева	212
Коротко об авторах	223



НА ПРИВАЛЕ

Когда идешь по маршруту и горизонт подернут туманцем, а то и вовсе занавешен пеленой облаков, когда ориентиры порой размываются, и к цели приходится добираться на ощупь, вот тут-то привал особенно долгожданен. Можно отдохнуть, позабавить друг друга байками о

былом, как правило, невероятно трудном и восхитительно победным, и сообща прояснить для себя, хотя бы отчасти, что нас ожидает на избранном пути.

Повод для привала нынче весьма достойный. Шестидесятилетие родного журнала «Литературный Кыргызстан». Мы всегда старались избегать официального тона в разговоре с авторами и читателями. На юбилее тем более. Зачем вести речь о каких-то заслугах и самоотверженности, если занимаешься любимым делом, без которого трудно жить? Пусть выпуск каждого номера сопряжен с поиском и выманиванием интересных текстов у старых и новых авторов, их редактированием, с финансовыми сложностями по изданию журнала, но ведь столь же многотрудна, ответственна и полна неожиданностей жизнь с любимым человеком, приносящая нам безмерное счастье. Хотя иной раз, конечно, опускаются руки и все в тебе замирает на грани срыва...

Я безмерно благодарен бывшим главным редакторам «Литературного Кыргызстана» Михаилу Аксакову, Чингизу Айтматову, Анатолию Сальникову и Александру Жиркову, взрастившим журнал с молодых ногтей до прочного стояния на ногах. На первых порах нам оставался суший пустяк: поднять в разы планку читательского интереса к журналу, к русской литературе Кыргызстана. Царящая в обществе атмосфера того времени способствовала этому. Огромную помощь редакции оказали авторы. Мне хочется особо выделить среди них замечательных, известных писателей, тех, кто многие годы

был и поныне остается верен журналу, внося в его развитие очень весомый творческий вклад: Евгений Колесников, Георгий Хлыпенко, Вячеслав Шаповалов, Светлана Суслова, Мар Байджиев, Валерий Сандлер, Анэс Зарифьян, Талип Ибраимов, Дмитрий Ащеулов, а также тех, кто много и плодотворно сотрудничал с журналом и, уйдя из жизни, оставил в нем яркий неугасимый творческий след: Леонид Дядюченко, Михаил Рудов, Александр Никитенко, Виктор Виноградов, Кадыр Омуркулов, Вилор Акчурин, Казат Акматов.

В последнее десятилетие ряды прозаиков, публицистов, поэтов, литературных критиков, постоянно публикующихся в «ЛК», пополнили: Виктор Кадыров, Бахтияр Койчуев, Олег Бондаренко, Александр Крячун, Владимир Федоров, Николай Труханов, Александр Камышев, Андрей Рябченко, Артем Хэгай, Дмитрий Сагайдак, Александр Молчанов. Их произведения, отмеченные талантом, наряду с произведениями наших признанных мастеров позволяют журналу держаться на высоте. Хотелось бы, чтобы так же думал и Читатель «ЛК» – фигура для нас весьма и весьма загадочная, с противоречивыми литературными вкусами.

Но – на привале как на привале. Своими раздумьями, фантазиями, навеянными юбилеем «ЛК», поделятся наши авторы.

Александр ИВАНОВ.

**РАЗДУМЬЯ И ФАНТАЗИИ,
НАВЕЯННЫЕ
ЮБИЛЕЕМ «ЛК»**



НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Лично у меня свои юбилейные ориентиры с «Литературным Кыргызстаном». Пятьдесят лет назад я, будучи аспирантом, опубликовал в журнале свою первую статью. И ещё: в 1955 году, когда начал издаваться журнал, я стал студентом Киргосуниверситета, следовательно являюсь читателем «Литературного Кыргызстана» с его первого номера. Вот так!

Теперь по существу.

У «Литературного Кыргызстана» помимо имени собственного есть ряд метафорических имен, известных главным образом только ветеранам. Обращаюсь к своей памяти: «Наш литературный флагман» (драматург Мар Байджиев), «Мой спасательный круг» (журналист Валерий Сандлер), «Очаг творчества» (кинорежиссер Геннадий Базаров), «Брестская крепость литературы» (писатель Талип Ибраимов), «Фортпост русского языка и литературы в Киргизии» (кажется, я). Эти и другие лестные имена-метафоры – не только дань уважения к юбиляру, но и знак признания реальных заслуг «Литературного Кыргызстана».

Многогранная деятельность журнала у всех на виду. Обозначу основные ее направления: выявление и воспитание творческих кадров, участие в формировании литературного процесса, укрепление межнациональных культурных связей, защита позиций русского языка в республике как общенационального культурного достояния, развитие русской литературы Кыргызстана как региональной единицы русской национальной литературы. В начале 1970-х годов при журнале было создано литературное объединение «Среда» (руководитель Евгений Колесников), ставшее творческой школой для целого поколения русских писателей Киргизии.

В разное время сотрудниками журнала на администра-

тивных должностях работали известные писатели и журналисты, которых следует помянуть добрым словом: поэты Сергей Фиксин, Александр Никитенко, Светлана Суслова, Асфандияр Булатов; прозаики Анатолий Сальников, Леонид Дядюченко, Евгений Колесников; публицисты Валерий Сандлер, Сергей Занин, Александр Князев; критики и литературоведы Вениамин Горячих, Николай Локтев, Михаил Озмитель.

В течение первых тридцати юбилейных лет я как критик и литературовед сотрудничал с четырьмя ныне уже покойными редакторами журнала: Михаилом Аксаковым, Чингизом Айтматовым, Анатолием Сальниковым, и Александром Жирковым, а в течение других тридцати лет сотрудничаю с пятым редактором – Александром Ивановым. С его именем связаны самые памятные события в истории «Литературного Кыргызстана»: «золотой век» в эпоху перестройки; глобальная катастрофа, связанная с разрушением Союза; драматическая борьба за выживание в эпоху «дикого капитализма».

В перестроечные годы, на пике своего успеха, «Литературный Кыргызстан» стал ежемесячным журналом. Его тираж вырос до 55 тысяч экземпляров, а география подписчиков расширилась до 60 городов Союза, включая Москву и Ленинград (по 8-10 тысяч экземпляров).

А в период «распада времен» (С.Суслова) журналу пришлось активно бороться за выживание. «Продавцы печатной продукции, - вспоминает А.Иванов, – предлагали превратить «ЛК» в желтое издание, сплошь ориентируя его на любителей острых ощущений. Спрос и прибыль гарантировались. Но мы, как говорится, стояли насмерть. С момента своего рождения журнал не поддавался процессам, которые способствовали бы засорению его чуждыми темами, чуждым ему языком, как засоряют шлаки кровеносные сосуды. Ему равно были противны и лексика подворотен, и лексика удушливого официоза. И он остался в чем-то старомоден, словно шляпа в пору кепок или белая сорочка в пору ковбоек».

«Литературный Кыргызстан» менял свой облик: от журнала до альманаха (непериодического издания); композиционную структуру: от тематического номера до избранного; издательский формат: от книжного до электронного варианта и наоборот. Однако неизменными оставались те величины, благодаря которым сформировался творческий облик «Литературного Кыргызстана»: название (бренд) журнала, его высокий содержательный и эстетический уровень, его строгий



ТРИ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

Закономерность существует только в строгих математических числах. В жизни – она раба случая. Но, сопоставив своё существование, иногда обнаруживаешь удивительные совпадения.

1955

Единственное место, откуда нас никто никогда не выгонит, – это наше детство. С первого, запомнившегося случая, началось восприятие материального мира, который можно описать словами. Ребёчья душа только начинала дружбу с земной жизнью.

- Мельник умер! Мельник умер! – кричал соседский мальчишка. Он бежал босой, в широких грязных трусах по пыльному переулку и махал загорелой рукой, для придания особой значимости сообщению.

В конце улицы протекала небольшая речка, на которой стояла мельница. К ней близко никто не подходил. Даже издали было видно, как от крутящего колеса, скрипящего и визжащего, разлетался веер из тонких брызг. В них всегда жила яркая и разноцветная полоса, которую повзрослевшие дети называли красивым словом – радуга. Но сильнее всего пугал нас образ угрюмого мельника.

Взрослые рассказывали, что до войны на этой мельнице работал узбек Тахиржан. Его жена Гузаль, одна из первых в нашем селе, завывала над похоронкой. После Победы появился этот хмурый человек. Он молча ремонтировал мельницу. Безмолвно строгал тяжёлые арчёвые стволы для водостока. Тихо месил босыми ногами глину и обмазывал потрескавшиеся за четыре года каменные стены. Лицо его всегда было серым от муки. Он даже беззвучно разгонял наглых птиц с кучи зерна. Днём он молол муку, а по ночам во дворе тесал каменный круг. Стук его молотка был слышен далеко за селом, но его

за это никто не ругал. Среди мальчишек ходил слух, что этот мельник есть пленный немец, и поэтому он не знает нашего языка и прячет лицо под налётом муки, чтобы его не узнали фронтовики и не бросили под жернов.

В узком каменном оконце по вечерам зажигалась керосиновая лампа, которая освещала рабочее место мельника. Но в это утро лампа не погасла. Она горела весь день. Мельник не выходил. Птицы безнаказанно клевали зерно.

На второй день, несколько человек и участковый зашли внутрь. Погасили лампу.

Через некоторое время вышел мужчина, за ним на куске брезента вынесли мельника и положили на законченный каменный жернов.

Все впервые увидели, будто умытое небом его лицо и русые волосы. Предчувствуя уход из жизни, он одел чистую гимнастёрку. По всей груди блестели ордена, а на левом предплечье, ближе к сержантским погонам висела звезда Героя Советского Союза.

Перевоплощение живого, таинственного, безликого и сгорбленного мельника в безжизненного красивого воина – героя войны, оставило такую ёмкую память, что забыться этот случай не имел права.

Уже будучи взрослым, я узнал: звали этого человека – Степаном. Он был боевым другом мельника – узбека Тахиржана, который спас ему жизнь в бою и, умирая, бредил неотёсанным жерновом. Все остальные загадки этого таинственного героя мне никто не смог рассказать. Может быть, большего и не знали. Даже его фамилия затерялась во времени.

2005 год.

Над Бишкеком стоял зной. Он шевелился, приводя в движение деревья, которые пьяно качались в Дубовом парке. Фонтан бил в небо, где не было облаков. Разбитые о высоту струи опадали прохладными каплями. В рассеянной водянистой пыли жил соблазнительный блеск искрящегося снега.

Я кружил вокруг здания по улице Пушкина, не решаясь открыть дверь редакции «ЛК». Рукопись первого, как мне казалось, завершённого рассказа, потела в сухой руке.

Я уходил и вновь возвращался. Но вот, после очередного круга, подошёл к двери. С самоиронией подумал: «Не поставит же мне редактор Александр Иванов клеймо на лоб «Щелкопёр!», и открыл тяжёлую дверь.

2015 год.

В год 60-летия говорю редакции: «Спасибо!». За 10 лет учёбы в «Литературном Кыргызстане» мне дали ровно столько, чтобы к юбилею успеть стать Лауреатом Литературной премии «Писатель года-2014» и получить «Серебряное перо России». Это заслуга журнала. Низкий поклон тебе – УЧИТЕЛЬ!

Александр КРЯЧУН.



ВОЗРАСТ ЛЮБВИ И ПРОЗРЕНИЯ

Меня всегда заботило, как я воспринимаюсь другими. С энтузиазмом приспособлялся к людям, обществу, идеям. Но на меня не обращали внимания, и, отчаявшись, я вернулся к себе. Годом к шестидесяти я с удивлением стал замечать, что ко мне проявляют любопытство.

Так что, шестьдесят лет - прекрасный возраст. Ещё далеко до маразма, пройдены падения и взлёты, грехи и подвиги, и можно, не дрогнув, встретить любую беду, любую победу. У героев моих повестей, как правило, моих ровесников, это возраст любви и прозрения.

Хула не убьёт, хвала не расслабит. Опаснее всего лесть, которая заставит поверить в достоинства, которых не было в помине, и последовательно превратит в непоколебимого идиота. Примеров – тьма.

«Литературный Кыргызстан» счастливо миновал этой участи. Созданный для приличия, благодаря великим усилиям творческого коллектива, он, представляя большому миру лучшую литературу республики, сумел стать существенной частью национальной культуры. Журнал выдержал напор графоманов и талантов, бездарей и гениев, более того, пережив прессинг тоталитаризма, разнузданность либерализма, не сошёл с ума, сохранил ясный разум и твёрдую волю. Проявляя чудеса изобретательности, не переступая пределов закона и установок взбудораженной общественности, не бия себя в грудь, как единственного носителя духовности, он сберёг, как полковое знамя, русское слово.

На мой взгляд, это и есть подлинное проявление патриотизма. Потому что, если не сегодня, то завтра, даже самый тупой поймёт значение русского слова для прогресса страны.

Я верю, туман лжи и самообмана, окутавший нас сегодня, рассеется. Поручаю тому то, что живёт и здравствует «Литературный Кыргызстан», который отдавал и отдаёт все силы для укрепления и торжества духа человеческого, несмотря на превратности времени.

Талип ИБРАИМОВ



ЯРМАРКА ЧУДЕС

Вотар, щурясь от солнца, неспешно прогуливался по кипучей сельской ярмарке. Кругом пестрели шатры, в нарядной толпе бегали оборванные дети с глиняными свистульками; людской гомон и дым от костров поднимались в теплое, ясное небо. Вотар был высок, а потому в этой праздничной толчее глядел на всех сверху вниз, да порой снисходительно посмеивался, как человек, знающий себе цену. Однако ближе к полудню настроение его стало портиться. «Ну что за ярмарка?! Который год ничего нового! Вино и ножики – мужчинам, тряпки да сережки – женщинам. И даже эти сопливицы, кажется, все с теми же петушками леденцовыми бегают!».

Желая развеяться, он направился к балаганам.

Зазывалы не оставили статного, добротного одетого мужчину без внимания:

– Подходи! Участвуй! Кулачные бои! Победителю – приз и женское внимание! Докажи, что ты славный воин!

– Крысиные бега, уважаемый! Сделайте ставку и отдохните в тенечке: впервые в жизни крыса принесет вам барыш, а не убыток!

Но Вотар только усмехался и проходил мимо: «Набей морду ближнему или вбухай денег в мышь, а доход весь достанется балагану! Нет уж, пускай этим простой народ тешит-ся – грошовые развлечения не по мне».

Так он и сам не заметил, как оказался на самой окраине ярмарки. Людей тут было немного, редкие торговцы скучали, а то и вовсе сворачивали лотки, чтоб перебраться поближе к толпам крестьян. Тем удивительней среди этого затишья смотрелся блистательный золотой шатер. Редкие прохожие все как один останавливались перед ним, топтались, но зазывалы

здесь не оказалось, а указатель у входа мог прочесть только грамотный человек.

– Бес-смер-ти-е да-ром, – по складам прочел Вотар. – А вот это по мне!

Откинув золотой полог, он по-хозяйски вошел в роскошный шатер.

Внутри оказалось немало посетителей. В свете магических ламп люди с упоением читали древние фолианты с пожелтевшими страницами. А посреди этой бесшумной работы на массивном деревянном троне восседал эльф в зеленом камзоле. Его длинные, белые как соль волосы говорили о том, что он прожил немало веков. Едва ощутимо пахло тонкими благоуханиями.

Вотар вдруг утратил половину своей прежней уверенности; однако, чтобы не показать этого, решительно направился к эльфу, который сидел на троне:

– Так что же? Я могу стать бессмертным?

– Да, если пожелаешь этого, – тот вынул перо и снял серебряную крышечку с чернильницы. – Меня зовут Ленидиан Келенианский. А как твое имя?

– Вотар. У входа написано, что бессмертие дается даром. Мне любопытно, зачем все это эльфам – раздавать людям бессмертие?

– Эльфийский престол изучает человеческую природу, поэтому я здесь.

Только теперь Вотар заметил, что каждый фолиант в шатре помечен инициалами эльфа – «ЛК».

– Хорошо. Я хочу стать бессмертным! Что нужно сделать?

– Поведай мне свою историю, Вотар.

– И только-то?!

– Прошу об одном – не спеши. Следует записать каждое слово.

Мужчина с усмешкой устроился напротив эльфа и принялся за рассказ:

– Мой отец был богатым купцом, а матушка на всю округу славилась искусством кружевницы. Познакомились они на точно такой же ярмарке как сегодня! Она продавала свои кружева, а он заметил ее в толпе и подошел. Так, спустя два года после их встречи, родился я. Появился на свет в телеге – мои родители как раз направлялись к целителю в город...

Время шло. Вотар говорил и говорил: описывал свое прошлое, смеялся иным воспоминаниям, что-то умалчивал. Но чем дальше он рассказывал, тем больше собственная жизнь казалась ему интересной, значимой – заслуживающей того, чтобы никогда уже не прерваться, не исчезнуть как тысячи других. Отчего бы именно ему, Вотару, в самом деле, не стать бессмертным как этот эльф? И однажды, спустя много столетий, сидеть и взирать на рассказчика таким же древним, спокойным взором? Отчего Вотар до сих пор был лишен этой возможности? Ведь сама справедливость требовала, чтобы не только эльфы на земле были удостоены дара неувядающей молодости и безбрежной жизни. Как мудро распорядилась судьба, подтолкнув Вотара зайти сегодня именно в этот шатер!

Эльф предложил гостю вина, и тот охотно пригубил кубок. Смочив пересохшее горло, он продолжил рассказ:

– Гляжу в поле: там она под зноем стоит. В волосах красная ленточка, а сама румяная – утомилась, жарко ей. Улыбается мне. Ну, думаю, русалка!..

Наступил поздний вечер. За стенками шатра торговцы сворачивали лотки, закрывались балаганы. Народ выкатывал бочки с хмельными напитками и расчищал площадки для танцев, музыканты готовились к пляскам. А в золотом шатре среди сияния магических ламп, словно бы ничего и не помещалось. Все так же внимательно слушал Ленидиан, изредка шелестели страницами фолиантов читатели. Только бутылка вина на столе опустела.

– Теперь живем с ней здесь, детей воспитываем. Односельчане нас уважают. Осталось только мельницу построить, как отец завещал, и можно будет сказать, что моя жизнь идет как надо, совсем как должно. – Вотар помолчал в задумчивости и, наконец, поставил опустевший кубок. – Вот. Такая у меня история... Ладно. Времени мы изрядно потратили, пора уже к делу переходить. Давай же, наделяй меня бессмертием.

– Ты уже бессмертен, Вотар.

Мужчина вскинулся, потом вдруг поднес ладонь к глазам, и некоторое время разглядывал ее так пристально, словно видел впервые:

– Неужели вино, которое я пил?..

Эльф с улыбкой закрыл фолиант и отложил перо, размял усталые пальцы:

– Нет. Вино здесь ни при чем. Ты рассказал свою историю – она записана слово в слово. Теперь, даже когда ты покинешь этот мир, тебя будут помнить вечно. Таково твое бессмертие, Вотар.

– Это... издевательство! Это не то бессмертие, которого я желал! – Рассерженный Вотар вскочил. – Жить в твоей памяти и в твоих фолиантах? И ради такой чуши я просидел здесь всю ярмарку?! Да лучше бы я на крысиные бега ставил – хоть обогатился бы! Ты... ты просто украл мое время! Обманул меня!

Эльф спокойно взглянул на Вотара:

– Здесь нет обмана. Это единственная форма бессмертия, доступная людям.

– Всю ярмарку провел зря! Лучше б я пошел кувыркаться с женой – она б мне родила еще одного сына или дочь. Вот – мое бессмертие!

– Да, дети и внуки тебя будут помнить. Но уже правнукам останется ведомо только твое имя. А потом и оно сотрется, - Ленидиан утомленно склонил голову, и пряди белых волос закрыли ему половину лица. – Дети – это не бессмертие. Дети – это лишь отсрочка перед полным забвением.

От этих слов сам золотой шатер показался Вотару чудовищной ловушкой.

– Нет, - он попятился от эльфа. – Так нельзя! Нельзя!

Вотар выскочил из шатра в ночь и в свете ярмарочных костров бросился прочь от звона гитар и задорных рожков, пляшущих односельчан, захмелевших гуляк и стрекочущих сверчков в траве.

Прошло много лет. Вотар – добродушный сухой старичок – летним полднем отдыхал на скамье в саду под раскидистым грушевым деревом. Дочь вынесла ему из дома плетеную шляпу с полями, чтобы солнце не напекло.

Старик, надев шляпу, с улыбкой принялся наблюдать за внуками-карапузами – в зарослях зеленых лопухов у забора они строили «неприступную крепость» из глины и остатков трухлявого пня.

Все было хорошо кругом, и сама жизнь виделась достойной, не пустячной. Но одна мысль с особой приятностью, уютно баюкала старое сердце, и Вотар возвращался к ней снова и

снова: «А все-таки хорошо, что эльф меня помнит, и я сохранился в его фолиантах!». Улыбающийся старичок поднялся со скамьи и побрел к калитке, чтобы поглядеть, как вдали крутит светлыми крыльями его мельница.

Артем ХЭГАЙ



ДВЕРИ В БУДУЩЕЕ, СТАВШЕЕ ПРОШЛЫМ

Вспоминать о «Литературном Киргизстане» в моей жизни – значит вспоминать обо всей моей жизни, ибо она началась где-то там, у его, иносказательно говоря, дверей...

Начнем, однако, с чуть более ранних картинок.

Весной 62-го года на педпрактику в 23-ю школу, где я заканчивал седьмой класс, пришла синеглазая студентка (сегодня она – профессор Валентина Петровна Каипова, мой добрый друг много лет) и сходу спросила: «Кто пишет стихи?» Все дружно показали на меня, отчего я растерялся: ничего такого я не писал – напротив, над моими эмоциональными изложениями гулко хохотала литераторша Анна Павловна. Правда, был грех в первом классе, а мама послала этот грех в «Пионерскую правду». Теплое письмо оттуда на сказочно красивом бланке потом зачитывали в классе, что, честно говоря, принесло мне мало хорошего. В общем, я как-то замялся, и это решило дело: «Завтра чтобы принес стихи!» было сказано мне. Я, конечно же, ничего не принес. «Похвастался и в кусты?» - язвительно спросила синеглазая Валя. Ну а я, раз так, закусил удила, накропал и на следующий день притаранил две или три страницы всякой рифмованной чепухи. Но неожиданно был похвален и возведен – как оказалось, пожизненно – в ранг «дежурного по литературе».

С этого дня меня прорвало! Все прочитанное (Пушкин, Блок, Есенин, даже муторный Некрасов) вдруг трансформировалось в собственные чудеса архитектоники, набившие сразу же толстые «общие тетради». Синеглазая Валентина открыла скрытые шлюзы моей неразумной души – и навсегда испортила мне биографию, о чем я до сих пор безжалостно напоминаю.

А ведь я мог бы наверняка стать:

(а) хорошим физиком – разработанная мною лично ракета при запуске успешно сожгла старый соседский сарай;

(б) хорошим бизнесменом – у соседских пацанов из неблагополучных переулков я скупал, перебирал, перекрашивал и успешно продавал в Канте ворованные ими мопеды, пока участковый и мой папа грубыми методами этот бизнес не разрушили...

А ведь брезжили еще и (в) медицина, (г) дипломатия, (д) всякие языки – один иностраннее другого!..

Мне много чего светило в ту эпоху, но в мою жизнь пришла литература – и мне уже не удалось от нее избавиться. Как и ей от меня.

А дальше я закономерно пришел к дверям «Литературного Киргизстана»...

Двери эти менялись по месту и времени...

Честно говоря, выросши в не особенно книжной семье, я достаточно смутно представлял себе, что, собственно, такое – литературный журнал. Думалось, что это место, где небожители-специалисты делают красивое и умное в авторитетной обложке, используя в качестве строительного материала все то, что пишут разные писатели. К примеру, это была небесная «Юность» и ангелоподобные создатели «Звездных билетов» и «Оз» – Василии Аксеновы, Андреи Вознесенские... А первым живым редактором в моей жизни был босс «Комсомольца Киргизии» Виктор Бобылев, плотный блондин с холодным взглядом. Мне, девятикласснику, который начал со стихами ходить в литобъединение при газете, он однажды сказал: «Одной поэзией, парень, не проживешь». Ах, как он был прав!

Следующим, как раз, и был редактор отдела «Литературного Киргизстана», долго там не задержавшийся, Леонид Дядюченко – прекрасный прозаик, очеркист, поэт.

Тогда журнал располагался в углу второго этажа Кирсовпрофа – и на огромный балкон лицом к Оперному театру выходил Сергей Андреич Фиксин, классик, поэт, друг юности Твардовского – и говорил всякие хорошие афоризмы. Например: «Ой, ня стой на виду, а ня то переведу!» или «Молодых поэтов нужно топить, как котят: пока слепые...» При этом он утверждал, что эти формулы принадлежит его великому другу. Но он был живым и истинным писателем, представителем «смоленской русской литературы», рассказывал много и всякого иного – интересного. Именно из этих рассказов у меня и

родилось понимание, что литература – серьезное творческое дело, а писатели – обычные люди, а не бронзовые ангелы. Тем более, что прочие старики в журнале и около журнала ни на ангелов, ни на писателей вообще не походили – публика малограмотная, пьющая и трусливая.

Молодым в журнал ходу не было, да и ветерок Шестидесятых докатился в хмурые коридоры не сразу и не шевельнул, кажется, ни одного листочка журнальных рукописей...

Я был еще старшеклассником, уже печатал стихи и даже кое-какие статейки в молодежной газете, и помню организованный молодыми журналистами и университетскими филфаковцами суд над «Литературным Киргизстаном» – некое действие, призванное напомнить общественности, что выросли молодые и пора бы на них обратить внимание... Акция услышана не была. Много позже постановление о работе с творческой молодежью, казалось бы, инициировало некий всплеск – но это была не более чем имитация... Журнал влачил вялое и добродушное существование – ощущалась недостача некоей критической массы культуры. Потом сменилось поколение, в редакцию пришли уже и мои однокашники, литературный процесс оживился, набрал обороты. И пусть чего-то не доставало, пусть ощущалась провинциальность (кстати, весьма спорный, по-моему, тезис!), но русская литература работала в одной связке с киргизской, развивалось дело художественного перевода, пример Айтматова и присутствие таких людей, как, к примеру, Мар Байджиев и Рамис Рыскулов, возросло и нас. И с позиций сегодняшнего дня рискну утверждать: именно «Литературный Киргизстан» самим фактом своего существования не дал погаснуть искорке русской литературы в Киргизии тех лет.

Самым важным в истории журнала полагаю период, когда пришел опытный и честолобивый публицист и прозаик Александр Иванов. За ним стояло прежнее место работы – ЦК компартии республики, его реформы поддержали, ему помогли с финансированием – и именно он омолодил журнал и, пусть на короткое время в той «короткоживущей» эпохе, сделал его центром новых идей. Талантливые произведения прозы и поэзии, рубрики «Многонациональный Киргизстан», «Как на духу», «Сокровенные страницы былого», «Стихи, что с музыкой слились» собрали сотни тысяч читателей!

Таким и запомню ставший к тому времени абсолютно

родным журнал – в его яркой «ивановской» обложке (с впервые разрешенной властями репродукцией), с его надеждами и их полноценным художественным подкреплением, какого не знала дотоле русская литература Киргизстана.

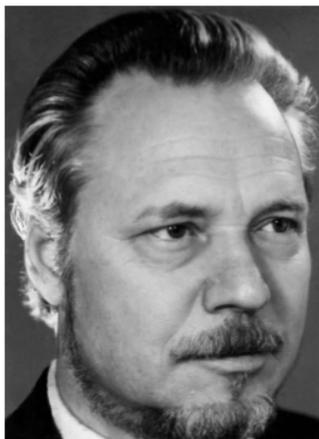
И не наша вина, что вскорости все обрушилось, получив беспредметную, бездомную – да и бессмысленную! – свободу...

Сейчас журнал – усилиями (так и тянет сказать: из последних сил) его главреда Александра Иванова и поэтессы Светланы Суловой – живет и по-прежнему собирает редкие ряды людей, составивших некогда один из талантливых и сильных отрядов русской культуры на границах обширной, но не слишком доброй к своим далеким соотечественникам империи.

Мы (те из нас, кто жив и чувствует себя живым) еще поем «Прощание славянки».

Но про себя...

Вячеслав ШАПОВАЛОВ



ГРОМОТВОД

Кафе «Сон-Куль» времен, о коих пойдет речь, во Фрунзе-Бишкеке было, пожалуй, самым популярным заведением общепита, местом отдыха, деловых и дружеских

встреч, особенно почетным значился третий этаж, ныне крытый, а тогда открытый, без потолка, под синим небом, лишь с металлическим бордюром повыше груди. Там продавались вкуснейшие манты, сливочное и фруктовое мороженое, разнообразные соки и вина.

За пластиковым столиком восседала четверка – московские писатели Михаил Колесников, Георгий Семенов, главный редактор журнала «Литературный Киргизстан» (так тогда писалось) Александр Жирков и я – ответсекретарь этого журнала. Толковали о всякой литературной и околослитературной действительности. С Михаилом Колесниковым и Георгием Семеновым я был знаком еще с частых московских командировок. Первый – не только плодовитый прозаик, мастак так называемой производственной темы, но и значимый мэтр всего Большого Союза – был парторгом ЦК партии по Союзу писателей СССР (в знанные времена существовали такие партийные должности). Он автор – наряду со многими – романа «Все ураганы в лицо» о Михаиле Васильевиче Фрунзе, приехал уточнить кое-какие документы в Музее М.В.Фрунзе.

С этими двумя писателями связан один забавный московский эпизод, свидетелем которого я был. Проведя вечер в Пестром зале Центрального дома литераторов, мы шли по Большой Никитской. Была лунная зимняя ночь. Когда поравнялись с церковью Большого Вознесения, знаменитой тем, что в ней венчались Александр Пушкин и Натали Гончарова, Михаил Юрьевич обронил подаренный кем-то ему огромный кулек с

сушеными карпами. Ну и картина была: ясная лунность, белый снег и золотистые разлетевшиеся рыбины. Однако я больше впечатлился тем, что ближе к храму лежал родной мне журнал «ЛК». Подумал: «Надо же, он пал ликом перед таким знаменитым – судьбоносным – храмом!».

Итак, мы сидели в «Сон-Куле», энергичный Михаил Юрьевич предлагал новые дописки к роману «Все ураганы в лицо» для «ЛК», но Александр Жирков хмурился (только я его понимал: Александр Васильевич сам писал книгу о легендарном полководце). Кто-то уходящий из кафе громко окликнул меня: «Колесников, не забудь, о чем договорились на завтра». Ответил: «Помню». Буквально через минуту ко мне придвинулись два крутолобых парня: «Ты Колесников?» - «Я». - «Идем!» - и крепко подхватили меня под руки, подвели к бордюру: «Видишь, голый асфальт. Что за дрянь ты написал?» - «Что за дрянь?» - «Да, мы читали... Роман «Все ураганы в лицо»! Я уловил, почувствовал, что мои ноги отрываются от пола: «Да я же другой Колесников.... Ответсекретарь... Вот журнал».

Кафешная братия быстро вырвала меня из не весьма шуточных или иного настроения рук, - один из приятелей по учебе в Кыргызском университете Иван Коробко резко показал «захватчикам» свое служебное удостоверение (я-то знал, что это удостоверение посерьезнее милицейского), оно так подействовало на ярых выступальщиков против, по их умозрению, посредственных романов, что они покорно поспешили к выходу перед обладателем магического удостоверения.

Михаил Юрьевич, мой однофамилец, пожимая мою руку, галантно преклонил свою голову: «Мой громоотвод!»

Евгений КОЛЕСНИКОВ



ХВАЛА И АЛЛИЛУЙЯ

Я люблю журнал «Литературный Кыргызстан». Журнал «Литературный Кыргызстан» объяснил мне, что я пишу прозой. Я всегда думал, что пишу, как попало. А тут во как! Самооценка подскочила. Особенно после ледяного душа, который мне устроила девочка Женя из второго класса в деревне Кучугуры в полста верстах от Воронежа. Женя одна единственная ученица на всю деревню. Вообще их всего трое в школе: одна ученица, одна учительница и собака Жучка. Учительница звонком зовет на урок и все занимают свои места. Жучка у ног учительницы.

– Ты кто по жизни? – спрашивает Женя. – Я корреспондент. – Это что такое? – Ну, вроде писатель. – А ну, напиши чего-нибудь на доске. – Пожалуйста. Стали краны очень рано, начинают строить дом. Пиво пить пойдут потом. – Никакой ты не писатель. Ерунду какую-то сочиняешь. Как это краны пиво пьют?

Короче, пригвоздила. Скис, сник, самооценка в ноль. Спасибо, спасибо и еще раз спасибо, «Литературный Кыргызстан». Я полагаю, я не один такой, кому журнал повышает самооценку, потакает амбициям, ласкает глаз напечатанными словами в отделах «проза», «поэзия», «публицистика»... Съезжу как-нибудь в Кучугуры, найду девушку Женю, покажу журнал: «Вот! А ты говорила»...

Как-то в начале 90-х прилетаю в Ош снимать материал для сюжета о русском языке в Киргизии для программы «Время». Сколько помню (а помню с 1962 года, когда приезжал от радио на хлопкоуборочную страду и ел бесплатный колхозный плов из гигантских котлов на полевых станах), никаких про-

блем с русским языком в древнем восточной городе не было. Сто процентов русскоговорящие. Кстати, очень многие ошане славянского рода сносно говорили по-киргизски. Так вот, иду по главной улице – где русские? Не видать. Подошел к обкому (извиняюсь, это я по старой привычке), наблюдаю, кто в начальственные «Волги» садится. Русских нет. А где же русские? «А вон, говорят нерусские с сильным акцентом, за углом церковь. Они там кучкуются. Вечером на службу придут». Почему-то раньше этой церкви не видно было. А тут надо же! Прибранная, нарядная, розы, клумбы. Батюшка гоголем ходит, важный, востребованный. «Придут, – говорит, – придут». И точно. Пришли к семнадцати часам. Человек двадцать, двадцать пять. И не только бабушки. Взрослая, интеллигентная публика, тесный кружок, по рукам книжка ходит. Неужели Библия? Смотрю: журнал «Литературный Кыргызстан». Раздел прозы, раздел поэзии. Смакуют русское слово. И батюшка не чурается литературоведения.

Дорогой журнал, спасибо, что бережешь прозаиков, поэтов, русское слово, хранишь животворную атмосферу братства, товарищества, профессионального куража. И заглавная фамилия в журнале «Литературный Кыргызстан» лучше не придумашь: Иванов! Русью пахнет. Смотри в оба, Александр Иванович!

Владимир ФЕДОРОВ



БЕСЦЕННЫЙ КЛАД КУЛЬТУРЫ

За почти четверть века работы в антикварном бизнесе я заметил одну закономерность – клады и ценные раритеты находят люди случайные, а не те, кто их жаждет отыскать.

Мой юный друг Сашка всегда мечтал найти клад. Вырос он в детдоме, образование получить не смог и, сменив десятка два профессий, занялся сварочными работами. Профессионалов в наше время найти сложно, и довольные клиенты передавали его телефон как эстафетную палочку своим друзьям и знакомым. Не испытывая недостатка в заказах, он заработал на первый автомобиль, а потом и на крутой металлоискатель. Его меркантильная идея найти сокровища и разом решить все свои финансовые проблемы наконец-то стала обретать реальные очертания.

Нас познакомили и подружили досужие слухи обо мне, как об удачливом и всезнающем кладоискателе, которые, кстати, я сам с особым упорством и распространяю. Надо сказать, в наш антикварный салон постоянно заходят посетители с историями о зарытых их дедами-прадедами кладах и просьбами помочь в их поиске. Поначалу я несколько раз выезжал с прибором на «верные места», но с некоторым пор такие рассказы выслушиваю скептически и отношу их к маниакальной зависимости от желания внезапно разбогатеть, не прилагая больших усилий. Все эти семейные тайны кажутся мне скучными в своем однообразии, ибо суть повествования каждой из них сводится к тому, как богатый предок поведal на смертном одре потомкам, где он спрятал накопленное. Менялись лишь места, где зарыты сокровища, да их объемы: от скромного горшка с серебряными национальными украшениями до ведра с золотыми николаевскими червонцами. Изучая историю денежного обращения в Киргизии XIX века, я уяснил – купеческого сосло-

вия и крупных промышленников, хранящих капитал в монетах, среди киргизов не наблюдалось. Богатство же немногочисленных баев и манапов, заключавшееся в обширных стадах овец и лошадей, благополучно съедено еще в те времена.

Но это так, дополнительная информация для тех, кто захочет пойти Сашкиным путем. В нем наследственные легенды распалили пожар идей внезапного обогащения, и он решил создать фирму по поиску фамильных кладов. В местных газетах появились соответствующие объявления, и клиенты пошли косяком. Сашка мотался в Нарын и Ош, поднимался во все ущелья Чуйской долины, где на родовых джайлоо в радиусе примерно до километра ему предлагалось обнаружить спрятанные сокровища. Поискового запала хватило на одно лето. Молодая фирма прогорела, как я полагаю из-за неправильно составленных договоров. Сашка запрашивал десятую часть стоимости найденного клада, а если отсутствует положительный результат, то нет и платежей. «Плохо ищешь и прибор твой слабый», – говорили разочарованные заказчики.

В прошлое лето Александр поменял условия и стал просить оплату расходов на бензин и трудозатраты, не претендуя на сам клад. Но тут его снова ждала неудача. Пообещать долю с пока ненайденных сокровищ заказчики соглашались охотно, правда, упорно торгуясь и подсчитывая сумму гонорара от еще невыкопанного ведра с золотыми червонцами. Платить за поиски без гарантированного результата желающих не оказалось.

Одним словом, Александр вернулся к своей работе сварщика. Между делом, наверстывая упущенное в бурной юности время на образование, он запоем читает всю литературу по истории Кыргызстана. Просматривая в очередной раз полки с букинистическими книгами по коллекционированию и археологии в нашем салоне, Сашка заметил несколько номеров «Литературного Кыргызстана»:

– А эти журналы кто-то покупает?

– Еще как! – воскликнул я с присущим мне оптимизмом. – А почему тебя это интересует?

– На прошлой неделе мы меняли трубы в подвале сталинки на Московской, и там, в закутке, обнаружили надежно упакованные пачки этих журналов, собранных лет сорок тому назад. Я говорю хозяйке: – «Надо их убрать. Не дай Бог, искра попадет». А она мне: – «Вы прекрасно работаете, могу вам презентовать». Я мельком глянул, там одно старье 60-80-х го-

дов, загрузил целый багажник и свез в ближайший пункт макулатуры. Неужели они что-то стоят?

– Господи, где твое чутье! – возмутился я. – В твои руки попал бесценный культурный клад, а ты бездарно упустил почти целое состояние. Истинные поклонники литературы, да и сама редакция «ЛК», готовы выплачивать за ранние номера баснословную сумму.

Кто бы мог подумать, что Александр проявит отменную прыть, а макулатуру так редко вывозят со склада. Пока он занят чтением журналов, но в будущем планирует устроить их аукционную распродажу.

Александр КАМЫШЕВ



СЛОВО И ДЕЛО

На фоне солидной цифры 60, которой помечена обложка юбилейного номера «Литературного Киргизстана», гораздо скромнее выглядит другая цифра, вдвое меньшая: 30. Только вряд ли мы праздновали бы сегодня круглую дату в жизни любимого журнала, если бы тридцать лет назад его не возглавил человек, для которого корень понятия «честолюбие», давно и многими забытого, заключен в слове «честь». Оно, это слово, в сочетании с упорством и завидной работоспособностью, привело его к заслуженной победе, а нас с вами – к торжеству, которого, повторюсь, могло и не быть. Всю жизнь стремившийся доводить начатое до победного конца, прозаик и публицист Александр Иванов сумел привить это стремление всему коллективу журнала, с его приходом обновленному наполовину. За семь с гаком лет работы в новом составе «ЛК», бок о бок с новым главредом, я многому у него научился, хотя бывали минуты, когда его требования и решения возмущали меня до скрежета зубного, и я готов был положить на стол заявление «по собственному»...

А он всего-то хотел как лучше. Так оно всегда и получалось.

К концу 1980-х «Литературный Киргизстан», как и «толстые» московские журналы, переживал «золотой» (увы, недолгий) период: обрел подписчиков и читателей в десятках городов Союза, его тираж взлетел до 55 000 экземпляров в месяц. Слегка потакая любителям легкого чтения, мы печатали детективы Дэшила Хэммета и Рэкса Стаута; тех, кто стремился открывать для себя новые имена и события в истории страны, ублажали миниатюрами популярнейшего в те годы Валентина Пикуля (с этой целью я трижды летал к нему в Ригу, и ни разу не возвращался пустым), но главное, чем за-

воеван был наш авторитет у читателя (слово, заметно стертое в эру Интернета), – смелость и презрение к запретам. «Литературный Киргизстан» первым, не слушая грозных окриков из «Большого дома», как в просторечии называли тогдашний ЦК партии, обратился к теме появления в Киргизии «детей разных народов» – чеченцев, немцев, карачаевцев, украинцев, татар, евреев (ашкенази и т.н. бухарских). На тему, имевшую в своей основе драму и трагедию целого народа, в советские годы было наложено табу. Говорить и писать разрешалось о двух братских народах, населяющих нашу многонациональную республику: киргизском и русском (часто с добавлением слова «великий»); остальные числились по ведомству «прочие». Дурной этой традиции пришел конец с появлением в каждом выпуске журнала новой рубрики «Многонациональный Киргизстан. Единство и многообразие», ее авторами были представители народа, о котором шла речь в очерке. Участие в рубрике изменило жизнь и судьбу двух таких авторов.

Первым был Григорий Андреевич Вольтер. Доцент кафедры научного коммунизма в Институте искусств, кандидат исторических наук, публиковал статьи в газете «Советская Киргизия», выступал с лекциями по линии общества «Знание». Немец, он в своих статьях и лекциях предостерегал других немцев Киргизии, готовых эмигрировать в Германию, от бед и невзгод, какими чреват этот шаг. Цитировал письма недавних эмигрантов о непростой жизни на исторической родине, брал интервью у тех, кто трудностей не вынес и вернулся...

И вот его, агитатора-пропагандиста, я при встрече попросил написать для нашего журнала очерк о советских немцах, насильно выселенных в 1933 году из Украины и Поволжья в Казахстан и Киргизию. Помолчав, смерив меня долгим взглядом, Вольтер заявил:

– То, что я мог бы написать, вы никогда не напечатаете.

– А вы за нас не решайте, – парировал я. – Еще как напечатаете. Только напишите.

Он пришел в отдел публицистики через неделю. Сказать, что на нем лица не было, – ничего не сказать. Изможденный, потерянный, с погасшим взглядом – таким предстал передо мной человек, которого я привык видеть мужчиной бодрым, хоть и пожилым, лет под 70. Положил передо мной пачку исписанных страниц. Сказал:

– Три ночи почти без сна. Вспоминал, писал и плакал.

Прочитайте. Уверен, что журналу это не подойдет. Ну и пусть. Зато я сказал все, о чем столько лет обязан был молчать. И еще: ухожу из института. Не могу больше слышать о научном коммунизме. Вот что вы наделали своей просьбой.

Очерк «Зона полного покоя», в котором Вольтер описал трагедию российских немцев и свою личную: голод и депортацию 1933-го, рабские четыре года в трудармии, жизнь на спецпоселении, - мы напечатали, не выбросив ни единого слова.

Свой следующий визит в редакцию Григорий Андреевич нанес, чтобы попрощаться со мной перед отъездом в Латвию, откуда немцев беспрепятственно выпускали в Германию. Умер он в немецком городе Фульда. Имя себе вернул, данное при рождении: Герхард.

Полный текст знаменитого письма Федора Раскольниковва, адресованного Сталину, центральные журналы печатать побоялись, обошлись фрагментами, - мы у себя поместили письмо целиком, и к нам из разных городов Союза пошли просьбы: вышлите хотя бы экземпляр. Мы удивлялись: откуда только народ узнает? - и высылали. Очерки для «Литературного Киргизстана» писали такие видные московские публицисты, как Эрнст Генри, Анатолий Стреляный, Юрий Щекочихин. В число самых ярких, вызывавших живой интерес у читателя, попадали статьи, в которых обнажались тайные пружины власти, давались нелицеприятные, но всегда точные характеристики засевающим в Кремле вождям партии и государства. Их автор, младший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП Киргизии Камиль Баялинов стал для журнала подлинной находкой: он добывал в архивах ценные документы, вдумчиво работал с ними, излагал материал языком ясным и лаконичным, на грани скупости. Качества, коими в журналистике не всякий профессионал наделен, в конце концов обернулись против журнала: «ЛК» лишился ценного автора, а ценный автор круто сменил курс своей жизни. Один из его очерков попал на глаза представителю «Комсомольской правды», который прибыл во Фрунзе искать замену местному собору газеты. Камиль Баялинов оказался этой заменой. Несколько лет успешно поработав для «КП», он стал пресс-секретарем тогдашнего президента Аскара Акаева, затем - постпредом Киргизии при ООН. Последние 11 лет живет в канадском Торонто...

Попавшие под обломки рухнувшего Союза, не выдержав жестокой конкуренции, ушли в небытие многие тысячи печат-

ных изданий. Чтобы единственный в Киргизии журнал на русском языке не постигла та же участь, от него требовалось не так уж много: освоить приемы желтой прессы, пойти навстречу низким вкусам и запросам, опубликовать «клубничку», обнаженку, светские сплетни...

Такого падения «Литературный Киргизстан» себе позволить не мог. Годами выживая в труднейших условиях, вынужденный резко сократить тираж и периодичность, он платит дорогую цену за право оставаться на плаву, быть самим собой и пусть редко, но метко открывать для читателя имена новых авторов, не теряя авторов давних, к числу которых и я имею честь принадлежать.

P.S. Первый год после эмиграции прожив в Нью-Йорке, все еще скучая по прежней жизни и по оставленным в ней друзьям, я сочинил в рифму так называемый «Годовой отчет». Он был полностью опубликован в одном из номеров «ЛК» за 1993 год. Здесь позволю себе привести несколько строф – на мой взгляд, самых важных.

Минул уж год, как вынесло меня
К реке молочной, на кисельный берег,
Но не было ни ночи и ни дня,
Чтоб я не рвался к вам из всех Америк.

В разлуке, как на фронте: год за два.
Ведь не уехал я, а – сердце вынул.
Еще звучат Светланины слова:
«Эх, Сандлер, на кого ж ты нас покинул!..»

.....

Мне истина простая, словно вздох,
Явилась грубо, как зимою вьюга:
Друг без Америки, хоть как бы ни был плох,
Все ж лучше, чем Америка без друга.

Наш общий путь из памяти не стерт,
Каким он был – пускай нас жизнь рассудит,
Но никогда быльем не порастет
Все то, что с нами было, есть и будет.

Америка изнежила мой глаз:

Корнфлекс на завтрак, апельсин – на ужин...
Мне здесь живется лучше, чем у вас,
Но именно поэтому мне хуже.

Прошло с тех пор больше двадцати лет. Время не выбросило ни единого слова из только что вами прочитанного.

Валерий САНДЛЕР



ОДНАЖДЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Было.

Их схватили перед самым рассветом. Всю группу: Начальника, Навигатора, Профессора и Философьюшку. Костёр уже давно догорел, и предутренняя дымка переваривала звёзды, и палатка казалась одиноким уютным домиком среди гор. А члены экспедиции мирно спали...

Их выволокли из палатки и вытряхнули из спальных мешков. Начальник, ничего с просыпа не понимающий, обалдело уставился на острие копья, нацеленное ему в голову. Профессор, кряхтя, попробовал возразить: «Но позвольте, по какому такому праву...» Ответом ему послужило свирепое молчание страшных, исполинского роста дикарей, заросших густой шерстью, и в шкурах снежного барса. Они взирали на пленников, сверкая белками налитых кровью глаз.

Философьюшка, вздохнув, принялась молиться.

Навигатор попытался было, рванувшись с места, спасти оборудование, которое один из дикарей начал крутить и даже попробовал на зуб. Но быстро был успокоен. Четверо мохнатых пришельцев бросили Навигатора наземь, приставив к горлу костяной клинок, и тому ничего не оставалось, как смотреть страдальческим взглядом в предрассветное небо.

Мгла вокруг постепенно сменялась розоватым светом.

Солнце, ещё не видимое, одушевляло заснеженные вершины и наполняло их волшебством.

Тянь-Шань пробуждался...

Было.

Старики издавна рассказывали о загадочном племени адамноо, скрывающемся где-то в горах, подальше от городов и айылов. Бытует мнение, что никто и никогда из ныне живущих того племени в глаза не видывал. И историки с этнографами в его существование не очень-то верят. Нет, утверждают они, на земле снежных людей, и тем более в хорошо изученном Тянь-Шане.

Археологи не нашли ни единого артефакта, подтверждающего наличие культуры адамноо. И Начальник экспедиции твёрдо знал, что адамноо – это плод чьей-то буйной фантазии.

Однако было.

В это утро плод буйной фантазии конвоировал маленькую экспедицию со связанными руками куда-то по едва заметным тропам среди непроходимых гор, и камни то и дело осыпались под ногами идущих – в бездонные пропасти.

Отвесные скалы служили путеводной нитью, и ледники оскаливались своими трещинами, грозя то и дело поглотить путников, чтобы насытить горных духов.

Было жутко, было страшно.

И ещё – ужасно от сознания того, что ожидает пленников в ближайшие часы...

Было.

Стоянка снежных людей приютилась на склоне высоченного пика, в расщелине, скрытая от посторонних глаз. Участники экспедиции дошли до неё, едва волоча ноги и задыхаясь, – понукаемые своими суровыми стражами. Дойдя, все бесильно попадали на снег, на камни, и остались так лежать в полном изнеможении.

Загадочные мохнатые дикари – а их можно было насчитать два десятка – окружили пленников, молча и свирепо на-

блюдая за ними. Существа мужского и женского пола угрюмо смотрели на то, как члены группы мучились от горной болезни и всепроникающего холода. Никакой жалости не читалось на лицах похитителей.

Самки особо рассматривали Философьюшку. Прикасались к ней, трогали грудь – как бы не веря. Большие самцы заглядывали в глаза Начальнику и Навигатору, словно желая увидеть в них что-то, кроме растерянности и страха. А очки Профессора вызвали у дикарей неподдельный интерес; сорванные с носа, они пошли по рукам, и в конце концов кто-то – судя по всему главный – водрузил их на переносицу, а потом, взыв, растоптал ногами.

Лишь один из мохнатых стоял поодаль и с явным неодобрением, даже угрозой поглядывал на своих соплеменников. Впрочем, на вид он был менее волосат, чем прочие, да и заметно ниже ростом. Карлик – если судить с точки зрения местных... Но – вровень с членами группы. Профессор быстро опознал в нём шамана. Шаман взял бубен и принялся завывать, ошарашивая горы протяжным эхом.

По некоторым признакам Профессор опознал в звуках дикарского языка диалект занзибарского; сам Профессор несколько лет тому преподавал славяноведение в университетах Занзибара. Он-то и определил, что дикари готовятся к чему-то торжественному, особенному, к какому-то священнодействию. Оно должно было состояться на закате дня.

Он поделился своим открытием с остальными членами группы.

И действительно, вскоре дикари принялись сооружать большой костёр – из навоза яков...

Было.

Увы, мы ничего не знаем о культуре, верованиях и образе жизни адамноо. Иногда это может дорого обойтись. Кому-то. Как жаль, что в нашей науке до сих пор высмеивают йети...

Приготовления шли весь день. Стойбище ожило. Дикари сновали туда и сюда, украшая маленький каменистый майданчик древними идолами, гирляндами из костей, а также черепа-

ми – и животных, и, как с ужасом заметили пленники, людей. Наносили на себя ритуальную раскраску. Часть самцов раздвигала забитого яка, а женщины-самки разводили в очаге огонь. Детишки-зверята, маленькие снежные человечки, не менее, правда, суровые, чем взрослые, охраняли захваченных гостей.

Которые, видит бог, были привязаны к столбам верёвками из жил животных...

Под вечер из чума, покрытого ячьими шкурами, вышли вождь и шаман. Они приблизились к своим будущим жертвам, и Профессору удалось разобрать кое-что из их неторопливой беседы – насколько смог.

– Что он говорит? – бросил от соседнего столба Навигатор.

– Что нашу судьбу определит Священная книга, – пояснил Профессор в ответ.

– Они читают книги?! – изумился Начальник.

– Только шаман. И только одну.

– Это Фатум, – грустно заметила Философьюшка. И тяжко вздохнула.

Оставалось только ждать...

Действо развернулось по мере захода солнца, у ритуального костра. Снежные люди завывали, будто волки, и плясали свои страшные танцы, и их тени зловеще мелькали на скалах в отблесках огня.

Шаман в жуткой маске, под бой бубна извивался перед привязанными пленниками. Наконец из чума, с большой торжественностью, его помощники вынесли нечто в ящичке. И это нечто оказалось Священной книгой.

Шаман благоговейно достал её – под общие возбуждённые крики. Высоко поднял – чтобы все лицезрели. И, кружась в неистовой пляске, начал что-то бормотать себе под нос, делая вид, что, прямо на лету, читает.

Толпа дикарей вокруг склонилась в почтении и трепете...

– Боже мой! – вдруг воскликнула Философьюшка. – Да это же... Это же журнал «ЛитКыргызстан»! Какой-то старый номер!

– Не может быть! – обомлел Начальник. – Хотя... Ну, конечно, у меня ведь в вещах тоже есть «ЛК», только один из последних!..

Шаман, заслышав голоса пленников, внезапно остановился. И подозрительно уставился на говоривших.

Из толпы выступил вождь. И что-то спросил у Начальника властным тоном.

– Что он говорит? – переспросил Начальник Профессора.

– Вы понимаете, что написано в Священной книге? – перевёл тот.

– Скажи, да, понимаю. – Начальник приосанился и вроде бы даже стал выше ростом – чуть ли не как окружавшие их дикари.

– Читай! – перевёл Профессор распоряжение вождя.

Начальник прочёл несколько строк на расстоянии – книгу ему поднесли поближе, но, впрочем, не развязали и в руки не дали. Священная всё же.

– Художественный и общественно-политический журнал писателей Кыргызстана, издаётся с января 1955 года, – читал он вслух в свете костра. – Главный редактор А. И. Иванов...

Профессор переводил, как мог.

– Это верно? – спросил у шамана вождь, и даже в полумраке заметно было, как шаман побледнел.

– Да, – нехотя кивнул он – на понятном для его собеседников языке.

Но вождя совершенно не заинтересовало, что именно прочли чужеземцы. Главное было – они свободно читали Священную книгу вообще.

– Это боги! – пронеслось по рядам изумлённых адамноо.

– Боги! Боги! – вторил им вождь.

Шаман стоял, растерянный, и на его измождённом лице блуждало слабое подобие улыбки.

Пленники – теперь уже местные боги – наконец вздохнули с облегчением. И расправили плечи, после того, как несколько воинов отвязали божеств от опостылевших столбов.

В то время как остальные люди племени простёрлись ниц перед новыми повелителями, перед посланцами небес...

Было же.

Окрылённые туземцы плясали всю ночь. Начальник, Навигатор, Профессор и Философьюшка восседали на почётных местах, в продымленном чуме, и перед ними мохнатые снеж-

ные девушки выставляли лучшее угощение. Мясо яка, ими уже пережёванное, для дорогих гостей.

Воины демонстрировали свои копыя с каменными наконечниками и боевую раскраску. Кричали: «Хо-о-о-о!!!» и изображали сцены охота на илбирса и архара.

Вождь угощал пришельцев с неба «слезами гор», и от этих «слёз» всем делалось лучше, и веселей, и звёзды водили хороводы вокруг стойбища, вместе с луною...

Один шаман, надувшись, сидел в сторонке и думал о чём-то о своём.

...Праздновали всю ночь, и это было незабываемо...

Было.

Под утро, перед рассветом, у входа в чум, который отвели для посланцев неба, мелькнула тень. Начальник экспедиции, только недавно заснувший, недовольно поморщился, когда его принялись тормозить. Открыв глаза, он узрел шамана.

– Вставайте, – тихо сказал тот, – и собирайтесь. Быстро. Будите всех своих. Только без шума.

Вскоре вся экспедиция, в сборе, осторожно, стараясь не разбудить спящих адамноо, выбралась по тропинке со стойбища – подальше в горы. Шаман шёл впереди и молча указывал дорогу.

– Всё, – наконец произнёс он, причём на чистейшем русском. – Дальше вы сами найдёте, горы-то знаете. Не маленькие. Идите в этом направлении, – он показал, – и выйдете к своим. И никогда – слышите! – никогда сюда не возвращайтесь. Забудьте эту дорогу. Вы мне здесь совершенно не нужны. Не для того я полжизни искал это племя, чтобы встретить здесь вас. Посланцев богов не может быть слишком много.

– И помните, – напоследок добавил он, – если вы захотите вернуться, то я найду способ, как настроить племя против вас. Другого шанса на возвращение у вас не будет.

Начальник, Навигатор, Профессор и Философьюшка без слов, серьёзно посмотрели ему в лицо.

– Прощайте, – наконец промолвил Начальник. – Да хранит вас судьба.

– До свидания! – Философьюшка в порыве чувств вдруг чмокнула в щёку сурового шамана. – Счастья вам! Удачи!

А Навигатор и Профессор молча взвалили на себя поклажу и тронулись в путь.

– Да, – напоследок, о чём-то вспомнив, Начальник экспедиции повернулся к шаману. – Держите. Вот вам! – И, наклонившись, вытащил из рюкзака синенькую книжечку журнала «Литературный Кыргызстан». – На память, – он протянул её провожатому.

– Зачем мне? – удивился шаман.

– А будет у вас ДВЕ Священные книги, – улыбнулся Начальник.

И махнул на прощание рукой.

...Уже почти рассвело, когда маленький отряд, повернув за ближайшую скалу, потерял из виду последнего адамное. Люди шли, и каждый думал о чём-то своём. Хотелось, конечно, спать, хотя на душе вставало солнце.

Было.

Олег БОНДАРЕНКО



ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДОМ МОЕЙ СУДЬБЫ

«Вначале было Слово...». И слово было художественное.

Сколько себя помню, в нашем доме всегда было много книг. Нас, детей, никто не заставлял читать, но книги окружали и невольно и естественно мы тянулись к ним. Мир художественной и научно-популярной литературы был частью нашего мира, своеобразной средой духовного обитания. Отец, академик Турар Койчувев, не только постоянно пополнял домашнюю библиотеку, но и выписывал ведущие «толстые» журналы: «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Иностранная литература». В этом ряду особое место занимал «Литературный Кыргызстан», поскольку, конечно, был ближе по историко-культурным реалиям, да и по личному фактору.

В перестроечные годы папа становится членом редколлегии «Литературного Кыргызстана», что естественно делает журнал частью нашей семейной жизни. Мы читали очередные номера всей семьей, порой обсуждали наиболее заинтересовавшие произведения. Однажды мне довелось ещё в рукописи прочитать повесть Александра Иванова «Верхом на облаке», имевшую в то время большой общественный резонанс.

Моя первая публикация в художественном и общественно-политическом журнале состоялась именно в «Литературном Кыргызстане» ещё в прошлом XX (так солиднее звучит!), а точнее в 1991 году. Это была статья «Вспомни имя свое...», посвященная вариантам названия первого романа Чингиза Торекуловича Айтматова. Помню: как стремительно шел я на почту за гонораром за эту публикацию. Не удивляйся, моло-

дой читателей! Да! В те далёкие года авторам платили за изданные работы. Суммы были не очень большими, но мне, по крайней мере, вполне хватило, чтобы по юношеский задорно и ударноотметить с друзьями выход в свет своей первой литературно-критической статьи.

С тех пор «Литературный Кыргызстан» вошел в мою жизнь, вводя, в свою очередь литературный мир родного края, знакомя не только с произведениями, но и с творческими личностями, формировавшими мой духовный и профессиональный мир.

Свои литературно-критические работы я в первую очередь нес в «Литературный Кыргызстан», если они оказывались там не ко двору; пристраивал в другие издания и сборники, в которых они проходили без особых препятствий. В «Литературном Кыргызстане» всегда был, да и остается достаточно жесткий отбор публикаций по нравственно-эстетическим критериям.

Однажды – нет, это слово не передает значимости для меня одного события. Начну иначе: вдруг раздался звонок – тоже не то. Короче: позвонил Александр Иванович Иванов и предложил мне войти в состав членов редколлегии. Я растерялся: «Это большая честь для меня! Однако в её составе мой папа!». Александр Иванович сказал, что отец в курсе и очень благосклонно относится к его замене в составе редколлегии своим сыном.

Мои разговоры с отцом не многословны: «Так надо и лучше для всех! Тебе необходимо расти профессионально!». Вот так с «заговора» и отеческого благословения двух товарищей – Александра Иванова и Турара Койчуева – я стал членом редколлегии «Литературного Кыргызстана».

Александр Иванович шутит: «Вот смотри: как только ты стал членом редколлегии, твоя профессиональная жизнь пошла в гору. Сначала тебя избирают заведующим кафедрой, позже, значительно позже (иронизирует), становишься членом Национального союза писателей Кыргызстана, защищаешь докторскую диссертацию». Шутки шутками, но и в них, как говорится, есть доля истины.

«Литературный Кыргызстан» для меня, да, думаю, и для многих – это не только журнал, но и определенный духовный мир, круг общения, своеобразная среда обитания. Со многими сегодняшними друзьями-товарищами, с которыми можно выпить «рюмку» чая и поговорить за жизнь, я познакомился

на презентациях и литературных вечерах, проводимых нашим журналом. «Литературный Кыргызстан» стал своеобразным литературным домом в республике, в котором творится и пульсирует русское художественное Слово.

Бахтияр КОЙЧУЕВ



ПОСВЯЩЕНИЕ «ЛК»

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Сюда пришёл я – не пацан,
А кандидат уж мед. наук,
Когда «Никита», славный друг,
Сумел пробить, без долгих слов,
Подборочку моих стихов.

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Здесь был довольно пёстрый клан
Весёлых, творческих людей.
Дым сигаретный, лес идей...
И старики, и молодёжь –
Всяк по себе умён, хорош!

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Кто нёс стихи, а кто – роман,
Рассказы, критику, эссе...
Тут признавались жанры все,
Включая бардовский, что мне
Был близок, да и всей стране.

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
В дни Перестройки как горлан
Стал выступать он, как бунтарь.
Эй, публицист, сражайся, жарь!

Поэт, не разводи сироп!
Бей по Системе прямо в лоб!

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Тогда и некто Зарифьян
Вёл рубрику (сомнения, брысь!)
«Стихи, что с музыкой слились...»,
Где барды многие не раз
Публиковались – мчи, Пегас!

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
В эпоху рынка и титан,
Наверное б, не устоял,
А этот маленький журнал
Был популярен, свеж и нов,
Чему причиной – Иванов!
«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Огромен чтива океан,
Но в нём (готов склонить главу)
Ты остаёшься на плаву,
Сбирая всех, круг невелик,
Кто любит Пушкина язык.

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Тебе высокий жребий дан!
Что АЛТЫМЫШ? – лишь ШЕСТЬДЕСЯТ.
Но, как евреи говорят,
Прожить обязан ты, учти,
Активно – до СТА ДВАДЦАТИ!

«Лит. Киргизстан», «Лит. Кыргызстан»!
Наполним же, друзья, стакан,
Бокал, рюмашку ль, пиалу
И выпьем – не в глухом углу,
А средь бишкекских тополей
За сей журнальный ЮБИЛЕЙ!

22 августа 2015 г.

Анэс ЗАРИФЬЯН



ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ФЕДЕРАЦИИ АЛЬПИНИЗМА КР

Собрались однажды три богатыря, альпиниста-красавца отдохнуть от дел текущих. Ни начала, ни конца не имеющих. От забот праведных, несуетных. Мозги иссушающих. От рутины домашней, прилипчивой. Тоску наводящей. От шума городского, бестолкового. Изжогу вызывающего. Итак: «Снежный Барс», грузинский князь, батона Леван, глава Федерации альпинизма республики. «Снежный Барс», байке Бирюк, главный счетовод вершин покоренных и еще нетоптанных. В границах Кыргызстана расположенных. И просто – кино-фото-летописец деяний альпинистских Алекс – Орлиный глаз.

Растянули они шатер брезентовый на берегу Ала-Арчи, реки могучей, ледниковой. Раскатали скатерть самобранку, желудку и душе дары приносящую. Разлили жидкость «Столичную» по стаканам граненым от маршала Малиновского. Да призадумались... На землю опустились. Тост нужен.

«За здоровье» – банально. Да и столько уже выпито за него, что если бы хоть десятая часть пожеланий исполнилась, то матушка Россия и с ней все страны СНГ уже обогнали бы Китай по рождаемости, а Японию по количеству долгожителей.

И взял тогда слово «Снежный Барс», старейшина альпинизма киргизского, батона Леван. Окинул орлиным взором вершины ущелья Ала-Арчинского и молвил в лучших традициях застолья кыргызско-грузинского:

– Посмотрите, на какой Богом благословенной земле мы живем! Какая природа, какие прекрасные горы! Одни названия чего стоят. Пики: Теке-Тор, Корона, Адыгене, Ак-Тоо. А пик Семенова-Тянь-Шанского! Он у нас, как говорят, в огороде растет. И на восемьдесят пять метров выше знаменитого Монблана. У французов слюна от зависти течет.

Корона названа так, потому что на королевскую корону похожа. Ак-Тоо - белая гора. В снегу вся стоит. ТекеТор – место, где много горных козлов – теке. Пики Пионер и Комсомолец в память о том, что мы все были пионерами и комсомольцами. Названия были даны этим вершинам альпинистами, по праву первовосходителей. Не всегда эти названия были удачными. Вот, например, пик Павлика Морозова. Был такой мальчик, пионер в России. Папу своего, крестьянина зажиточного, сдал чекистам. Те его в расход пустили. Подвиг более чем сомнительный. И в честь чего же назвали его именем вершину на Тянь-Шане? Помните, мы как-то на заседании Федерации решили переименовать эту гору. На Майской альпиаде двести человек взойшли на нее и назвали ее пиком Маречека и Бондаренко. Это знаменитая семейная пара альпинистов, которые внесли громадный вклад в развитие киргизского альпинизма. Достойные люди. Пик Лысенко, академика– вредителя, переименовали в Афанасия Шубина, художника, альпиниста из Фрунзе. Своими картинами он горный Киргизстан прославил.

– Вот, вот. Чтобы не тянуть, а то рука стакан держать устала, у меня конкретное предложение, – подал голос главный счетовод и горопроходимец, зам. председателя Федерации Бирюк. – В октябре журналу «Литературный Кыргызстан» исполняется 60 лет. Юбилей, однако! Что нам мешает сходить на какую-нибудь безымянку и назвать ее ЛК- 60? Ведь сколько произведений наших друзей-альпинистов печатал журнал. Самого Леонида Дядюченко – его великолепные рассказы и повести, где всем нам достойное место находилось. А произведения Котлова, Романова, Агибалова, Кадырова? Их герои –Тустукбаев, Стрельцов, Евтушенко, Сабиров. Какие славные имена!.. Вот будет подарок журналу!

На что Леван резонно возразил:

– Так в районе Бишкека с безымянными вершинами пряженка! Все мало-мальски значительные вершины уже названы. А переименование – это всегда вопрос непростой. Толпу народа надо тащить в гору, кормить, обихаживать. Да и времени сколько займет.

Крепкая, как стальной капкан, память горного бухгалтера Бирюка выдала информацию:

–В районе ледника Адыгене есть вершина то ли Ленинского Комсомола, то ли Ленинградских Коммунистов. Но аб-

бrevиатура ЛК это точно. Почему бы ей не быть Литературным Кыргызстаном?

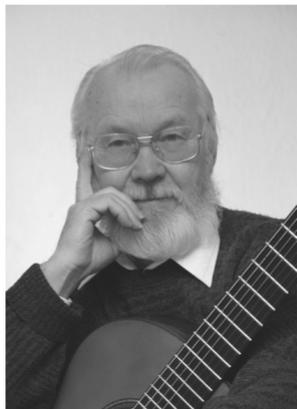
– А ведь это идея!- оживился глава Федерации и князь по совместительству.

– И ходить далеко не надо. Только на картах маленькие буквы заменить, а большие, самые важные, оставить. Но сначала утвердим документально. Вот нас как раз трое, и мы представляем кворум президиума Федерации альпинизма. Мы имеем право открыть экстренное, выездное заседание. Проголосовать и принять решение о том, что отныне и навсегда этот пик называется ЛК. То есть «Литературный Кыргызстан»! Кто против? Воздержавшихся нет? Все за!

– Вот и к месту тост созрел, – Алекс воздел руку со стаканов вверх. – Так выпьем за здоровье... Нет, не то, что вы подумали! За Творческое здоровье нашего юбиляра. Чтобы на его страницах до скончания веков печатались прекрасные рассказы и стихи, несущие читателям Разумное, Доброе Вечное!

Раздался звяк стаканов граненых, малиновских, и небесная благодать побежала по жилам. Славно отдохнули добры молодцы и дело сделали. Вот так!

Вячеслав АЛЕКСАНДРОВ



ЮБИЛЯР ЮБИЛЯРУ

Я благодарю судьбу, подарившую мне возможность сотрудничать с журналом «Литературный Кыргызстан». Для меня это большая честь и большая ответственность.

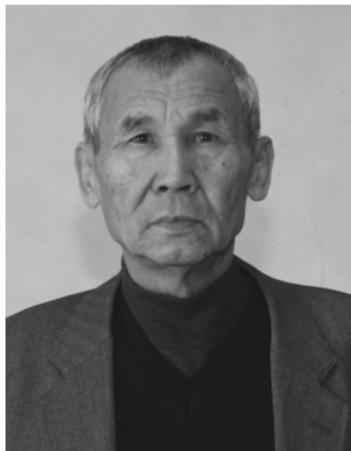
Всякий раз, переступая порог редакции со своим новым произведением, волнуешься и осознаешь, что ты – не Чехов, что в этом престижном журнале публиковались такие гиганты как Чингиз Айтматов, Мар Байджиев, Леонид Дядюченко, Вячеслав Шаповалов. И тайно гордишься после опубликования тем, что тебе позволили это сделать.

Шестьдесят лет – это возраст зрелости и мудрости.

Я поздравляю с этим замечательным юбилеем редакцию журнала, ее блистательного главного редактора Александра Ивановича Иванова, и желаю журналу Долгих Лет Жизни!

Алексей АГИБАЛОВ

ПРОЗА



Талип ИБРАИМОВ

*Нурипе, моему
ангелу-хранителю*

АРМАН

Рассказ

Кубат не рассчитывал на долгую жизнь, понимая, что пребывает в преклонном возрасте и смерть может явиться, не предупреждая. Дети жили своей жизнью и его мудрость была не востребована – это уязвляло, но примиряло то, что не сидят на его шее и не ввергают в тупик своими финансовыми проблемами. Жена почти не обращала на него внимания, всё её время отнимали внуки и внучки, их болезни и заботы. Иногда приводила их домой, и он вынужден был терпеть их претензии, капризы, да ещё быть ласковым, терпеливым, что выматывало и удавалось с трудом. Всё ему представлялось, что время уходит впустую, что они отрывают его от чего-то важного, хотя он уже давно был на пенсии и особой нужды в его услугах общество не испытывало. Он это знал, но не научился смиряться. Каждое утро он просыпался с чувством, что его ждёт срочная работа – это нетерпение впиталось в его сознание и бессильны были ему противостоять как годы на пенсии, так и усилия самовнушения. Потом, естественно, наступало разочарование, со временем оно теряло остроту, становясь обыденным мимолётным ощущением, которое позволяло подтрунивать над собой. Наскоро позавтракав, он шёл в парк. Там бегали, упражнялись люди самых разных возрастов. Так сложилось, что в жизни у него всегда было в обрез со временем, и он не мог позволить себе зарядок и прочих оздоровительных удовольствий, то после выхода на пенсию решил начать утренние пробежки. Но, понаблюдав, какой силой, напором энергии дышат бег, движения молодых, и какими жалкими подобиями

выглядит то же самое у людей его возраста, он отказался от своей затеи. Район, где он жил, некогда был самым элитным в городе, так что в парке по утрам сходились бывшие министры, генералы, академики и прочие, одним словом, избранная публика. Они кучковались по два, три, четыре человека в зависимости от интересов и вместительности скамейки и вели беседы, диспуты на актуальные политические темы или слушали рассказ кого-нибудь одного о славном прошлом. Кубата знали и везде он был своим, но вскоре он отпал от всех, предпочитая хождение. Это было не проявлением гордыни или чувства какого-то превосходства над другими, просто в его жизни не было выдающихся поступков на благо родины, не мог похвастать и обилием любовных связей, да и особого взгляда на политику не имел, которым мог бы образумить человечество, поэтому он считал сотрясением воздуха все эти горячие перепалки, вулканические страсти, которые вдруг проявляли люди давно уже не у дел. Другое дело, одиночество среди деревьев, когда идёшь и наслаждаешься россыпью солнечных пятен на зелёной траве, упругой поступью пробежавшей мимо девушки и чувствуешь себя свободным от необходимости поддакивать, возражать, прилагать усилия, чтобы не выпасть из пределов разговоров, которые ему неинтересны.

В один из дней, когда он шагал по аллее, привычно рассеивая внимание между воспоминаниями и обзором, путь ему преградил рослый, русоволосый мужчина.

– Здравствуйте, – поздоровался он, глядя Кубату в глаза.

– Здравствуй, – остановился Кубат.

– Вы меня узнаете?

– Женя?

– Да... Мама уезжает в Россию, – многозначительно сказал Женя.

Кубат молчал, ожидая наполнения информации.

– Она уезжает навсегда, – сказал Женя, – хочет проститься с вами, и приглашает вас к себе.

– Время? Куда?

– Сегодня. К двенадцати дня... Адрес прежний... Если хотите, через пару часов я подъеду к парку и отвезу вас...

– Как ты меня нашёл?

– У меня тут офис неподалёку. Я почти каждое утро вижу вас.

– Понятно.

– Так мне подъехать?

– Я сам.

– До свидания! – сказал мужчина и стал уходить, через несколько шагов оглянулся, – Мама очень просила вас прийти.

Резко отвернувшись, он быстро двинулся прочь и скоро скрылся из виду. Кубат неверными шагами двинулся к скамейке. Он не мог предположить, что прошлое, которое он забыл, может, если о нём напомнили, вызвать слабость и бешеное сердцебиение. Люда. Его мука и неизбывное чувство вины перед ней, с которыми, как он уверил себя, расстался благополучно, но стоило увидеть её сына, как они хлынули с прежней щемящей силой, а осознание того, что Люда уезжает навсегда, вдруг выстрелило такой нестерпимой болью, что он застонал. Он испугался, что его хватит инфаркт, инсульт или что-нибудь подобное, и он не увидит больше её. Но сердце у него было ещё крепкое, а опыт жизни научил справляться со сбоями в чувствах, мыслях. Через некоторое время с холодной отстранённостью подумал, что потому он все эти годы спокойно терпел её отсутствие в поле своей жизни, что знал, что, если захочет, может увидеть её в любой час, стоит только сесть на троллейбус, проехать несколько остановок, сойти на улице Шевченко, пройти немного на север и решиться нажать кнопку звонка у зелёных ворот в обрамлении деревьев. Правда, в последние годы он ни разу не захотел, хотя эти ворота, цветник во дворе часто снились ему, становясь наваждением, преследовали его, отнимая время и нервы, необходимые для здоровья и полезных дел. Благодарение всевышнему, жизнь закалила его в борьбе с самим собой и он привык жить без неё. Но не повезло: появился Женя. Тот самый Женя, которого он знал пятилетним, шестилетним, семилетним, одним словом, во все его возрасты, вплоть до двадцати пяти лет, вплоть до того душного летнего вечера в уголке летнего ресторана. Он тогда с удовольствием, радуясь за его самодостаточность, принял приглашение Жени, прошёл вместе с ним в дальний угол ресторана, и, наблюдая за людьми, дождался пока официант принесёт заказ, разольёт коньяк в рюмки. Женя нервничал и явно не по причине нерасторопности обслуживания. Кубат подумал, что у него, по всей вероятности, деликатная просьба и поэтому, излучая доброжелательность, не торопил события.

– Какое-нибудь великое событие? – спросил, улыбаясь Кубат.

– Можно и так сказать, – Женя отвёл взгляд и, встряхнув головой, продолжил: – Сколько помню, вы всю жизнь меня вот с таких лет чем-то угощали, что-то дарили, в люди вывели, так сказать. Могу же я хоть раз в жизни вас угостить? За вас! Дай вам бог долгой жизни и крепкого здоровья.

Они выпили.

– Спасибо, – сказал Кубат и, предчувствуя недоброе, насторожился.

– Извините, Кубат Сатарович, вам сколько лет?

– Шестьдесят восемь.

– А моей маме – сорок три. Двадцать пять разница... Хорошо устроились, Кубат Сатарович!

Женя в упор глянул на Кубата. Кубат спокойно выдержал этот взгляд. Он не ожидал такого разговора, но раз так повернулось, надо быть готовым к любым каверзам, а для начала перехватить инициативу.

– Ты прав, я отлично устроился. А тебе было плохо? – холодно спросил Кубат.

Женя побледнел и опустил голову.

– Мне тоже было хорошо, – поднял взгляд Женя. – Я даже не знаю, хватит ли мне жизни, чтобы вас отблагодарить.

– Давай закончим на этом, – встал Кубат. – Это была бы самая лучшая твоя благодарность.

– Нет, нет! – вскочил Женя, – Садитесь, пожалуйста... Я не хотел вас обижать. Я сказал глупость, простите меня, пожалуйста... Честное слово, не буду больше...

Это детское «не буду больше» тронуло Кубата, и он, встреножив бешенство, сел, строго и вопросительно глядя на Женю. Женя разлил коньяк и мялся, видимо подбирая слова.

– Давай, теперь выпьем за тебя. За твои успехи, – сказал Кубат, поднимая рюмку.

Женя выпил и сидел отрешённо, словно забыв о присутствии Кубата. Кубат молчал, он решил, как бы не повернулся разговор, выдержать всё, чтобы внести ясность в отношения, которые неожиданно оказались под угрозой, хотя всегда казались незыблемыми.

– Я знаю вас лет с пяти-шести. Я любил вас, ждал каждого вашего прихода, ждал, как бога, – начал Женя, не глядя на Кубата. – Потому что вы устраивали праздники... Сначала я думал, что вы мой папа, который по каким-то важным причинам не может жить с нами, потом, что вы мой дедушка... А ещё потом я узнал, что у вас семья, взрослые дочери, а моя мама –

ваша любовница... Вот так я и прожил всю мою жизнь: я, мама и её любовник. Изредка появляющийся на горизонте...

– Ты хочешь, чтобы я не появлялся.

– Да.

– Хорошо, – сказал Кубат. – Я могу идти?

– Нет, нет! Посидите ещё немного, пожалуйста!.. Не по-человечески у меня получилось...

Женя вопрошающе глянул на Кубата. Кубат пожал плечами, он был растерян и лихорадочно искал в потрясённых основах души опору, чтобы унять дрожь в пальцах и вести себя достойно.

– Я не хотел вас обижать... Я знаю, что всё, чего достигла мама, только благодаря вам...

– Допустим, что благодаря себе.

– Извините, кто бы позволил подняться бедной девчонке без крыши над головой с ребёнком на руках, будь она трижды гениальная?!

Женя запнулся, стыдливым жестом смахивая нечаянно выступившие слёзы, и эти слёзы стали для Кубата ориентиром, направившим не к хитроумным поворотам мысли и к неуязвимым установкам воли, а к искренности, уже давно выпавшей у него из употребления, и дорогу к которой он сейчас должен был нащупать.

– Я – негодяй, – сказал Кубат, упрямая перечисление собственных благодарений. – Я больше не побеспокою ни Люду, ни тебя...

Голос его задрожал, и Кубат неприятно удивился себе: не хотел он выглядеть ничтожным стариком, вымогающим жалость.

– Нет, нет! Вы – добрый, замечательный человек! Дело даже не в вас... Я не для того вас позвал, чтобы обличать. Но так получилось. Дело в том, что у моей мамы должна же быть в конце концов нормальная семья?

Кубат опустил голову: он не был готов к тому, что мог сейчас предложить Женя, по крайней мере, немедленно.

– Маме сделал предложение один человек...

– Она всегда была свободной, – сказал Кубат и почувствовал предательское облегчение.

– Она боится вас. Боится вас огорчить. Вы же для неё вроде идола, кумира...

– Ты преувеличиваешь...

– Вы действуете на неё как удав на кролика. Извините.

Она не простит никогда, если узнает, что я пришёл к вам с этим разговором.

– Ты прав. Так что, не вини себя. Прости, сынок, я пойду. Я устал.

Никогда в жизни не было у него такого мучительного передвижения по улицам города, как тогда, как будто шёл не он, а памятник, небрежным жестом столкнутый с пьедестала, тяжёлый и неповоротливый среди легковесной толпы. И если он не попал под машину или не упал, столкнувшись с кем-то, то только благодаря инстинкту, который он взрастил в себе: независимо от того, что происходило в голове и грудной клетке, другая часть сознания свободно и расчётливо ориентировалась в обстоятельствах, которые предлагал окружающий мир.

Он привык к своему положению и у него не было случая сомневаться в своих человеческих качествах, тем более, что факты и личной и служебной жизни не давали поводов к этому, а если и случались кое-какие щепетильные моменты, то их разрешение подтверждало его безупречность. Обжитая высота репутации не снисходила до дотошного разбора этих моментов, спеша к эпитетам, лестным для него. Разговор с Женей разрушил его представление о себе, он, точно рентген, высветил каждую его реакцию, каждый извив мысли, и снимок вырисовывался неприглядный. Он был не тем, кем себя считал и, быть может, считали другие. Он предстал ничтожеством, и то, что это узнал только он сам, не утешало: для него всегда было решающим собственное мнение. Просто поразительно, каким он стал невыносимо надменным, когда Женя спросил: «Хорошо устроились, Кубат Сатарович?» и, торопясь наказать за дерзость отпарировал: «А тебе было плохо?», не отдавая себе отчёта в том, насколько непорядочен этот вопрос. Мало этого, даже почувствовал торжество от перехваченной инициативы, немедленно убитое монологом Жени, начавшимся с признания: «Я знаю вас лет с пяти-шести. Я любил вас, ждал каждого вашего прихода, ждал как бога», который обжёг его жаром неподдельного чувства, сбросил с высот уязвлённого самолюбия и невообразимым образом заставил глянуть на прошлое глазами Жени, а, может быть, и Люды. Глазами наложников, у которых он отобрал почти на двадцать лет право на жизнь, свободную от его похоти.

Нет, это была любовь, не похоть. А, впрочем, где та шкала, по которой это можно определить? И если это была любовь, то почему после вопроса Жени: «Должна же быть у моей

мамы нормальная семья?», он перепугался, что ему предложат жениться на Люде, а потом почувствовал небывалое облегчение, когда оказалось, что она выходит замуж за кого-то. Ведь если бы была любовь, то он, услышав, что Люда выходит замуж, должен был умереть от горя, по крайней мере, закричать, забиться в истерику и броситься к ней и сделать всё возможное, чтобы этого не случилось, чтобы она осталась с ним. А он почувствовал облегчение, похожее на радость. Возможный решительный выбор, который он по малодушию вообразил, неожиданно открыл, насколько ему дороги жена, дочери, внуки, внучки, репутация, то есть всё то, чем он легкомысленно пренебрегал.

Кубат был человеком поступков. Осознав, что он сломал жизнь Люды, он заставил себя забыть её, и если она всё-таки прорывалась в память, то каялся, просил прощения, но решительно прерывал эти свидания, чувствуя, что покаяние, затягиваясь, превращается в концертный номер перед самим собой. Целых семь лет после той встречи с Женей, Кубат жил с душой, замороженной чувством вины перед Людой.

xxx

Без пяти минут двенадцать Кубат стоял у зелёных ворот под сенью деревьев. Поколебавшись, он нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась: Люда ждала его. Наверное, тысячи раз он рисовал себе эту встречу, воображая её то в жанре высокой трагедии, то слезливой мелодрамы, и не ожидал, что всё произойдёт так буднично.

– Заходи!.. Не стой как памятник, – сказала Люда, улыбаясь.

Он шагнул вперёд и поцеловал протянутую руку.

– Ах, какие мы галантные! – сказала она и, обняв, поцеловала в губы.

Он обомлел – его ночные фантазии не посягали на такое.

– Да что с тобой? Маразматируешь?.. Идём!

Он пошёл за ней, собирая самообладание. В первое мгновение ему показалось, что Люда несколько не изменилась, разве только похудела, видимо, она принадлежала к тому типу женщин, которые с возрастом стройнеют и вдруг приобретают грацию, не свойственную им в молодости. И только потом, когда она улыбнулась, и морщины, несколько морщин, словно птицы в убывающем парении улетели от глаз, он с грустью

отметил, что годы не пожалели и её. Но улыбка, голос, движения, сияние глаз были родными до спазмы в горле, так, обычно, вдруг перехватывает дыхание и наворачиваются слёзы, когда после долгой отлучки под перестук колёс поезда въезжаешь в пейзаж родины, словно в материнские объятия. Неожиданным было то, что стала обращаться к нему на «ты». Раньше она «выкала» и никакие уговоры перейти на «ты» не действовали на неё, а это «вы» в самые интимные моменты коробило, всякий раз помимо его воли напоминая о том, что она почти ровесница старшей дочери.

– Уезжаешь, значит? – спросил он, когда они уселись за стол с разной снедью, сознавая, что молчание уже становится неприличным.

Он не знал о чём говорить, как говорить и где найти слова, которые, прорвав глухое и слепое пространство разлуки в семь лет, протоптали бы тропинки к взаимопониманию.

– Чай или кофе? – спросила она.

– Чай.

– Уезжаю. Увы – вынуждена. Под Иваново у меня три цеха. А нам со вступлением в таможенный союз перекроют дешёвый китайский импорт. Работать здесь становится невыгодно. А там ткани рядом.

– Деловая.

– Твоя выучка.

– Что же ты не отстроила себе особнячок, как другие?

– Тогда бы ты не нашёл меня... А я всегда ждала тебя.

Глаза её лучились. «Зачем так изощренно издеваться?» – вяло подумал он. В последние годы он считал себя мерзким сладострастником, презирая себя и в то же время испытывая странное, болезненное удовольствие от глубины своего падения, и сейчас его сбивало с толку то, что она, его жертва, сидит напротив, улыбается, поддерживает лёгкий тон разговора и не торопится стать страдальцей, перед которой он мечтал пасть на колени, распластаться в покаянных рыданиях.

– Почему бы тебе не познакомить меня с мужем? – спросил он, чтобы не молчать

– Спешешь – торопишься?

– Очень.

– Тогда придётся позвать, – она стремительно проскользнула к веранде и крикнула: «Серёжа!», затем с той же скоростью двинулась в противоположную сторону и, открыв дверь, позвала: «Серёжа! Серёжа!»

Потом обернулась к Кубату и, изображая крайнее недоумение развела руки:

– Убежал, проклятый!.. Наверное, испугался тебя.

Кубат улыбнулся: он помнил её способность превращать всё в игру и порой настолько увлекаться, что она забывала, зачем это затевала.

– А если без театра? – спросил он.

– Разлюбил, значит, театр... Я с ним прожила недолго.

Он – не ты.

Последнюю фразу она вбила как гвоздь – жёстко и коротко. У него всё оборвалось внутри.

– Прости, Людочка, прости... За всё прости, - просипел он и, проникаясь чувствами непомерной вины перед ней, заплакал. Хотел встать с дивана, чтобы встать на колени. Но ноги не держали – он плюхнулся назад.

– Милый, любимый, единственный! – вскричала Люда, бросаясь к нему. Она обняла его, покрыла быстрыми поцелуями голову, губы, руки. Поскольку он всё ещё пытался встать, она опустилась перед ним, и, оперевшись локтями об его колени, чтобы он не мог подняться, глядя снизу глаза в глаза, продолжала: – Это ты прости меня! Я – тварь неблагодарная!.. Сбылась мечта идиотки – вышла замуж! Но ведь никуда не убежишь от сравнений! Он – человек хороший, умный, ну, просто замечательный... Хоть веди его прямым в рай! Ну и что? Он – не ты... Понимаешь, не ты.

– Я соблазнил тебя, – пролепетал он, потеряв всякие ориентиры.

– Ох и дурачок же ты! Не ты, а я тебя соблазнила...

Вспомни!

Она, поднявшись, картинно виляя бёдрами, прошлась по комнате.

– Тут всё мечется – из юбки вырывается, а тут, – она указала на грудь, – всё прыгает – кофту рвёт... Попробуй только устоять!.. Представь себе, соблазнила сознательно, с расчётом, сначала – с копеечным... Кем была я до тебя?.. Пригородная шпана, прижила к восемнадцати ребёнку неизвестно от кого, спохватилась, да поздно – мать умерла... Пришлось карабкаться, стиснув зубы, любыми путями, плюнув на всё...

– Не заигрывайся, - перебил Кубат.

Он помнил её юную, неотразимую, с сияющими глазами. Помнил и себя, почти пятидесятилетнего, с вечным томлением плоти: жена, довольствуясь внучатами, избегала близости, а если он всё-таки вымогал её, то исполнял свой супружеский

долг с лицом мученицы, взошедшей на эшафот, так что даже при крайней скудости воображения невозможно было не чувствовать себя палачом.

– А я и не играю. Я серьёзна как никогда. Я с тобой прошла такую школу, что мне на три жизни хватит... Ты для меня ведь...

– Может, хватит? – перебил он.

– Какое счастье, что ты пришёл сегодня! Я думала, что не услышу больше твой голос, не увижу вот так, лицом к лицу твой взгляд...

– Не кажется ли тебе, – перебил её он, – что мы не очень удачно играем роли в каком-то дешёвом спектакле?

– Я ведь могу рассердиться!..

– Налей чаю и не дуйся... Мои старые мозги не поспевают за тобой.

– Ну да, ты никогда не отличался сообразительностью.

Он улыбнулся и развёл руки.

– Арман, – вздохнул он после паузы.

– Арман, – повторила она, – Переведи, пожалуйста точно. Это что-то вроде сожаления?..

– Сожаление? Можно и так перевести. Слово объёмное, заключает в себе много смыслов. Можно и как печаль о прошлом. Можно и как тоску о несбывшейся жизни. Можно и как заклинание, чтобы очиститься и жить по новой... Каждый вкладывает своё душевное движение.

– Арман, – сказала она задумчиво, – Я тоже вкладываю в тебя что-то своё и, может быть, оно сбудется... Т-с-с!

Люда, призывая молчать, приложила указательный палец к губам. Кубат был счастлив как никогда.

За окнами трепетали листья деревьев, синело кроткое небо, ровный солнечный свет казался неубывающим. Не было необходимости в словах. Не было позывов алчной плоти, душа общалась с душой, рождая благодарность жизни за эти минуты.

xxx

Где-то через месяц Кубату позвонили, сообщили, что Люда умерла. Оказалось, она уезжала лечиться в Германию. Врачи сделали всё возможное, но они не боги.

Он бросил горсть земли в зев могилы и хотел умереть, чтобы уйти вместе с ней, но не мог себе этого позволить. Не

мог оставить дряхлеющую жену, детей, внуков и внучек, для которых он был опорой.

Он стоял у свежесасыпанной могилы рядом с Женей ни жив, ни мёртв, ощущая, как в грудной клетке, густея, каменила тоска по несбывшейся жизни. Арман.

*Итике
январь 2015*

70 лет Великой Победе

Александр МОЛЧАНОВ



ЗЕМЛЯКИ

Рассказ

Утром будит Леха Архипов, толкает в плечо. Непросто в такую рань подниматься, всю ночь сон был тревожный. Как никак на новом месте – в траншее. Правая рука вся затекла, на ней и спал, вместо подушки подложив под голову. С удивлением смотрю на голубоглазого Леху, не понимаю, что он здесь делает. И что я здесь делаю. Вокруг шум какой-то и возня. Солдаты просыпаются, готовятся. У меня ощущение, будто я проснулся последним. Товарищ лейтенант обходит взвод, рука у него на кобуре. Он взволнован. Что тут скажешь, лейтенант наш, Лосев, от силы на семь лет меня старше. Сержанту Попову в сыновья годится.

– Вставай, Петя, вставай, – толкает меня Леха.

Мы с Лехой земляки. наших сибирских еще трое с нами: Толька Скворцов, Гришка Афанасьев, Ванька Смирнов. Все одного призыва. С сержантом Поповым земляки. Попов следит за нами, в его глазах видна забота, почти отеческая. Он на фронте больше года, а мы, восемнадцатилетние деревенские парни, меньше недели.

– Сибирские? – спросил сержант, когда привели нас пятерых для пополнения.

– Сибирские, все, – сказал в ответ Ванька, – один призыв.

– Под ваш надзор, – сказал лейтенант Лосев Попову, – объясните им тут все.

Сержант объяснил, быстро и доходчиво. Кому же долго растолковывать надо, что война идет?

Во взводе бойцы возрастом от восемнадцати до пятиде-

сяти лет, все из разных мест. Пока не успели со всеми познакомиться, поэтому держимся особняком с земляками.

Разминаю руку, как могу, сегодня она пригодится. Осматриваю винтовку, вчера вычистил, но все равно осматриваю. Дергаю затвор, проверяю патроны. Проверяю запасные и штык. Штык наточен остро, аккуратно под немецкое ребро. Не спрашиваю никого из служивых, каково это человека колоть в ближнем бою. Думаю, так же страшно, как я себе это представляю. Сворачиваю шинель, она и одежда, и постель. Проходит рядовой лет тридцать с ведерком и алюминиевой помятой кружкой. Разливает всем спирта. Мы с Лехой отказываемся. Попов велел отказываться. Сказал, что ясной голове легче тело уберечь.

Леха рядом сидит, вроде как сдержан, но руки у него дрожат. Дрожит его винтовка. Не понимаю его дрожи, потом смотрю на свои руки – они дрожат точно также. Глупо себя обманывать, страшно мне, как и Лехе, как и всем. Мне кажется, что мне страшнее всех. Вот подойдет сейчас Лосев и в глаза мне рассмеется за страх мой и за робость. Затем замполит в галифе придет и арестует за трусость и боязнь защитить родину. И напишут потом отцу и матери письмо, мол, сын ваш, Петр Стрельцов, трус и паникер, за то и арестован. Но Лосев проходит мимо, лишь подбадривает.

Пытаемся всмотреться вдаль, увидеть вражеские позиции, далеко ли бежать до них. Из-за тумана не видать ничего.

– Это хорошо, сынки, что туман, – говорит Попов, – в тумане попасть сложнее.

– И бежать, – говорит Леха.

– Прямо бежать, – смеется Попов, – много ума не надо. Лишь бы быстрее.

Мы готовы, штыки у всех примкнуты к винтовкам. Весь взвод на ногах. Ждем команды.

Ванька достает из сумки полбуханки хлеба, делит на равные части. Подает мне кусок, но я отказываюсь, в горло ничего не лезет. Гришка, Толька и Леха берут, жуют хлеб стоя и жадно. За ночь все проголодались.

Раннее утро, тишина, туман. Так спокойно и легко на душе должно быть. Но тревога не отпускает: вот сейчас прозвучит команда, и беги, братец, в атаку, беги за все, что дорого тебе и близко. Беги без жалости к себе и противнику. Нет на войне жалости. Мы, все пятеро, крепкие белесые парни с широкими плечами, деревенские все. Шинель не коромысло с

пудовыми ведрами, винтовка не плуг. Сможем как-нибудь, сил должно хватить. Тем, кто давно здесь, намного проще, их лица спокойнее наших.

Где-то вдалеке к югу слышатся раскаты артиллерии. Целая войсковая операция. Бог весть, сколько еще таких батальонов вместе с нами побежит.

Смотрю налево: лейтенант наш с пистолетом. У него тоже рука дрожит. Значит, страх есть у всех, и чин от него не спасает. Значит, не настолько я мерзким себе должен казаться.

Вечером говорили нам о позициях противника. На нашем участке они были не столь укреплены, как к югу. Немцы основной удар ждали южнее, где как раз и грохотала артиллерия. Мы рассчитывали на внезапность, поэтому не было артиллерийской подготовки. От этого увеличивался риск нашей атаки.

– Пригибайте головы, ребята, будут из минометов бить, – давал наставления нам Лосев, – и не жмитесь друг к другу, чтобы пулеметы всех разом не посекли.

Меня эта фраза покорила. «Чтобы всех разом не посекли». То есть кого-то посечет, а кого-то нет. Меня ли, Леху – дело случая. Если Леху посечет, то мне дальше бежать, бросить его раненного, истекающего кровью и кричащего от боли, и дальше бежать. А если меня посечет, то так же и Леха дальше побежит, а я останусь лежать, убитый или раненый. Может, и обоих уложит рядом. Или всех пятерых разом. Вот и думай всю ночь, что случится.

К полуночи ко мне Леха подсел, мы как-то особо сдружились с ним.

– Петя, – сказал Леха совсем грустно, что несвойственно его веселому характеру, – если меня завтра убьют, передай там моим, что я...в общем...что я храбро сражался. Калиново ведь знаешь? Недалеко ведь от твоих мест. Передашь?

– Передам, – кивнул я.

Мне не хотелось о том же земляка просить. Мне не хотелось думать о смерти. Она сама о себе во мне думала. Что станет, если меня убьют? Мать будет плакать, сестра. Отец с братьями вряд ли заплачут, они ведь мужики, хотя, наверно, им тоже будет меня жалко, я в семье старший. Нет, не умру, не хочу их расстраивать. Я так себя утешил и завалился спать, укрывшись шинелью.

В правой руке держу винтовку, так крепко, будто могут украсть.левой вцепился в землю, она нас сейчас собой бережет. Но это до тех пор, пока мы в траншее, после команды

всем придется подняться и бежать. Смотрю на землю. В ней и похоронят. Мягкая земля, плодородная, копать могилку в такой земле нетрудно.

– Крепитесь, сынки, – хлопают нас по плечам Попов, – и запомните. Бой – это быстро. Сами не заметите, как все кончится. Поэтому – сначала стреляй, а потом думай. Сначала коли, а потом жалей.

– Каски, каски надевайте, – обходит взвод лейтенант Лосев.

Надеваю каску, хоть в ней неудобно и жестко голове.

Надевая каску, ловлю себя на мысли, что забыл, где я нахожусь и зачем я здесь. Зачем в эшелонах нас деревянниками сюда везли. Нас везли, а мы все думали, какая она из себя война.

Мы стремились увидеть ее и принять участие. Это было оправдано желанием защитить родину. Теперь же, когда все началось, становилось не по себе. Сдавали нервы. Тишина, которая должна была успокаивать, стала вдруг раздражать. Или это только меня? Может, только меня, а товарищей моих нет. Мне стыдно было спрашивать. Да и кого? Земляки жевали хлеб, может, последний раз в жизни.

В тылу мы видели пушки. 45-ти миллиметровые и 75-ти миллиметровые. Видели артиллеристов, курящих на ящиках со снарядами. Видели танки, танкистов, бойких ребят невысокого роста, вечно суетящихся. На наших позициях ни артиллерии, ни танков не оказалось. Пехота была одна, без всякого прикрытия. Мы с земляками даже подумали, что попали в никому ненужный батальон. Потом подумали, что нас, солдатиков, так много, что на всех не запастись артиллерией и танками. А потом, дабы себя успокоить, пришли к выводу, что так нужно, такова еще неизвестная нам военная наука. Танки и пушки должны находиться там, где им следует. Наше дело пехотное: либо держать свою позицию, либо отбивать вражескую.

С каждой минутой солдаты шумят все меньше. Перестают двигаться, деревенеют, как и я.

Рука моя все так же держится за землю. Я всматриваюсь в густой туман, ничего не вижу. А вдруг там, за туманом, и нет никого, вдруг и не было. Все оказалось всего лишь выдумкой, а мы взяли и поверили в нее. Утренняя тишина, прохлада и туман. Разве может во всем этом случиться война? Думаю так, я вспоминаю белорусских крестьян из одной деревни, забыл ее название. Наш уже укомплектованный батальон проходил че-

рез нее. Деревня была сильно разрушена. За несколько дней до этого здесь шел ожесточенный бой. В лицах крестьян мы видели и радость, и страх.

— Что смотрите? — крикнул им Кравченко, наш капитан, — нет больше немцев, нет.

А они все смотрели. То ли впервые советских солдат видели, то ли впервые видели их так много. И потом только я понял: они смотрели голодными глазами. При фрицах они жили впроголодь.

Я едва улавливаю птичий щебет, пытаюсь сосредоточиться на нем, но стук сердца перебивает щебет. Отвлечься никак не удастся. Последние минуты тишины перед войной. Я до этого ее и не видел. Я видел армию, разрушенную деревню, но войны не видел. Не видел немцев вживую, только на картинках. Я ненавижу их за все то, что они натворили.

— Готовность пять минут, — проходит по траншее.

Всего пять минут осталось. О чем же подумать сейчас за эти пять минут? О чем подумать? Ни о чем не думается, значит, незачем. Вот сейчас все и начнется, мой первый бой, первая атака. Готов ли я? Готов, готов. Долго готовился, вот и готов. Поспать бы, правда, часок, да какой тут сон может быть. Пять минут осталось.

Впятером, как по команде, снова все проверяем: винтовки, штыки, патроны. Гранаты нужно проверить. Ловлю себя на мысли о том, что про гранаты забыл. У меня их целых три. Проверяю гранаты, каждую по несколько раз ощупываю, чтобы не выпали, ощупываю патроны, чтобы не выпали. Все на месте, все готово.

Толик передергивает затвор винтовки. Остальные следуют его примеру, винтовка должна быть заряжена, патрон должен быть в стволе. И почему я не охотник, легче было бы с оружием обращаться.

Смотрю на траншею, она глубокая. Нужно потрудиться, чтобы вылезти из нее как можно быстрее. Мысленно представляю себе, как буду это делать.

Все замирает, кажется, замедляется время. Сказали про пять минут так давно, а команды все нет. Я смотрю в туман, он начинает ворожить меня. Нет там никого, просто туман, вот мы и подумали, что там немцы. Сейчас туман рассеется, рассветет и станет понятной наша ошибка. Мы все ошиблись. Сегодня война не начнется.

Нет, начнется. Сейчас все начнется. Мы все побежим.

Сейчас побежим в атаку все вместе, разом весь батальон, как один человек. Мы побежим, чтобы уничтожить врага, чтобы убить их всех. За родину побежим, на которую напали с целью захватить и разорить. Кинемся в туман всем батальоном. Мы победим, сегодня мы победим и останемся живы. Может, и погибнем, но тот, кто останется жив, победит за нас. Если мы останемся живы, то мы победим за тех, кто сегодня погибнет. Не можем же погибнуть все, нас ведь так много здесь.

Я смотрю в туман и застываю...

Слышится крик. Долгий, протяжный, звонкий крик:

– В атаку!!!

Я вздрагиваю, смотрю по сторонам. Солдаты начинают выбираться из траншеи, землячки мои тоже. Первым Ваня, за ним Леха, Гриша, Толя. Я стою в траншее, стою и не могу пошевелиться. Кто-то толкает меня в плечо. Сержант Попов.

– Вперед, братец, вперед! – кричит он и выскакивает из траншеи.

Вот она, атака. Началось. Мне ведь надо бежать, вылезать из траншеи и бежать. Так чего же я медлю? Весь мой взвод вылез, все уже впереди. Я смотрю по сторонам: траншея пустая. Оглядываюсь: за мной никого нет. Я остался в траншее один. Один, кто не вылез и не побежал в атаку. Удар сердца, еще один, третий...

Выкидываю винтовку, чтобы не мешала. Карабкаюсь обеими руками, земля забивается под ногти, но я этого не замечаю. Вылезаю из траншеи, подбираю винтовку, крепко сжимаю ее пальцами, крепко сжимаю, чтобы не уронить, и бегу вперед. Я начинаю бежать и быстро нагоняю своих. Наш взвод бежит в атаку. Все бегут медленно, во весь рост. Сначала не понимаю, почему мы так медленно бежим, чем дальше бежим, тем больше пуль в нас попадет. Потом понимаю, что долго нам бежать, может, километр, может, и того дальше. Нужно сохранить силы для броска, когда противник станет уже совсем близко. Попов оглядывается, видит меня и кивает мне. Он видит, что я не струсил, что я не остался в траншее. Вот Гриша передо мной, вижу Леху. Оглядываюсь, оказывается еще много, кто позади меня. Мы бежим, атака началась. И я бегу, я не струсил, не бросил товарищей и земляков. Я рядом с ними, значит, я такой же солдат, как и все, ничем не хуже. Мы бежим.

Что-то становится не так. Вроде все так, но что-то не так. Что же не так? В нас не стреляют. Прислушиваюсь на бегу. Действительно, в нас не стреляют. Ни единого выстрела и

взрыва. Как будто и нет там никого. Думал, поднимусь сейчас из траншеи, и тут же убьют меня, в ту же секунду убьют, выстрелом в сердце. Не убили, я поднялся в атаку из траншеи и меня не убили. От этой мысли в голове становится яснее, и страх отступает.

Мы бежим, катимся волной через туман на противника. Мы полны решимости сразиться с ним, встретиться лицом к лицу.

– Не робей, братцы, – подбадривает Попов.

Мне кажется, что ППШ он держит одной рукой. Он знает, что делает. Пробегаем сотню метров, еще сотню. Сердце наполняется смелостью, отпускает страх, отпускает. Еще сотня метров. Ничего страшного с нами не происходит, значит, ничего страшного не произойдет.

Тишина, только топот тысяч ног слышен и дыхание батальона. Вдруг вдалеке где-то я улавливаю слухом совсем тихий свист. Свист быстро приближается, он слышится сверху. Что это может быть сверху? Не пойму ничего, бегу и прислушиваюсь. Свист становится все громче, потом обрывается. В ту же секунду метрах в пятидесяти от меня раздается взрыв. Всполохи огня разбрасывают землю. Снаряд не задевает никого, так как не долетает до наших рядов. Я понимаю, что это было. Как же не понять этого. В нас выстрелили из миномета. То мина свистела. Вот оно, вот оно. Произошло то, чего мы ждали и боялись, то, к чему готовились так усердно. По нам стреляют, и смерть оказывается столь близкой и подкрадывается так внезапно.

Солдаты начинают бежать быстрее, все разом, без команды. На бегу переглядываюсь с земляками, их лица спокойны и уверены, словно упавшая перед нами мина является единственной и теперь нам нечего бояться. Действительно нечего, она ведь, мина, пролетела мимо и никого не задела. И тут же метрах в тридцати справа от меня еще взрыв. Я ничего не вижу, но понимаю, что и на это раз промах. Слышатся еще взрывы, сразу несколько. Задумавшись, я не расслышал свиста. Свист не прекращался, его стало много. Похоже, нас обстреливала целая батарея.

Взрывалось справа, взрывалось слева, спереди, сзади. Все чаще и ближе. И после каждого взрыва мы бежали быстрее. Послышались первые крики, кого-то накрыло. Чье-то тело порвало на куски. Я больше не смотрел по сторонам, зачем было это делать. Смерть близка, она может случиться

в любую секунду, в любое мгновение, и никто не сможет меня уберечь от нее.

Мы бежим целую вечность, а в нас все стреляют. Туман постепенно рассеивается, но все равно ничего не слышно. Сердце мое колотится дико, гудит в ушах. Через гул доносится чей-то одиночный крик. Не могу понять, что это значит. Все скачет перед глазами: и земля, и туман. Хлопок, поворачиваю голову влево и вижу, как падает один из солдат. Он выронил винтовку, схватился за грудь и упал лицом в землю.

– Из винтовок палят! – кричит Попов и сильнее пригибается, - мы уже близко.

Вот она, смерть, вот она, война. Все по-настоящему.

– Ура! – слышится отовсюду, сотни голосов подхватывают это слово, – ура!!!

Кричат все, весь взвод, вся рота, весь батальон.

– Ура! – кричу я.

Земляки тоже кричат, мы переглядываемся. Я вижу в их глазах задор, азарт. Мы не боимся их, наоборот, жаждем встречи. Встреча уже близка, с каждым шагом все ближе. Меня переполняет злорадия: они стреляют в нас. Они стреляют в нас, а мы просто бежим.

Туман рассеивается, становятся видны вражеские позиции. Я вижу каски, десятки касок. Вскрикивает парень, который бежит слева от меня, роняет винтовку и останавливается. Я бегу дальше, оборачиваюсь на секунду и вижу, как он, схватившись руками за живот, падает на колени.

– Васю ранило! – кричит Попов и стреляет на бегу.

Я рефлекторно нажимаю на спусковой крючок, винтовка стреляет в сторону касок. Меня дергает от выстрела. Зачем стрелять, не попаду так, думаю, передергивая затвор, и перестаю стрелять.

Немцы палят в нас беспорядочно. Чем мы ближе, тем беспорядочней их стрельба. Перевожу дыхание и бегу со всех сил. Они уже близко. Видно, как многие перестают стрелять и начинают цеплять штыки к винтовкам. Один из них бросает гранату. Граната рвется перед глазами, меня на несколько секунд ослепляет вспышкой. Отряхиваю лицо и смотрю на себя. Я целый, она взорвалась слишком далеко. У немца не выдержали нервы, и он бросил гранату слишком рано. Вижу пулемет, Леха с Ванькой бегут прямо на него. Становится страшно за них, сейчас срежет обоих. Но пулемет резко замолкает, видно кончились патроны. Приближаемся к вражеской позиции,

осталась самая малость. Мы у цели, вот они те, кто пришел с нами воевать. Я вижу фрица с испуганным лицом, дрожащими руками он пытается прицепить штык к винтовке. У него не выходит, штык выскальзывает из рук и падает. В глазах фрица ужас, он орет что-то на немецком. Я влетаю в его крик всем телом и закрываю глаза, потому что в них брызжет что-то красное. Открываю глаза и вижу бледное лицо фрица, у него изо рта течет кровь. Смотрю ниже, мой штык угодил ему в шею и проткнул ее. Я оказываюсь в узкой неглубокой траншее. Кровь хлещет из шеи и рта, немец хрипит, он захлебывается кровью. Выдергиваю винтовку из раненого врага, и враг мой падает. Бью его прикладом по голове несколько раз, бью, не понимая, что немец уже мертв.

– Мама, – слышу знакомый голос, очень знакомый голос.

Поворачиваюсь и вижу Гришку, он кричит истошно, он упал в траншею. Его на меня откидывает немец. Гришка падает, валит меня с ног, я подхватываю его за плечи. Немец вытаскивает винтовку у него из живота. У немца взгляд дикого зверя. Мы столкнулись в траншее, чтобы убить друг друга. Я убил его товарища, он только что убил моего. Земляка, Гришку, убил. Заколочил штыком в живот. Я уронил винтовку, падая под тяжестью раненого друга, и теперь был открыт для него. Немец, оказавшись более опытным солдатом, нежели я, замахнулся для второго удара, и тут же голова его сильно дернулась вперед. Немец выронил винтовку и стал падать, хватаясь руками за землю. Я увидел Тольку. Толька ударил фрица прикладом по затылку, затем ткнул упавшего раза три штыком в бок.

– Толя, Гришу ранили, – крикнул я, не зная зачем, Толя и так все видел.

Очень близко разорвалась граната. Толя инстинктивно присел и прикрыл голову. Потом стал осматриваться. Мы одновременно увидели Ваньку, который бил саперной лопаткой фрица по лицу. Ваньку всего забрызгало кровью. Рядом с ним кого-то душил Леха. Над ушами громко затрещал ППШ Попова. Длинной очередью сержант расстрелял своего противника в упор. Разорвалась еще граната. Повсюду слышались крики. Непонятно, кто кричал, наши или фрицы. Я стал быстро выбираться из-под Гриши, схватил винтовку.

– Минометчики! – крикнул Попов то ли мне, то ли кому-то еще. У него заклинило автомат, – стреляй в них.

Я поднялся и выглянул из траншеи. В нескольких метрах

от нее были немцы, четыре или пять человек. Они находились в окопе с минометом и теперь стреляли и кидали в нас гранаты. Орало что-то. Я поднял винтовку и выстрелил в одного из них, промахнулся. Быстро передернул затвор и выстрелил второй раз. Вместе со мной в них начал стрелять Толя. Они были в нескольких метрах от нас, но мы промахивались. От волнения мушка моей винтовки бешено дрожала, прицелиться было трудно. Я мысленно проклинал себя за кривую стрельбу, проклинал и ничего не мог с собой поделать. После четвертого выстрела винтовка щелкнула, кончился магазин. Матерная ругань вырвалась из меня в воздух. Тут же затрещал ППШ Попова. Очереди стали взметать землю немецкого окопа.

Я сел в траншею с желанием перезарядить винтовку. Дрожащими пальцами сделать это было сложно. Я достал запасной магазин, но он выпал сквозь пальцы и утонул в траншее. Гранаты, мелькнуло в моей голове. У меня были гранаты. Быстро нащупал сумку и достал одну. Приподнялся и выглянул из траншеи. Минометчики до сих пор были живы, несмотря на бешеный огонь, который вел по ним сержант Попов. Они стреляли в ответ. Страх сковывал мое тело, все мои мысли. Но что-то внутри заставило меня выдернуть кольцо из гранаты и бросить ее во вражеский окоп. Я наблюдал взглядом, как она летела и упала туда, куда нужно. Время опять замедлилось в эту секунду, оно то ускорялось, то замедлялось, верное своим временным механизмам. Взрыва не последовало, кто-то из немцев очень громко и истошно закричал, они замерли, но взрыва не было. Одна из касок скрылась в окопе. Сейчас они вернут мою гранату обратно, они бросят ее мне в руки и меня разорвет на части. Вот сейчас все и кончится.

Взрыв вслед за моей мыслью. Тела минометчиков раскидало в стороны. Толя вылез из траншеи и побежал к окопу добить раненых. Они все были мертвы, он даже не стал стрелять. Вернулся обратно в траншею.

– Молодец, земляк, – сказал Толя и хлопнул меня по плечу.

Кое-как придя в себя, я стал осматриваться. Повсюду видел наших. Грязные, пыльные, кто-то в крови, но зато живые. Мы взяли вражескую позицию, мы взяли ее!

Гриша держался за живот и стонал. Мы достали его из траншеи, положили на землю. Гимнастерка его была вся в крови. Крови было очень много, Леха с Толей, как могли, зажимали ему рану.

– Беги за санитаром! – злобно крикнул мне Ванька.

Я не знал, куда бежать. Не знал, где найти санитару в суете после боя.

– Санитар! – громко крикнул и побежал, вдоль траншеи, - санитар!

– Я! – услышал звонкий девичий голос, спустя метров сто или двести.

Я увидел, как к позиции подтягивается подкрепление. Две девчонки, мои ровесницы, с медицинскими сумками подбежали ко мне.

– Там товарищ мой раненый, – сказал дрожащим голосом.

– Веди.

Я побежал обратно, санитарки бежали за мной.

Когда я привел их, Гриша уже не дышал. Земляки с потерянными лицами сидели на касках рядом с ним. Санитарки переглянулись, кто-то окликнул их, и они тут же скрылись в траншее.

Трудно сказать, что я испытывал в ту минуту. Чувств и мыслей было много, они переполняли. Я сел рядом с земляками, глубоко вздохнул. Мы долго молчали, Ванька с Лехой закурили. Очень многое случилось сейчас впервые в жизни.

Бой стих и стал отдаляться. Вместе с ним стали отдаляться чувства и мысли. Я вдруг почувствовал себя пустым, совсем пустым. Посмотрел на лица товарищей. Они все были мрачными и немного потерянными, но, в то же время, в них изменилось что-то. Лица моих товарищей сделались намного суровее. Возможно, и мое тоже.

Из нашего взвода погибло еще два бойца. Четверо были ранены.

Через час убитых и раненых на носилках унесли санитары.

После небольшой передышки нам предстояло наступать дальше.



Асель АЯПОВА

ПЛАЧ КАНЫКЕЙ

Рассказ

Сайра стояла за кулисами. Репетиции завершились, еще немного и она выйдет на сцену в образе Каныкей. Театр готовится поставить оперу на сюжет любимого в народе эпоса «Манас».

По залу прокатился гул множества голосов. Певица украдкой выглянула из-за тяжелого бархатного занавеса. Зрители были разные: черноглазые швеи с городских фабрик, жители окрестных колхозов, учителя. Рядом с молоденькой светловолосой женщиной сидели дети, эвакуированные из Ленинграда. Но больше всего оказалось зеленых гимнастеров – бойцов с руками в гипсе, с белыми марлевыми повязками на головах.

Такую же гимнастерку носит и ее муж. Проводив его в сорок первом году на фронт, Сайра возвратилась с вокзала в театр. Одинок бродила по пустынному залу, касаясь пальцами алых кресел. «Кому теперь нужны мои песни? Быть может, лучше вернуться в колхоз и работать в поле? Или пойти на фабрику?» – думала она.

Сейчас, глядя на посветлевшие лица девушек в аккуратно заштопанных и отглаженных платьях, на букетики осенних цветов в руках у мужчин, Сайра поняла вдруг, как важны для всех этих людей островки мирной жизни.

По проходу, дружески кивая знакомым, прошагал директор театра. Вспомнилось, что он не хочет включать ее в состав фронтовой бригады артистов. Нужна в театре, и все тут. А утром директор смотрел на нее как-то странно, но перед премьерой не было ни минуты свободной, чтобы поговорить...

Вот занавес поднялся, и лишние мысли пропали. Начался спектакль.

И нет уже ни сцены, ни артистов: сам богатырь Манас идет по цветущей долине, с ним сорок воинов и, конечно, любящая жена Канькей. Трудный поход позади. Перед ними лежит земля отцов: в мелодичных звуках слышится плеск быстрой реки Чу, ласковый шепот волн Иссык-Куля.

На лицах зрителей блуждали улыбки.

В антракте Сайра все-таки успела заглянуть в директорский кабинет. Там никого не оказалось, и она решила идти в примерку. Как вдруг заметила посреди стола письмо на свое имя. Девушка поспешно вскрыла конверт. «В бою за Родину... проявив героизм и мужество, погиб...».

Ее муж, ее Сеитбек.

Все поплыло перед глазами. Резко подступила тишина. И темнота.

– Сайра? – будто издалека услышала она.

И не сразу поняла, что сидит на полу. Безучастно позволила поднять себя и усадить в кресло.

Внутри было пусто.

Неожиданно она рванулась, принялась лихорадочно перечитывать письмо.

– Это ошибка! Это какая-то ошибка!

Рядом присел директор.

– Прости. Я не знал, как сказать. Хотел после спектакля.

Девушка смолкла и вдруг зашлась в плаче. Откуда-то появились подруги, одна подала стакан воды, другая гладила успокаивающе, на плечи накинули плед.

Послышался тихий шепот:

– Отменяем спектакль.

– Нет! – закрыв глаза, Сайра спокойнее добавила: - Пожалуйста, начинайте. Я справлюсь. Дайте мне немного времени.

Певица снова стояла за кулисами. Сжимала бледные губы, искала в себе силы для выступления. Раздались звуки музыки. Она вышла к зрителям и на одном дыхании повела сложную партию. В сцене прощания Канькей с погибшим Манасом перед глазами встало лицо мужа. Такое родное, любимое. И дрогнул, зазвенел невыносимой болью голос.

Люди, подавшись вперед, замерли. Светловолосая женщина в зале внезапно закрыла голову руками, плечи ее вздрагивали. Всклипнул сидящий рядом мальчик. У слушателей – у одного за другим – влажно заблестели глаза, будто скорбь певицы передалась и им.

Протяжный плач Каныкей стих. Следом раздались могучие аккорды – воины поднимались на защиту родной земли...

Не успел занавес коснуться пола, как зрители повскакивали с мест, принялись восторженно говорить что-то сквозь вал рукоплесканий. Оглушенной овациями, робко улыбающейся Сайре не хватало рук, чтобы принять все букеты.

Наконец, оказавшись в гримерке, она сложила цветы в углу, перевела дух и стала собирать вещи. Первым делом девушка сняла со стены дорогие фотоснимки: муж, близкие друзья, весенний Фрунзе в цветах.

К ней заглянул директор театра. Певица встретила его просьбой:

– Отправьте меня с фронтовой бригадой.

Ей показалось, что мужчина сейчас возразит, и она настойчиво добавила:

– Исполняя песни для бойцов, я буду петь и для моего Сеита!

– Хорошо, – помолчав, директор кивнул.

Спустя неделю Сайра в составе бригады деятелей искусств Киргизии прибыла на Брянский фронт .



*1942 г. Брянский фронт.
Артисты из Киргизии дают концерт на передовой.*

– Коломбина едет! – раздался звонкий голос.

Сайра невольно улыбнулась. Так бойцы окрестили голубой «ЗИС» – автобус фронтовой бригады артистов. Полчаса назад из-за этой самой «Коломбины» разгорелся нешуточный спор между кавалеристами, зенитчиками и артиллеристами – у кого раньше выступить. Расторопная артиллерия раньше других оказалась возле автобуса и увезла их.

Бойцы опустили на грузовике борта – вот тебе и сцена. Прямо из окопов пришли зрители – пилотки лихо сдвинуты на бок, расселись на пригорке, не выпуская из рук автоматов.

– Киргизская песня «Гюл турмуш», – объявляет ведущий.

Волнуясь, девушка поднимается перед бойцами, запевает. Выражения лиц меняются, становятся мягче. Ей радостно от того, что, не понимая слов, солдаты улавливают настроение, чувствуют, что песня о жизни. Следующий номер она долго репетировала вчера. Баянист начинает наигрывать веселую мелодию, и Сайра под смех и рукоплескания поет на белорусском языке песню о вкусной картошечке. Неожиданно раздается гул, девушка невольно повышает голос. Из-за деревьев выныривает самолет и делает круг над сценой. Певица краем глаза видит черную свастику на крыльях.

– Мессер! – выкрикивает кто-то. – Ах, поганец!

Кажется, еще мгновение и полетят бомбы, но тут где-то рядом стрекочет пулемет. Незванный гость, потрянув серым брюхом, уносится прочь. Сайра продолжает выступление. Ее вызывают на бис, и девушка, слыша отдаленные выстрелы – никогда она к ним не привыкнет! – поднимается на сцену.

После концерта какие-то люди засуетились возле блиндажа.

– Разведчики вернулись, – пояснили певице. – Есть раненый.

На носилках лежал молодой мужчина. Его смуглое лицо побледнело, черные волосы прилипли ко лбу, а сквозь повязку на ноге проступила кровь.

– Сайра, едем! – окликнули ее.

– Сейчас.

Пригнувшись, она зашла в блиндаж, куда минутой раньше внесли носилки.

– Здравствуйте.

– Ой, – в глазах раненного засветилась радость. – Вы тут? Вот это да! Я слышал ваши песни. Я Омурбек из Фрунзе.

- Вы разведчик?
- Я учитель, который временно занимается разведкой.
- А мы тут с концертом.
- Эх, не довелось мне послушать.

Боец говорил спокойно и только по вцепившейся в одеяло руке можно было понять какую боль он испытывает.

Сайра села рядом, осторожно взяла его за руку и начала петь. Поилились тихие и простые слова о девушках ждущих воинов домой из трудного похода. Она пела и чувствовала, как расслабляются судорожно сведенные пальцы, становится ровнее дыхание.

Раненый слабо улыбнулся.

– Спасибо. До чего приятно вас слушать. Будто домой попал.

Снаружи донеслось:

– Сайра!

– Мне пора. Последний куплет я спою для вас во Фрунзе. Будет весна, город необыкновенно красив весной. Будет мир, и вы снова станете учить детишек в школе.

– Я приду в театр и подарю вам цветы.

Певица серьезно кивнула.

– До встречи.

И вышла из блиндажа.

Спустя минуту взревел мотор. «Коломбину» ждали в соседней дивизии.

Владимир ФЕДОРОВ



ХОРОШО ЛЕЖИМ

Рассказ-ахинея¹

Усопший лежал в богатом гробу посреди просторного овального зала в центральном доме работников искусств на Пушечной. Отдельно стояла, ожидая своего часа, значительная, как рояль, лакированная крышка из дорогого благородного дерева. Возможно, из бразильского палисандра. Невидимые стереофонические динамики посылали вибрации светлой скорби *Stabat mater* от достойнейшего маэстро Перголези. Сидоров представил себе чопорное великолепие Венского симфонического оркестра: дирижер – сумеречный монстр из Иудеи, похожий одновременно на усопшего Элина и странствующего Темирканова, умный печальный взгляд смертельно усталой собаки, ниспадающие в пол, к лакированным лодочкам концертные платья на женщинах виолончельного кроя, точеные шахматные фигуры хористов в глубине у задника, две прекраснейшие дивы – сопрано и контральто – на авансцене в декольте – грудь впереди, как аванс перед зарплатой, партитуры в руках, нераздельные в созвучии, как душа и тело до последнего вздоха.

Живописное искусство было представлено портретом покойного, написанного арбатским мазильяни для шумных прижизненных торжеств. С портрета покойный смотрел на себя, лежащего в гробу, большими, красивыми, живыми глазами. Смотрел и, кажется, не узнавал. «Ты кто? – вопрошал висящий лежащего. – Не припоминаю такого. Зачем закрыл зеркала души? Почему нет раввина?» Умерший коммунистом

¹ Определение автора

не удостоивал ответа, безмолвствовал под покровом цветов, число которых было велико и не делилось на три без остатка. Рисунок лица острыми штрихами выдавал руку сюрреалиста. Холодная желтая кожа его модели обтягивала скулы, щеки ввалились, нос, наоборот – возвышался над остальным лицом, шею уродовал свежий рубец. Не многие из провожающих смогли заставить себя поцеловать это лицо.

– Кто знает, сколько сегодня стоит такой гроб?

Хотела шепотом, получилось во всеуслышание. Ну, оторва эта Миронова! Пузырьки ушли – брют остался.

– А чо? Что–то не так? Самый актуальный вопрос для нашего контингента, – оправдывалась Миронова. – Я хоть и откладывала себе на гроб, но на такой... Правда, сколько такой стоит? Степанюк, ты всё знаешь. Говорят, ты в гробовом бизнесе щас.

Степанюк, как человек из Кремлевского пула, снимавший немой протокол, допущенный к Самому, к Генеральному, знал если не всё, то, конечно, больше других. Тем более в данном вопросе, так как осуждал знаменитые гонки кремлевских старцев на лафетах.

– Не совсем в этом бизнесе. Просто наш рекламно–издательский центр сотрудничает с ритуалом. – Степанюк достал из кармана записную книжку, полистал. – Креативных похорон не так много. А пафосных сколько угодно. Вот самый последний случай. Тридцатилетнего бизнесмена в Москве похоронили за один миллион долларов. Основная сумма была потрачена на гроб ручной работы, костюм покойного, катафалк и поминальную трапезу.

– А Япончик, – подхватил тему Свищенков из выпуска. – Помните, писали? Самыми яркими похоронами за последние годы в Москве стали проводы убитого киллером главы русской мафии Япончика. Шикарный гроб несли на огромном флаге, в яму к покойнику бросали бриллианты и «ролексы», целая армия криминальных «ритуальщиков» дежурила по всему кладбищу месяц, чтобы не раскопали и не разворовали.

– Серьезные люди серьезно подходят к серьезному делу, – подставила под поцелуй густо нарумяненные щеки шумная Ирка Терёшкина. – В совке это было не принято. Ушел – и нету. В никуда. С концами. А по какому разряду похороны, кто плакал, кто смеялся, это ему, покойнику, до лампочки. В гробу все без карманов. И т.д., и т.п. А вот и нет. Уходят Туда. Есть какое–то Там, Тот свет. С большой буквы. Сакральное!

– У меня есть знакомый дизайнер–гробовщик, – развил тему рекламный агент Кремлевского пула. – У него был заказ разработать дизайн в духе времени. Это были друзья одного автогонщика, который рассекал на «прокачанной» тачке по смертельно опасным трассам. Хотели сделать парню подарок. У него был рак мозга в четвертой стадии, и было ясно, что гонять ему в этой жизни осталось недолго. А он всегда мечтал о желтом Ferrari. Просили разработать проект гроб Ferrari. Так вот представьте, в России ни одна контора не взялась за изготовление. Нашли производителя в Англии. Завязался совместный бизнес под слоганом «ПОХОРОНЫ ПО–РУССКИ». Идея какая? Поскольку душа уходит в вечность, то гроб это транспортное средство, которое доставляет в пункт назначения. Ребята консультировались в церкви, церковь благословила. Мол, идея о смерти физической и переходе в жизнь вечную созвучна всем религиям.

– У нас по Вечной жизни теперь есть свой консультант, – съехидничала Миронова. – Обещал прийти. Кто с Крутовым связывался?

– Должен быть, я звонила, – подтвердила член оргкомитета Терёшкина. – Как без него? Он у нас самый русский.

– Я бы сказала, наиболее русский, – приутюжила текст Миронова.

– Вот, ё–мобиль твою, времечко настало, – посетовал бородатый симпатяга Галкин, комментатор Космических полетов, свой человек на Байконуре, доживающий репортерский век в маленькой, но патриотичной кинокомпании «Stilos». – В прошлом году в Москве была выставка ритуальных принадлежностей. Иностранцы привезли несколько гробов, сделанных специально для русских. Один был в виде бутылки водки. Был гроб в форме рыбы. Кстати, сейчас он стоит в музее на Старом Арбате.

Было полное ощущение, что почивший в бозе Леня прислушивался к разговору, хотел и сам вставить словцо. В новостях работал по широкому фронту – авиация, ж/д, авто, стройки. Всегда имел что сказать. Он был их сотрудником, товарищем, для некоторых другом, для кого–то, возможно, и больше, чем другом. Зампред Лазуткин называл его Лёней. Женщины в прощальных речах у микрофона говорили, какой это был красивый, яркий мужчина. Употреблялось и новомодное слово «мачо». Слезы были, но очень умеренные,

без экзальтации, могущей уколоть Веру. Вера, жена, сидела у изголовья – эффектная блондинка под черной вуалью, лет на двадцать моложе. Её знали, обращались по имени, подходили с выражением соболезнования, целовали. Но больше целовались друг с другом. Ритуально. Усохшими стариковскими губами в обескровленные щеки. Близорукими, полинявшими глазами, щурясь, всматривались в лица и видели собственное отражение. Увиденное расстраивало. Лучше бы не смотреть. Лучше бы слушать радио. Кому за семьдесят, кому под восемьдесят. Калерии так вообще без малого девяносто. Пенсионный отстой. Списанные, отстраненные, обиженные. В траченых молью свитерах, в обветшалых штанах, в замызганных ботинках. У зампреда самопроизвольно дергались плечи, у замглавного паркинسونили руки, режиссер припадал на ногу, оператор поддерживал спину руками.

К Сидорову подошла женщина, которую он был обязан знать, но не узнал. С выпуска? Из корсеты? Стенографистка? Стенографистки были первыми читателями его текстов из Фрунзе и Воронежа. По телефону сложились добрые отношения. Может, кто–то из них? Физиономия зависла в режиме ожидания. Глаза расширенные, полные неизбежного, болезненного изумления. С трудом сделал вид, что обрадовался. На всякий случай даже поцеловал куда–то в висок.

– Вижу, Володенька, не узнали. Стенбюро, – затрепетала плечиком незнакомка. – У нас же контакты вслепую, только по голосу. Теперь нет диктовок. Работаем на расшифровках. Цифра, новые технологии. Половину бюро сократили. А вы теперь в ВГТРК? Документальное кино? Как же вас отпустили!

У дамы из стенбюро волосы были выкрашены в бирюзовый цвет. Читались вызов и одновременно неуверенность в себе. Надо полагать, подолгу смотрелась в зеркало, фантазировала. Хотелось что–то изменить к лучшему, прибавить чего–нибудь к тому, что досталось от мамы с папой. Тут бы завлечь ярким локоном, губы коралловые, ногти в тон прическе зеленые. Но всё вышло как–то сумбурно, пятнами. И как–то впустую. Даже в обратную сторону. Смотреть было больно. Спасибо Юре Прокофьеву – подошел с фотоаппаратом: улыбочку! Скроили нечто вроде улыбочки.

Юра Прокофьев, сильно прибавивший в весе, вернулся к злободневной теме подорожания гробов и кладбищенских участков.

– Я лично, между прочим, прикупил местечко. С видом на речку. В деревне, где дача. Во–первых, там дешевле. Во–вторых, это как страховка на случай, если придет смертный час, а денег тью–тью. Время такое, сами знаете. В–третьих, там церковь рядом и батюшка знакомый. Насчет места, насчет отпевания договорились.

– Правильный маркетинговый ход, Юра, – одобрил Степанюк. – Кстати, в Китае многие покупают гробы при жизни. А богатые китайцы возят гробы с собой в путешествиях: вдруг смерть застигнет в дороге. Наш партнер из Ритуала говорит: в России было две волны покупки гробов при жизни. Первая – во времена тотального дефицита, вторая – во время дефолта. Люди покупали гробы впрок и не скрывали. Сказать соседу, что купил себе последнее пристанище, всё равно, что похвастать покупкой дачи. В сытых нулевых эта мода ушла, а после ввода санкций снова начали скупать про запас. Как телевизоры, холодильники, стиральные машины. Деньги–то обесцениваются. А гроб вещь необходимая, практичная.

Тут и Сидоров вспомнил историю из своих поездок в любимое Пошехонье. Известные своим юмором пошехонцы прикалывались. Например, муниципальное ритуальное агентство у них называлось «Добро пожаловать». Режиссер местного музыкально–драматического театра рассказывал. Как–то раз позвонили ему из этого самого «Добро пожаловать»: «Вы же делаете декорации, костюмы. Значит, сможете и похоронное действо оформить. У нас заказчик – девушка, выпускница театрального вуза. У неё саркома, жизни осталось на месяц–два. Сыграть на сцене не успела. Отец пообещал дочери: сделаем. Там старинная барская усадьба догнивала, в Лопухах Красных. Дом с колоннами, но без крыши. Построили вокруг колонн сцену с роскошным занавесом, постамент в виде катафалка. Изготовили стеклянный гроб – образ хрустального ларца. По замыслу режиссера, девушка засыпала в ларце в ожидании прекрасного принца с «поцелуем Вечности». Сшили парчовое платье с отделкой из вологодских кружев, искрящуюся вуаль, фраки для участников церемонии. Заготовили массу цветов экзотического происхождения. Зрители собрались. И вот ведь мистика! Согласно сценарию, прекрасный принц наносит «поцелуй Вечности». Принцу процедура по вкусу – он наносит для верности контрольный «поцелуй Вечности». И в ужасе чувствует: губы у девушки холодные. Между двумя поцелуями отдала Богу душу.

– Сюр! Сюр меня! – запричитали дамы. А режиссер Калерия, нашедшая в мизансцене с девушкой подтверждение собственных творческих убеждений, выдала текст, мол, жизнь – театр и все мы в нем актеры.

После отставки Горбачева, заявление которого она снимала в Кремле, её всё меньше занимали в повседневных оперативных съёмках, что, наконец, высвободило время для чтения книг. Читательница сделала важные открытия. Например, выяснилось, что классики приписывали себе многие её личные, приватные мысли. Даже те классики, что жили в семнадцатом, восемнадцатом веках, а то и до нашей эры. Шекспир, в частности, был просто напичкан её формулировками. Но она ему плагиат простила.

– Царство небесное! – перекрестилась Калерия. – Раба любви к театру... Володь, как её звали?

– Вика... Кажется, Вика. Виктория.

– ... Преставилась раба любви к театру Виктория. Царство Небесное. Вечная память.

– Какая, блин, вечная память! – с досадой процедила Терёшкина. – Вот ушел Женька. Уж какая была знаменитость! Ушел Димка. Звезды, лауреаты Госпремии. Сколько лет прошло? Всего ничего. А кто помнит? Ушли и с концами. Я своих студентов с журфака спрашиваю: вот были в программе «Время» Синицын, Белов, Герман Седов – корифеи журналистики. Никого не знают! Вот Катя Андреева – это да. Иван Ургант, Малахов...

– Всё проходит. Всё в гумус уходит.

– И в какой гумус! Хатаевич, Федорович, Комарова, Каверзнев... Какие цветы должны расти на таком гумусе!

– Ага. Вчера юная тёла принесла сценарий «Автобиография Преподобного Сергия Радонежского», – добил новое поколение шеф–редактор кинокомпании «Stilos» Галкин. – Автобиография! «А что не так»? – спрашивает. Сивокобылицы, блин! Ауты! Ногти – зеленые, волосы – синие, юбка – до пупка, слово «неандерталец» пишут раздельно. Логика: раз есть неандертальцы, значит, есть андертальцы.

– В Гугле читали? – подхватила причитания доцент Терёшкина. – Там для таких тёлок запустили подначку. Как стать русалкой? – 27 200 запросов за месяц. Как стать вампиром? – 60 400 запросов за месяц. Как стать умнее? – 3 525 запросов за месяц.

– А на хрена умнее? За что боролись, на то и напоролись. Страна победившего, блин, секссимволизма! Гей, славяне – дуй в Гейропу! Кругом мундиры голубые и в жопу ядерный народ.

Тема была на языке и в сердцах. Со страстью, неожиданной для собравшегося у гроба заклимаковского сообщества, перебирали громкие имена, смаковали подробности, пробовали на вкус новомодные слова и словечки из лексикона сочинителей автобиографии Сергея Радонежского.

– А что власти умнее? Кто в Думе сидит? Новый закон читали? Запрет на кружевные труселя. Оказывается, вредно для бабского здоровья.

– А ну, секс–бомбы, признавайтесь, кто тут у нас ТАТУированный? – требовала бойкая на солёное словцо Чернуха.

– Уж полночь близится, а Германа всё нет, – невпопад, как всегда, не вписавшись в контекст, пропела Калерия. – Зато современные женщины доминируют в сексе. Научно доказано.

– А наши–то обздончики и не знают, – возвращаясь к повестке дня, панорамировала глазами Миронова. – Хренпредержанные – копытом бьют!

Сидоров переходил от одной кучки обздонов к другой, не отстранялся от пустопорожних поцелуев, наносил ответные. Машинально уводил нос в сторону: изо рта целовальщиков дурно пахло. Отметил: раньше на похоронах сверстников этого запаха не было. Дожили. Проблемы с кишечником, желудок гниёт, зубы гниют, кариес точит. У кого и зубов нет. Общая гнильца. Загнивание. От женщин еще и мочой паховало. Куда денешься: старческое недержание. Запах мочи перебивали духами. От разнокомпонентного амбре подташнивало. Пытался принюхаться к себе. Неужели и сам такой? Не должно быть. На днях в поликлинике, где ему заполняли санаторно–курортную карту, доктор Афанасьева /ну, такая прелесть!/ с детской непосредственностью обрадовала: «У вас прекрасная моча»! УЗИ желудочно–кишечного тракта тоже не показало ничего порочного. Как и рентген легких. ЭКГ похуже, застучали микросистола. Но больное сердце не пахнет. Нервишки, правда, никуда. По ночам судороги. Но и это, слава Богу, без запаха. С зубами вообще никаких проблем: зубов нет, заменили керамикой. Акопян подтвердил: «Хорошо выглядишь».

– Леня на юбилей приглашал. 75 лет. Я не смог. Был в Сербии, в командировке, – оправдывался Сидоров. – По

местам убитых наших собкоров: Ногин, Куренной. 91-й год. Фильм снимали.

– Молодцом держался, – вспоминал Акопян усопшего Элина. – Рассказывал анекдоты, пел даже. Он же ГИТИС окончил. Всё рвался на сцену, юбилейные сборища вел. Двенадцать лет назад сам Давыдов провел тотальную резекцию. Думали, пронесло. А в прошлом году нашли метастазы в легком. Неоперабельные. Ты как – на работу или в крематорий? Сжигать будут.

– Мне на работу надо.

– Маладэс. Ты один при делах остался. Цифру осваиваешь?

– С цифрой проблема. Она меня в гроб вгонит. В новостях всю технологию перевели в цифру. И черновой монтаж самому надо осваивать. Мальчики, девочки впереди – у них пальчики быстро бегают. Быстрее мозгов.

– Сифра есть – ума не надо, – с акцентом на киргизское прошлое Сидорова, поддакивал Акопяну Свищенков. – А кто же будет человеческое снимать? Ты ж, Володь, у нас один такой был. После Женьки Белова. Простонародный. От сохи.

– Обойдутся без человечины, – скромничал Сидоров. – Да и в самом деле, зачем в новостях человечина? Я, честно говоря, удивляюсь, что меня, ватника, так долго терпели в программе.

– Ватник, блин! Я этих сетевых хомячков...Интернет, блин! Уткнулся в планшет – вроде вся информация перед носом. Между прочим, предками добытая. Твори! Создавай! И что? Где ваш Шостакович? Где ваш Ландау? Где Малевич, Шагал, Кандинский? У вас даже Смоктуновского нет! Я, Володь, разочарован. Ты не сдавайся, держись.

– Я держусь. Моча хорошая, – похвастал Сидоров. – Хотя всем нам скоро кранты. У кого хорошая моча, у кого с дефектом. Всему человечеству. Не читал книгу «Шестое вымирание: неестественная история»? Через 80 лет с лица Земли исчезнет половина всех живых видов.

– Что-то слишком быстро. Раньше говорили про миллионы лет. Кто это пророчит? Нострадамус? Глоба? Джуна?

– Элизабет Кольберт. Лауреат Пулитцеровской премии обозреватель «The New Yorker».

– Эк тебя занесло! – подивился Акопян. – Нон-фикшн снимаешь?

– Очевидно–невероятное мракобесие, – подхватил тему космический Галкин. – НЛО вернули, гуманоидов. Армагеддон. Это теперь самый ходовой жанр в документалке. Страшилки такие: мол, в истории Земли было пять случаев массового вымирания. Самый масштабный катаклизм произошел 250 миллионов лет назад – с планеты исчезли 96% морских и 70% сухопутных видов. Понадобились еще миллионы лет, чтобы флора и фауна восстановили биобаланс. И вот сейчас мы снова на пороге исчезновения. Некоторые сравнивают человечество с астероидом, который попал в планету.

Часть аудитории переключила внимание с похорон отдельно взятого гомосапиенса на шестое всеобщее вымирание. Слава Богу, ни одному из присутствующих дожить до него не грозило. Хотя животный и растительный мир Земли приближался к вымиранию катастрофически быстрыми темпами.

– Он пугает, а мне не страшно, – процитировала себя начитанная Калерия.

Но Галкин уже не мог остановиться. Очутившись в центре внимания, повышал градус кликушества.

– Когнитивные функции – интеллект, память, гнозис, концентрация внимания – деградируют. Люди изменяют пейзаж Земли, убивают зверей, массово уничтожают тропические леса, транспортируют живых существ из их естественной среды обитания на другие континенты, «закачивают» миллиарды тонн углекислого газа в атмосферу и океаны. Одна треть всех рифов, треть всех пресноводных моллюсков, акул и скатов, четверть всех млекопитающих, пятая часть всех пресмыкающихся и шестая всех птиц направились к реке забвения. Главная причина – изменение климата. Из-за глобального потепления возникли новые грибки и вирусы. Народы размножаются безбожно. Чем кормить? Дрянь всякая, ГМО. Короче, 80 лет – и давайдасвиданья.

Глашатай очередного Армагеддона победоносно оглядел слушателей.

– Ну, ты, Галкин, мозг! – прервала проповедь доцент Терёшкина. – Не тяни одеяло на себя. Кто у нас сегодня главный герой? Оттоптались на пэтэушницах – и хватит. Переводим жизнь в контекст жития невозвращенца нашего Леонида Элина.

Ритуальная процедура пляшет от печки. В смысле, от крематория. Там всё расписано по минутам. Конвейер. На

панихиду два часа. Слово от коллег из программы «Время», слово от КБ Сухого, где покойный подвизался последние годы. Public Relations. Рекламные проспекты, буклеты, биографии начальников. Летчик испытатель, Герой России закатил панегирик на двадцать минут. Мыслям тесно, словам просторно. Миронову вообще занесло не в ту степь. Мол, до этого дня думала: ну, что Лёня? Один из нас. Не лучше, не хуже. А после сегодняшних речей поняла: лучше. Мне, мол, о таких похоронах мечтать не приходится. Ни зала в ЦДРИ с Перголези, ни гроба из палисандра, ни цветов, ни речей. А в землю или в печку проситься – еще не знаю. Надо подумать.

Тут и думать нечего, – про себя решил Сидоров. – Конечно, крематорий. Хотя и на кладбище сейчас меньше хлопот. Не надо выкапывать яму, рвать жилы, опуская гроб, закапывать. Теперь всё это покупается в ритуальном сервисе. Никакой самодеятельности. Во Фрунзе, когда сорокалетние хоронили своих семидесятилетних – а они уходили чередой, один за другим – у Сидорова от лопаты ладони загребели, покрылись мозолями. Он, как профессиональный землекоп в молодости и честный, добросовестный трудяга по жизни, всегда первым хватался за лопату. И профессионально же отмечал характерные особенности земли. В Киргизии рыть было в сто раз труднее, чем, скажем, в Воронеже. Сплошные камни – лопатой не возьмешь. Нужно кайло, лом. Семь потов сойдет, пока яму выроешь. В Воронеже копать могилу одно удовольствие: чернозем, лопата входит, как нож в масло. Там тоже пришлось хоронить родителей сотрудников. Подошли годы. Ну, и Кирюшку схоронили. На высоком берегу степенного Дона, играющего на солнце тугим, могутным телом. Выбрали с Риммой райское место на краю соснового бора. От реки поднимался свежий ветерок, загонял в ноздри антибактериальный хвойный дух. Кирюшку завернули в её персональный ковер, уложили в глубокую могилу и дали волю слезам. Никогда так не плакали. Даже когда хоронили близких. Кирюша была лучше, чем человек. Она была сама любовь. Любила страстно, чувственно и без всякой корысти. Полное имя Кэри. Пудель шоколадной масти. Двенадцать лет. Мать многих щенков.

– Ты давно в Киргизии не был?

С троекратным по православному чину целованием пошел Саша Крутов. Александр Николаевич теперь, при деловом костюме с галстуком. Явился с опозданием, уверенным

размашистым шагом приблизился к усопшему, положил цветы, перекрестился. Духовный. Наиболее русский. Идеолог имперского Возрождения, хозяин «Русского дома» – издательство, православные телепрограммы, семинары. В слове, которое немедленно получил от ведущего церемонии, представился скромным учеником покойного, младшим товарищем.

В 80-х уроженец Поморья Саша был в первой тройке лиц программы «Время». Когда в 1993–м собора Сидорова в суверенном Кыргызстане объявили персоной нон–грата, приехал на выручку. В руководящих кабинетах встречали, как важную персону. Возили по адресам «жалоб трудящихся», на встречу с прокурором, вице-премьером. Президент обижался: что я, признанный демократ, хуже диктатора Каримова? Языководы обижались, что Сидоров оскорбительно перевел на русский новое название столицы Бишкек. Обозвал кумысомешалкой, миксером /со ссылкой на Большую национальную энциклопедию под редакцией первого секретаря ЦК КП Киргизии товарища Усубалиева/. А на самом деле Бишкек это имя великого батыра земли кыргызской. Депутаты Жогорку Кенеша обижались, что в сюжетах Сидорова работают русские, а кыргызы пляшут и пьют, что шовинист Сидоров нагнетает межнациональное напряжение, в издевательских тонах комментируя Указы о переименованиях городов, рек, улиц. Имеем, мол, полное право. Правительство обижалось, что Сидоров дискредитирует его, показывая, как русские бегут с «острова демократии» на материк в Россию, бьются в очередях за железнодорожные контейнеры, министры обижались на информацию, что они вместо постаревших русских жен берут себе кыргызских молодых /оставлять русских стало непатриотично/. Обидчивей всех оказался прокурор. Потребовал привлечь господина Сидорова к уголовной ответственности за то, что в сюжете про национальную валюту сом тот обозвал кыргызов баранами. Причем хитрым, завуалированным путем, через иносказание «молодец против овец, а против молодца – сам овца».

В редакции газеты «Слово Кыргызстана» знатному московскому телекомментатору показали подборки писем читателей под рубрикой: «Руки прочь от Сидорова»!

«Уважаемый Аскар Акаевич! Коллектив «Нарынгидроэнергостроя» на протяжении многих лет знает В. Сидорова как честного и объективного журналиста. Сообщение ТВ «Остан-

кино» в программе «Новости» 14 сентября расцениваем, как сдачу провозглашенных в республике демократических принципов и усиление реакционных сил.

Уважаемый Аскар Акаевич! Мы уверены, что Вы незамедлительно вмешаетесь и восстановите статус и доброе имя хорошего журналиста».

Казбек Хуриев, генеральный директор АО «Нарынгидроэнергострой».

Художественный руководитель русского драмтеатра Владислав Пази отозвался язвительной репликой.

«Очевидно, пришла пора учредить в составе Правительства министерство «Правды» /по рецепту Оруэлла/. Судя по тому, как искаженно выворачивается смысл ироничной русской поговорки «молодец против овец», да еще со ссылкой на «письма трудящихся», способные кандидаты на службу в таком министерстве в недрах правительства есть. Не укладывается в голове убеждение, что выдворение «зарубежного корреспондента» /гражданина этого же государства!« будет способствовать межнациональному миру, всеобщему согласию и стабильности».

Редактор «Слова» Малеванный достал из шкафа бутылку «Кыргыз коньягы» пять звезд, разлил по граненым стаканам.

– За правду!

– В смысле? – не уклоняясь от самого процесса выпивки, уточнил на всякий случай московский гость.

– Орган Центрального Комитета коммунистической партии Российской Федерации газета «Правда». Недружественная, кстати, Центральному телевидению. А вот проявила профессиональную солидарность. Мы перепечатали. Специального корреспондента на эту тему поставили – Григорову Римму Юрьевну. Она за профессиональную солидарность отвечала. Письма трудящихся, целые полосы.

Выпили по первой, закусили конфеткой из безразмерного редакторского стола с двумя тумбами. Крутов, изучив пятизвездочную этикетку «Кыргыз коньягы», углубился в газетный текст.

«Далеко не всегда правдисты согласны с комментариями тележурналистов «Останкино». Однако новость о том, что корреспондент «Останкино» Владимир Сидоров объявляется персоной нон – грата просто шокирует. В стране,

где Президентом самый демократичный /после Б. Ельцина/ лидер, объявляет табу на выступления журналиста, чье мнение идет вразрез с официально предписанным. Неужели правительство предпочитает розовый сироп вместо пусть и горькой подчас, но правды жизни?»

Под слова о розовом сиропе сам бог велел разлить по второй. Александр Иванович Малеванный, тертый калач, побывавший в ЦК замзавом отдела пропаганды, налил Александру Николаевичу Крутову и Владимиру Григорьевичу Сидорову. Вторая пошла хорошо.

«Мне много лет довелось работать бок о бок с Владимиром Сидоровым и могу свидетельствовать: его как журналиста не упрекнешь в беспристрастном подходе к жизни. Ибо Кыргызстан для него не страна пребывания, как пишет пресс-служба, а Родина.

Виктор Широков.

«Правда», 16 сентября 1993 года.

Не успели в кабинете редактора Малеванного разлить по третьей, как по вертушке позвонил пресс-секретарь Акаева Кабай Карабеков: «Аскар Акаевич приглашает товарища Александра Николаевича и Владимира Григорьевича в свою резиденцию на Иссык-Куле». Вопрос был исчерпан. Аскар Акаевич извинялся за коллег из Правительства, парламента и прокуратуры, поднимал тост за программу «Время», говорил, что русский язык станет в Кыргызстане вторым государственным и цитировал соответствующие строки из Тургенева. На закуску подавали молодого барашка и конскую колбасу чучук.

– Никаких обид, – успокоил Президента Сидоров. – Был бы я кыргызом, стал бы националистом. У нас, здешних русских шовинистов, за спиной есть империя, а у кыргызов другой земли нет.

Аскар Акаевич оценил алаверды собкора «Останкино». И даже ошарашил предложением: а давайте, Владимир Григорьевич, мы вас выдвинем в Жогорку Кенеш. Наши товарищи в орготделе просчитали электоральную базу: чабаны вас поддержат. В Кочкорке так сто процентов. Говорят: нам хороший корреспондент достался.

– Володь, он где щас – Акаев? – спросил Крутов. – Симпатичный мужик.

Симпатичный, спору нет. Но себе на уме. Скрыл, что о Сидоровской истории «Der Spiegel» написал. Немцы вынесли

сор из избы. «Der Spiegel» это посерьёзней, чем «Слово Кыргызстана».

– В Москве он. Иностраннный членкор Российской Академии Наук. Путин прикрыл. Работает в НИИ МГУ с Садовничим над прогнозом мировых экономических кризисов по системе Кондратьева. Экономический Нострадамус. Перезваниваемся.

– А этого, Пази, вашего режиссера, который Оруэлла помянул, я здесь видел, в Москве. На гастроли приезжал, из Питера. Командует в Ленсовете самой Фрейдлих.

– Нет уже Владислава Борисовича, – рука Сидорова, так сказать, от себя лично, без участия головы, потянулась перекрестить лоб. – Умер, вечная ему память. Инфаркт.

– А Хуриев? Вы с ним дружили?

– В 94–м похоронили. На Востряковском кладбище. Зимой хоронили – промерзли до костей.

На похороны приехали из Братска, Красноярска, Усть – Илима, с Зеи, Буреи. Великие гидростроители. Говорили: он лучший из нас. Из поднебесья. Недаром Казбек. Вся голова в кучевых серебряных облаках.

Сидоров вспомнил, как в Сикстинской капелле смотрел, задравши голову, фрески Микеланджело. Седовласый Саваоф осетинской наружности творил луну и солнце, отделял свет от тьмы.

«Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Творец был представлен художником в двух проекциях – лицом к зрителю и задом, с голыми ягодицами. Всемогущий творил в окружении сивилл, и крылатые херувимы сопровождали бригаду повсюду.

Чего–то Сидорову не хватало в этой поэме трудового экстаза. Бульдозеры! Он мысленно вписал их вместо херувимов. Бульдозеры порхали мотыльками, махали гусеницами. Картина укомплектовалась, наполнилась божественным реализмом. И увидел Бог, что это хорошо. И особенно похвалил, что не какие–то японские «Камацу», а русские С–100. Они крепче.

– Помнишь эти полеты? – Толкачев раздобыл где-то мерзлую ветку и, рисуя на снегу между гробами схему, объяснял коллегам технологию переброски бульдозеров по воздуху с левого берега на правый хуриевским методом. – Вот тут крутой изгиб реки, а там в реку вклинивается скальный выступ. Через него с берега на берег проводим хорду. Один конец троса закрепляем на этом берегу, второй вытягиваем бульдозером вдоль него же, середина троса садится на выступ с другого берега. Заземляем дальний конец, скалолазы крепят на выступе третью точку и воздушная переправа готова. Полгода сэкономили. Пока дорогу в обход тянули, пока мосты наводили. А там уже площадка готова, вибраторы воздух подают, спецГЭМ тоннель сверлит. Чья голова? Казбека!

Толкачев оторвался от чертежа, окинул участников панихиды победоносным взглядом: каково ноу-хау! В учебник! В инструкцию! Забыл, видать, что не на производственном семинаре – на похоронах. Вечная память! Пусть земля будет пухом.

От того Толкачева, который был главным инженером на Токтогулке, остался только роскошный Левитановский голос. Профессор МИСИ, признанный профессионалами главным спецом страны по бетону, Леонид Азарьевич скукожился в маленького старичка с нечаянной спесью на нижней губе. Клавдия Петровна, жена профессора, сказала Сидорову: «Говори громче – он не слышит». Толкачев, возможно, сгущая краски, рассказывал, что настольной книгой Казбека был «Город Солнца» Томаззо Кампанеллы. Иной раз за рюмкой чая в кругу инженерной братии первопроходец Кара-Куля цитировал главы великой Утопии. И когда Леониду Азарьевичу дали слово для прощальной речи, он не преминул вставить слово от Кампанеллы. Мол, была в городе Солнца особая Книга, куда занесли тех, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству в мирном, либо в военном деле. Ну, вроде как Хуриев. И возвысившись голосом до Левитана, до его знаменитого «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза», Леонид Азарьевич сообщил сокровенное: мол, Казбек Бексултанович мечтал построить не просто сооружение для выработки гидроэлектроэнергии, а именно Город Солнца. И под влиянием той же Утопии покойный в здравом уме и твердой памяти написал в завещании, чтобы после смерти тело его обратили в благородную и живую

стихию огня, которая исходит от солнца и к солнцу возвращается. И лично он, Толкачев Леонид Азарьевич, жалеет, что родственники уговорили убрать это пожелание из завещания. Хотя он и понимает: семья хочет иметь место, куда можно прийти с цветами, привести внуков, правнуков. Чтоб был памятник. Но не в Кара-Куле, а в Москве, где живет почти вся его осетинская родня.

Позже, на поминках, закусив горькую огурцом и селедкой, Толкачев дышал Сидорову в ухо: «Представляешь, в Городе Солнца ставили памятники с изображением героев, чтобы красивые женщины, предназначенные государством для деторождения, смотрели на них во время беременности». Сидоров подумал, что родственники Хуриева правы: в Кара-Куле смотреть на изображение героя уже некому. Русских изгнали, а киргизы вслед за русскими в ту же Москву понаехали. Время безумства храбрых прошло и, кажется, безвозвратно.

– Степанюк, – с прощальным поцелуем выдала сокровенную мысль Миронова, – а можно купить гроб по ипотеке? Как – никак недвижимость, домовина...

– Нашему брату, великовозрастному, вряд ли банк даст кредит по ипотеке. С нашей пенсией не рассчитаешься. Вот если на подставное лицо. Или на родственника помоложе...

– А если через крематорий – это дешевле будет?

... С панихиды в ЦДРИ все, кроме родственников покойника, разъехались по домам. Крутов – в «Русский дом», Сидоров – на «Яму», Пятая улица Ямского поля, 19, телеканал «Россия – 1». От метро «Кузнецкий мост» с пересадкой до Беллорусского вокзала. Из вонючей бомжеватой толчеи подземки вышел к церкви старообрядцев – белой на траурном фоне бизнес – центра «TOTSNET». С иконой святителя Николая Угодника. Дальше два пути: или через мост по Ленинградскому шоссе, или по Бутырскому валу. Выбрал Бутырский, вдоль железнодорожной ветки в Шереметьево. Тут тише и роднее. Второй лесной переулок, улица Новолесная, параллельная Лесной, где убили Анну Политковскую. На Бутырском, 26 / 3 в кирпичной девятиэтажке жил двоюродный брат Виталий. Слепой на оба глаза профессор юриспруденции. Зрение потерял под Сталинградом, в 42-м. На фронт ушел добровольцем с пацанами после десятого класса. Из Пушкино. Слепым катался по городу на велосипеде, окончил институт, защитил кандидатскую и докторскую. Про знаменитость в журнале «Огонек»

напечатали очерк с фотографиями. С братишкой садились, бывало, на шестиметровой кухне, разливали бутылку под селедку с картошкой и пели «Степь да степь кругом, путь далек лежит». Ика, жена Виталия, одноклассница, оберегая здоровье своего профессора, не очень жаловала визиты родственника. Профессор цыкал на неё, любил эти братские посиделки.

Давно не стало брата Виталия, рак гортани. Положили на том же Востряковском.

От Новолесной улицы надо спуститься по железным ступенькам в овраг на рельсы, посмотреть в обе стороны и по шпалам пересечь овраг на другую сторону. А там, через автомойку, салон красоты, подпольное казино конкретных пацанов, шиномонтаж с узбекской чайханой выйти на 5-ю улицу Ямского поля, пройти по скользкой жиже из реагентов до улицы Правды, мимо «Планеты фитнес» до современной стекляшки в синей рамке. Тут она и есть – контора Сидорова, ВГТРК. Тёплое местечко.

– А давайте, Владимир Григорьевич, помянем корифея программы «Время» Леонида Элина, – предложила Людмила Николаевна, работавшая прежде в «Останкино» и лично знавшая усопшего корифея.

Евгений Васильевич в предвкушении копытами застучал. У них в шкафу было всё, что нужно для поминания. И даже белорусское салыце.

– Владимир Григорьевич, вы на метро ехали? – спросила Ольга Валентиновна. – В Яндекске пишут: на Зеленой ветке остановили движение – женщина бросилась под поезд.

Посудачили о Льве Николаевиче и Анне Карениной. Опять же, помянули недобрым словом голубых: «И этот»? – «Не может быть!» – «Еще как может!» – «Все они!»

За столом у окна зажужжала медицинская техника. Все знают: Лилия Алексеевна достала прибор для измерения кровяного давления. Измерила себе и всем желающим. Суммировали, поделили на восемь – нормально вышло, средняя по палате 130 на 75. Самооценка повысилась. У соседней /проверено/ на пять делений хуже.

– Запулять? – спросила Людмила Николаевна. – У нас сегодня итальянский. Лаваццо.

– Можно, – дал отмашку Сидоров.

– Я лимон принесла из буфета, – поддержала Лилиана Вячеславовна.

– А у меня сушки, – обрадовала Ольга Владимировна.

– А как там эта? Мадам Грицацуева? – поинтересовалась Людмила Николаевна.

– Которая? – уточнил Сидоров.

– Ну, эта. Валька. С тараканами в голове.

– А–а–а... Валька еще ого–го. Замуж собирается. Голову покрасила. Госдуму несет за кружевные трусы.

– Говорю же – с тараканами. Она замужем три раза была.

– А Катерина из видеотеки?

– Вот стерва!

– ... говорит: тебе правда 78? – Правда. А что? – А выглядишь на 77. Зеленый, говорит, тебе идет.

– Чай готов, – сообщила Лилиана Вячеславовна. – С чебрецом и китайской травкой.

Как славно, душевно! Сценарий дня расписан по минутам: в 14. 07 – чайная пауза. К чаю – умные мысли из очередного синопсиса. Эразм Роттердамский... Он–то откуда? Оттуда же. Из ЕМГ. Ссылка: «Устранить ложь – значит испортить представление, потому что именно лицедейство приковывает к себе взоры зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не что иное, как комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока хорег не уведет их с просцениума».

– Владимир Григорьевич, вам из Питера звонили, – вспомнила Наталья Анатольевна. – Внучка Юля. Не могла дозвониться по мобильнику.

– Точно, – спохватился Сидоров. – На панихиде выключил телефон и забыл включить. – Алло, Юля!

– Деда, Татка родила. Матвей, Мотя. 3450 г весу, 52 см росту.

Сотрудники, ясное дело, в курсе ожиданий Сидорова. Старшей правнучке Свете десять уже. Правнуку Андрюше на днях отметили год. Тот родился богатырем: пять двести и пятьдесят четыре сантиметра. Это Юлины. И вот Наташа. Переживают: должна была в среду, а уже пятница. Перехаживает.

– Гип–гип–ура прадедушке Владимиру Григорьевичу! Наливайте, Евгений Васильевич!

Евгений Васильевич, на конфигурацию которого сильно повлияли прежние места работы в ареале северных оленей, маляву производителю из ЕМГ дописывает.

– У меня и хавка есть. Дружбан прислал, из Карелии.

Красная икра появилась. Самой первой свежести. Слабосоленая. Ах, ах... Ну, так хорошо, так душевно. Поздравили прадедушку, углубились в работу. Работа это святое! Единая медиагруппа всех задолбала. Вот уж андертальцы! Или Не-андертальцы?

– Между прочим, Бродский, будучи профессором Колумбийского университета, точно так же жаловался на своих американских студентов: мол, тупые, необразованные, самодовольные, – обострила тему андертальцев энциклопедист Людмила Николаевна. – На лекции по Гамлету спросил, кто знает, где это славное Датское королевство? Понятия не имеют! Декану жаловался.

– Foreve! Везде и во все времена, – вступила в дискуссию шеф-редактор фильма о республике ШКИД Наталья Анатольевна. – Представьте, смятение учителей царского времени, когда после революции за парты сели дети рабочих и крестьян.

– Ну, ну, это другое дело, – заспорили выпускницы исторического факультета МГУ. – Это целая эпоха в жизни страны – ликбез, ликвидация безграмотности.

– А вот у нас во Фрунзе, в газете «Слово Кыргызстана» корректором работала одна старушенция с гимназическим образованием, – сел на своего киргизского конька Сидоров. – Так она ужас наводила на сотрудников, терроризируя их орфографией и пунктуацией. Её боялись больше, чем главного редактора.

«И умным кричат: дураки, дураки! И это им очень обидно», – процитировал классика Евгений Васильевич. Кто правит бал! В общем, не разливши по стопкам, не понять, как они, взрослые, профессиональные интеллектуалы оказались в услужении наглых, бездарных, воинственно необразованных, агрессивно малограмотных пэтэушников. Причем за смешные деньги.

Пользователь Сидоров потыкал пальцами в клавиши компьютера, на экране открылся текст:

«Дракон, поедаящий свой хвост. Так алхимики называли реакцию, благодаря которой две с половиной тысячи лет назад великий индийский маг Нагарджуна превращал ртуть в золото. «С помощью ртути я избавлю человечество от страданий», – говорил Нагарджуна.»

Это был синопсис из «Gold Medium» от Горовацкого. Очередной продукт модного мракобесия – мифические свойства ртути:

«Человек, знающий силу молитв, – пророк, а знающий силу ртути – Бог», – гласит индийская мудрость. Ртуть была топливом загадочных летательных аппаратов виманов. Индийские целители и сегодня лечат ртутью инфаркт и рак. А в Европе лечили сифилис».

Шеф–редактор Сидоров получал зарплату от Всероссийской Государственной телерадиокомпании за превращение антинаучных бредней в сценарии научно–популярных фильмов. Это была работа сродни алхимику. Эфирному продукту коллективный разум дал убойное название – «Смертельный друг». Друга поставят в программу после полуночи и он /начальство не сомневается/ получит приличный рейтинг.

– Между прочим, Владимир Григорьевич, оторвавшись от компьютера, возвестил Евгений Васильевич. – «Яндекс» утверждает, что самые дорогие похороны в XX веке были устроены не Япончику, а японскому императору Хирохито. На его похороны было потрачено 76 миллионов долларов. Из них 24 миллиона ушло на похоронный кортеж из семидесяти автомобилей, 22 миллиона – на строительство павильона в парке Сиднзюку – Гёэн, где над телом покойника провели погребальные обряды.

Народ дружно подхватил актуальную тему: похороны это по графе ЖКХ? Или отдельно? Как в этой отрасли народного хозяйства с импортозамещением? Доска – наша, гвозди – наши. Лак, обивка, дизайн... Неужели сами не можем! Мы же в космос! У нас же танки «Армата»... Все уткнулись в интернет, выяснилось. Первое. Похороны Папы Иоанна Павла Второго в 2015 году обошлись намного дешевле, чем похороны Хирохито. Всего на всего 9 миллионов рублей. Причем затрат потребовали не столько погребальные ритуалы, сколько обеспеченности безопасности и организационные вопросы. В Рим прибыло четыре миллиона паломников, а на самой траурной литургии в Ватикане присутствовало 300 000 человек. Второе. А вот стоимость похорон принцессы Дианы всего лишь в семь раз выше стоимости похорон Япончика: семь миллионов шестьсот семьдесят тысяч долларов. Главные затраты пришлось на похоронный кортеж, который в течение нескольких часов сопровождал тело леди Ди в поездке по улицам Лондона. Если бы

так же разрешили возить тело Япончика по улицам Москвы, по стоимости они бы сравнялись.

Удивительная страна Россия! Опять же, новая историческая общность, непобедимый сексуальный натурализм. Никаких пидарасов! Матерый, неунывающий пипл! Кстати, и убыль приостановилась. Стабилизировалось число. Материнский капитал, то, другое...

– Опять дожди! – оповестила народ Наташа Злобина. – Когда же солнце, когда синее небо, витамин «Д»...

– Что ж, каБмин затоплю, буду пить... Хорошо бы и гроб прикупить, – размечтался Евгений Васильевич.

Кстати. Про пипл и его музыку. Тогда на Иссык–Куле Аскар Акаевич – сама любезность – уговорил комментатора Крутова /ну, и Владимира Григорьевича, естественно/ остаться на пару дней. Красота, бабье лето в серебряной паутине, еще можно купаться. Дал распоряжения, указания по размещению и обслуге, сам уехал по своим государственным делам в столицу, а гости возражать Президенту не осмелились, остались в люксах высшей знати. В резиденции народу пять-шесть единиц отдыхающих из управления делами, и те женщины. Русской, как ни странно, национальности. То ли юристы, то ли экономисты. Ходили на солнечный пляж, отягощали льготными бело-домовскими телами привилегированные лежаки, погружались в прохладную, прозрачную воду. В заливе на пристани стоял белый кораблик и голосом Ольги Зарубиной распевал песню, которая, подобно эпидемии, заразила всю Россию со странами СНГ вместе.

*На теплоходе музыка играет,
А я одна стою на берегу,
Машу рукой, а сердце замирает
И ничего поделатъ не могу.*

Такая милота! Говорят, не московская – провинциальная девушка. И как попала в нутро простодушного народа, в самое яблочко. И вальжные дамы из управления делами Президента заразились народным простодушием. За ужином, предварительно хлебнув в номере коньячку и ослабив на пару пуговиц бдительность, распевали с опасными сотрапезниками:

*На теплоходе музыка играет,
А я одна стою на берегу,
Машу рукой, а сердце замирает
И ничего поделатъ не могу.*

Наутро, когда корреспондентам подали автомобиль из Президентского гаража, дамы вышли проводить. А одна дама, дородная, поначалу холодная, даже надменная – не иначе замзав! – неожиданно сделала резкий шаг к Саше и, покраснев, чмокнула в щеку. И Сидорову, который вечером постучался в люкс Крутова, а тот не открыл, стало ясно: у них было. И было хорошо. Не зря замирало сердце.

*Ты приехал сюда и казалось тогда,
Что ты мне предназначен судьбой.
А потом целый год я ждала теплоход,
Чтобы вновь повстречаться с тобой.*

Разобравшись со смертельным другом, Нагарджуной и Горовацким, Сидоров глянул в календарь: ё–мобиль! Скотина! Сегодня же годовщина смерти Тима. Сколько же лет? В 2006. А могила там, за пять тысяч верст. Остается церковь. Свечку поставить. Лоб перекрестить. Как ты там, сынок? Надо ехать – втемяшилось в голову. В Кара-Куль! В Кара-Куль!

Билет забронировали по интернету.

– Вам в оба конца, Владимир Григорьевич?

– Пока в один.



Юлия КУЛЕШОВА

АКВАРИУМ

Рассказ

1. Май

***Вдох.
Выдох.
Вдох-выдох.
Вдох-выдох.
Вдох.***

Запущенный механизм с перегруженной памятью, работающий в режиме нон-стоп с редкими перезагрузками – состояние каждого утра. Сигареты и кофе в качестве Ctrl+Alt+Del. Бег по квартире с препятствиями в виде вчерашней одежды, многочисленных проводов от различных девайсов. Холодный душ. Стремительное облачение в офисный костюм. Похлопывание по карманам в поисках ключей. Каждый раз они умудряются находиться в разных местах. Сегодня – возле недопитого бокала виски, оставленного рядом с аквариумом. Рыбки! Не забыть покормить рыбок! Не забыл.

Пробки. Они утомляют. У меня нет столько времени, чтобы тратить его на ругань с водителями других авто. На лобовое окно падает очередная дохлая птица. Майна. Вздрагиваю и машинально включаю дворники. Трупик афганского скворца с тихим скрипом катается туда-сюда по окну, а я тупо смотрю на это, размышляя над тем – сколько мне ещё торчать в автомобильной кишке. В прямой кишке нашего города.

Солнце мегаполиса склизким желтком расплзается по

серому небу, когда я, наконец, добираюсь до работы. Злой и взмокший, несмотря на кондиционер в машине.

Спасибо тому человеку, который изобрёл лифты. За те минуты, что длится подъём на нужный мне этаж, успеваю переговорить с коллегами, узнать последние новости из мира внутренней политики. О них не скажут в новостях, не напишут в газетах. Но они дадут нам, достаточно узкому кругу посвящённых, избранных, понять: – какие мессаджи толкать в массы.

Рыбки. В холле нашей конторы тоже есть аквариум. В нём плавают барбусы, похожие на акул. Символично, однако. Надеюсь, их не забывают кормить.

– Ты слышал? Одна из социальных сетей прекратила своё существование! Начало конца света, – мрачно хохотнул сосед по кабинету.

Господи, когда уже у меня будет свой кабинет, чтобы не видеть эту противную, вечно довольную чем-то рожу?! И зачем я обращаюсь к Богу, если не верю в его существование? На всякий случай? Или это уже профессиональная привычка договариваться со всеми большими шишками?

– Чёрт, у меня аккаунт накрылся, – продолжает излияния этот олух-сосед. – Тебе всё равно, что ли?

– Мне плевать, – отвечаю, не отрываясь от просмотра документации. – Мне работать надо. Уже май, а в июне запуск пилотной программы. Надо с драфтом закончить, согласовать темы как минимум на месяц вперёд. Но, возможно, я подумаю над тем, чтобы включить твой маленький конец света в свой глобальный план бытия. А сейчас отвали.

2. Июль

Программа имеет огромный успех. Наверху довольны. Мы обсуждаем правильные темы с правильными людьми и подводим к правильным выводам. Мировые новости грамотно разбавляют выпуск новостей, отвлекая рядового зрителя от более важных проблем. О, Боги! Какие могут быть проблемы, когда за соседним забором взрывают школьные автобусы, сжигают детские сады, расстреливают больницы, превращают людей в фарш на базаре? Когда войной охвачена чуть ли не вся планета, и только в отдельных отсталых государствах, поскуливая, грызут брошенную Хозяином кость? Землетрясение там, землетрясение здесь. Учёные, потрясая сложными расчётами, истерят почище кликуш, утверждая, что Земля сдвинут-

лась с привычной оси, и всем нам грозит нескончаемая серия катаклизмов. Австралия уже уходит под воду. Ещё эти птицы, чёрт бы их подрал. Дождь из дохлых птичьих тушек в разных концах света. Это уже было после фейерверков на прошлый Новый год. Но до обновления календаря ещё далеко, а трупы так и сыплются с небес. Опыты на птицах, испытание биологического оружия, последствия взрыва на японской атомной станции Фукусима, неизвестная науке птичья эпидемия. И не только птичья. Киты шокируют отдыхающих на пляжах массовым суицидом, а в водоёмах обнаруживаются всплывшие кверху пузом рыбёшки разной масти.

Земля вертится в своём обычном ритме, а мне кажется, что сутки сменяют друг друга с катастрофической скоростью. Мне не хватает времени. Даже на перезагрузки. Только допинг. Кофе, сигареты, антидепрессанты, энергетики... Во мне не осталось чистой крови. Во мне не осталось человека. Я – машина с постоянно включенным блоком питания.

3. Сентябрь

Эти спятившие проповедники пугают меня. Теперь эта зараза объявилась и у нас. Они – словно неотъемлемая часть любого крупного города. Вещают о скором конце света. На пару с обкурившимися невесть чего аянами таинственно предрекают приход очередного Спасителя. Наш загаженный, изъеденный вредоносными программами, диск должен быть очищен.

– Может, конец света всё же реален? – вопрошает меня сосед по кабинету. – Я сегодня был на очередной прессухе по этому поводу – десятой за неполные две недели. Представляешь, теперь они говорят, что майя были правы и мы все умрём 21 декабря этого года. Вот засада. Я ещё кредит за машину не выплатил. Должен был завтра к зубному сходить, а теперь думаю – есть ли смысл, если всё равно скоро капец всему? Хотя вчерашние шаманы утверждали, что всё будет пучком, если люди вовремя прозреют. А позавчерашние...

– Я знаю, – слушать его болтовню надоедает. Голова болит нещадно. А список вопросов к сегодняшней передаче всё ещё не готов. – У нас грядёт цирковое шоу – сведу этих обдолбанных пророков в одной студии. Пусть погрызутся. Заодно по майя с их календарём пройдемся.

До передачи меньше часа. Голова, кажется, вот-вот взорвётся. Я уже принял всё, что только мог, однако ничего не могло. Запершись в гримёрке, отчаянно пытаюсь настроиться на нужную волну. Безрезультатно. Похоже, система даёт сбой. Меня начинает бить озноб. Резко бросает в холод, окатывает ледяной волной мелкой, противной дрожи.

Становится трудно держаться на ногах, будто что-то тянет вниз, дёргает за воображаемые нитки на руках и ногах, утягивает, придавливает. Вцепившись в стол, изо всех сил стараюсь не упасть. Голову словно прошивает с сотню иголок, а тело одновременно наливается покалывающим холодом и свинцовой тяжестью. Чёрт! Я не могу сейчас отключиться! Не могу! Не... могу...

Очнулся я уже на полу. Лампа дневного света под потолком потрескивает, дзинькает и посекундно мигает. Собственно, только одна эта палка является источником рваного света. Какого-то чёрта все остальные полопались. Многочисленные осколки на полу тому доказательство. Что-то ещё здесь не так... что-то не то... кто притащил сюда эту игрушку? Не помню, чтобы она была здесь, когда я входил.

В свете мигающей лампочки смотрится она особенно нелепо. Пчела. Ростом с годовалого ребёнка. Добродушно улыбается и с интересом разглядывает... меня. Меня?

Так. Стоп. У меня в гримёрке пчела. И она моргает своими мультяшными глазницами не хуже лампы над головой. Что, блин, здесь происходит? Чья-то идиотская шутка?

– Ты кто? – я сам поразился тому, что вдруг решил заговорить с ЭТИМ. Пчела премило растянула свои губы в подобию улыбки, смущённо взмахнула длиннющими ресницами и нежным голоском ответила:

– Майя.

– Что за...? Какая ещё Майя?

– Ну, – замаялась пчела, ещё больше смутившись, – из племени Майя.

– Индейцы которые, что ль? – в голове ошалело билась мысль: «пить надо меньше. Надо меньше пить».

– Ага, – Майя присела в реверансе. Я же пообещал себе, что как только галлюцинация оставит меня в покое, всенепременно запишусь на приём к психоаналитику. И с антидепрессантами завяжу. И...

– Так, погоди. Но майя же были вроде людьми. Ну, знаешь, хомосапиенсами. Не пчёлами. Людьми. Они бегали, ка-

лендари всякие дурацкие составляли. Жертвы приносили. Не жужжали.

– Да знаю я, - отмахнулась пчела. – Но твоему сознанию было удобнее выбрать эту форму для моего воплощения. У меня мало времени, поэтому погоди с лишними вопросами. Ты знаешь, что будет после 21 декабря этого года?

– Двадцать второе декабря?

– Ничего не будет, – досадливо поморщилась Майя. – Цикл подходит к концу. Заканчивается срок, отпущенный человечеству на этой планете. Всё живое исчезнет, если только...

– Если только что?

– Если только ты не загадаешь правильное желание. От того, чего ты пожелаешь всем сердцем в последний день этого мира, зависит то, как сложится его дальнейшая судьба. И будет ли эта судьба вообще.

– Не хило, – конечно, я не воспринимал слова пчелы в серьёз, но поддерживать беседу было чисто профессиональной привычкой. – А почему именно я? На праведника не тяну, к пророкам себя не причисляю, третий глаз нигде не открылся. Так с чего такая честь?

Пчела снова поморщилась, устало потёрла переносицу (или что там у неё промеж глаз находится) и доверительно сообщила:

– Так уж вышло. Я должна была выйти на связь с одним прорицателем, но... но не смогла пробиться к его душе, ушедшей тропой дона Хуана...

– В Икстлан? – на всякий случай уточнил я. Пчела кивнула. Надо же, какая продвинутая попалась. Хотя, это ж Майя. Им положено.

– Я метнулась к первому попавшемуся разуму, который был открыт в данный момент. Твой. Времени на поиски у меня не было. И сейчас мне пора.

– Нектар собирать? – спросил я, но было уже поздно. Пчела расплывалась на глазах, истончаясь, превращаясь в жёлто-чёрное облако, растворяясь в рывках света. А я стоял и думал – что мне с этой, свалившейся на мою голову, миссией делать? Идти к психиатру. Однозначно.

Передача по поводу конца света так и не состоялась. В городе произошла очередная энергоавария – целый район погрузился во тьму первобытную. Цивилизация, млин. Наш генератор часа через два заработал, но было уже поздно (по

законам жанра здесь – зловещий смех). Сегодня в новостном выпуске будет всем бантикам бантик: «Конца света не будет – лифт столичного телеканала убил пророков, его предрекавших». Да! Пять человек, которых я пригласил на свою программу, погибли, когда оборвался трос, и cabina рухнула вниз. Изношенная энергосистема, изношенные лифты, изношенные тела и души. Выжил только один. Откроется ли у него пятый глаз после такого, покажет время. А я напросился с бригадой медиков сопровождать провидца в реанимацию. Вместе с оператором. Для сюжета картинка же нужна.

Пока Скорая, завывая, неслась по городу, врачи колдовали над пострадавшим. Нас подбрасывало на дорогах, мотало из стороны в сторону, и я не мог понять – как в такой колбасе эти волшебники в белых халатах умудряются что-либо вообще делать? Интересно, чтобы они загадали в канун конца света? Чего возжелали бы? О чём вообще мечтают?

– Что? – раздражённо обернулся ко мне один из реаниматоров. Я, в свою очередь, непонимающе уставился на него. – Вы что-то у меня спросили.

– Я? – в принципе, почему бы и нет? – Чего вы желаете? Если бы от вашего желания зависела судьба человечества, то чего бы вы пожелали?

– Чтобы ко мне не приставали с глупыми расспросами, когда я пытаюсь спасти чью-либо жизнь.

– А мира во всём мире?

Но врач меня уже не слушал. Он снова колдовал, перебрасываясь короткими репликами с напарником.

Мир во всём мире? Как там у классиков: «Счастье для всех, и пусть никто не уйдёт обиженным»? Возможно ли это? Не приведёт ли такое бездумное желание вселенского добра к полнейшему уничтожению всего сущего? Дело не только в противоречивой природе человека, в котором всегда борются два начала, но и в том, что это в принципе невозможно. Например, я был бы счастлив... а, правда, когда? Какое желание сделало бы меня таковым? Чего я хочу настолько сильно, чтобы пожелать этого... всем сердцем? Всем сердцем... Господи! Да у меня же нет никаких заветных желаний! Я привык ставить себе цель и добиваться её всеми возможными и невозможными способами. Планы, проекты, сроки реализации, графики съёмки, конечный продукт, свой кабинет, квартира, машина, случайные половые партнёры, ни с кем надолго, чтобы не при-

вязываться. Мир обречён. Пчёлка обратилась за помощью не к тому человеку. Я не верю в чудеса. Я слишком рационален для этого. Слишком самодостаточен, чтобы нуждаться в ком-либо, чтобы мечтать о чём-либо. Тем более о таких абстрактных для меня вещах, как спасение человечества. В гробу я видал это человечество.

4. Ноябрь

Всё чаще звучат разговоры о Третьей Мировой. «О Великом и Ужасном Гегемоне, оседлавшем зелёного коня Демократии и взалкавшего чёрной крови» – цитата с очередной пресс-конференции выжившего прорицателя. Пятый глаз у него таки открылся. И я даже боюсь предположить, в каком месте он у него открылся.

Я совершенно забыл о Майе и желании, которого у меня не было, и быть не могло. Это абсолютно ненужные мысли. Они мешают думать, работать. А работать приходится ещё усерднее, нежели раньше. Я практически не сплю. Может быть, поэтому во всех углах и на всех перекрёстках мне мерещится пчела, укоризненно качающая огромной глазастой головой.

5. Декабрь

Психотерапевты нынче пользуются спросом. Чем ближе двадцать первое число, тем больше нарастает истерия в массах. Я старательно игнорирую свою пчелу. А она забавляется с моими рыбками. И сопровождает меня на приём к психоаналитику.

Врач долго, с большим вниманием слушает мои излияния, после чего глубокомысленно изрекает:

– Ну что ж, мне всё ясно.

– Всё – это что?

– Всё.

– А если в подробностях?

– Пчёлки, майя, желания, судьбы мира. С этим надо что-то делать.

– Что?

– Менять фильтр.

– ???

– В нашем аквариуме испортилась вода. Старый фильтр

не справляется. Необходим новый. Нечем дышать, – доктор выпучил на меня свои блеклые глаза. – Глядя на вас, я понимаю – конец будет мучительно страшным. Фильтр. Фильтр. Как жаль, что я не в состоянии его заменить.

С этими словами психоаналитик подошёл к окну. Открыл его. Втянул носом воздух. Поморщился. Забрался на подоконник и сиганул вниз.

Глухой удар, сочный гулкий чавк, взревевшие сигнализацией автомобиля. Надеюсь, доктор шмякнулся не на мою машину. «Дворники» не поднимут такую тушу. Это же не майна.

Моя пчела досадливо вздыхает, а я забываю о необходимости дышать. Голову сдавливает тисками, холод забирается под кожу, пол трясётся под ногами.

– Ты тратишь время впустую, – шепчет Майя, глядя в мои угасающие глаза. Она увеличивается в размерах. Становится всё больше, больше, заполняя всё пространство своим чёрно-жёлтым мехом. А я беспомощно хватаю ртом воздух, понимая, что нет его в этом грязном, загазованном, смрадном, прогорклом мире. Нет его! И фильтра у меня нет. Только не у меня.

В этой компании его приняли сразу. Таких, как он, здесь было четверо. Они сгрудились возле него и всё тарачили выпуклые глаза, возбуждённо пропуская сквозь лёгкие воздух. Он сначала сидел молчком, не решаясь влиться в столь дружный коллектив. Боялся не понравиться, сделать неверное движение, которое могло быть неправильно истолкованным. Подозревал, что именно за такие вот неверные движения, за желание выделиться из общей массы его лишили предыдущей работы. Ему не позволили даже попрощаться с коллегами, хотя они никогда его особенно не любили. И с ней... с Ней он не успел и взглядом обменяться – настолько всё стремительно произошло. Хотя, учитывая сложившиеся с Ней отношения, так было даже лучше. В реальность происходящего не верилось до сих пор. Не хотелось верить. Впрочем, как и всегда, другого выбора у него просто не было.

С самого рождения он вынужден был крутиться, двигаться вперёд – без права на оглядки назад. В этом мире, как и в любом другом, его могли запросто съесть более сильные, наглые, успешные. У родителей тоже не было на него времени – им нужно было успеть прокормиться самим. В противном

случае они рисковали остаться не то, что без лакомого кусочка – без какого-то бы ни было кусочка вообще. Отношения с противоположным полом были лёгкими как пузырьки воздуха: они так же быстро появлялись и исчезали в его жизни, не успев хоть сколько-нибудь задержаться в памяти. Он просто делал то, что должен был. То, чего хотел он и то, чего ждали от него другие.

Другие... одно время сама мысль о том, что каждый, проносящийся мимо него, несёт в себе свой мир, ужасала его. Он никак не мог представить себе весь масштаб жидкой субстанции, образующей индивидуальность других – таких, как он, но всё-таки других. Он воображал, что и они воспринимают себя как отдельный, целостный шар с секретом: вот вроде форма его всем видна, и даже цвет и размер есть, а то, что спрятано в голове, в сердце – непонятно. И есть ли там вообще что-то в этих головах? Не говоря уж о сердце... Словом, эти другие в своё время порядком извели его. В итоге он решил, что хоть они и реальны, и ничего с ними не поделаешь (у каждого свои улитки – у кого-то менее склизкие, у кого-то более), и пусть у каждого из них хоть десять миров внутри, однако ж значение имел только он. А другие могут и дальше тешить себя мыслью, что их общество ему необходимо.

Так что, он без особого воодушевления наблюдал за интересом новых товарищей к своей персоне. Как и раньше перед ним стояла только одна цель – догнать и перегнать других, доказать всем, что он лучший.

В первый же день его ждало испытание. Нужно было урвать как можно больше бонусов. Он едва успевал мелькать среди своих соперников, уводя из-под самого их носа добычу. Мгновение – и он оказывается в другом углу, либо же врезается в сбившуюся стайку конкурентов, с удовольствием отмечая, как плывёт у них всё перед глазами от такой наглости. Презрение, удивление пополам с восхищением лишь подстёгивают его жар. Жар. У него жар! Одержимость движением. Ему кажется, что если он хоть на миг остановится, то тут же прекратит свой бег и кровь по его жилам, а кости онемеют от ползущего по ним холода. Так уже было один раз. Как он тогда умудрился выжить, сегодня уже не вспомнить. С тех пор он больше никогда не медлил. Не собирался подыгрывать соперникам и сейчас. Там, откуда он прибыл, была жёсткая иерархия. Ему с огромным трудом удалось пробить путь наверх. Теперь предстояло начать всё сначала. Он не знает усталости.

Ему неведомо чувство жалости к проигравшим. Здесь, конечно, посвободней, чем там, но расслабляться – себе дороже. Он уже давно понял, что от судьбы можно ждать лишь подвоха. Каждый сам за себя в этом мире. И если хочешь чего-то добиться, то не стоит даже вспоминать о таких бесполезных качествах, как стыд и доброта. Доброта... его даже передёрнуло от этого слова, настолько пресным оно показалось. Набившим оскомину, ненужным и пошлым.

Он давно уже был сыт, но не прекращал погони за лучшими кусками. Он показал этим простофилям, кто здесь главный, кого следует уважать. Они непонимающе тарасили на него свои окуляры и отправлялись каждый по своим делам.

Ему тоже надо было спешить. Необходимо занять лучшее место для ночлега. Если потребуется, выгнать предыдущего хозяина. Он здесь хозяин! Он и только он! Но почему-то дышать становится всё сложнее и сложнее. Перед глазами мутнеет. Здесь не выжить! Как бы он ни старался, ему не выжить. Другим также плохо. Сходя с ума от боли, поселившейся внутри, он с удивлением замечает то, на что должен был обратить внимание ещё раньше, но не счёл нужным. Воздух. Он был отравлен. С самого начала. Мутные разводы на стёклах реальности, тошнотворно-зелёные потоки масс, частью которых был и он сам. Вдох... вдох... вдох... вдох...

Выдох.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Вдох.

Белые стены. Белый потолок. Белые рамы с грязно-серым небом за окном. Голые ветви – костистые пальцы, тянущиеся к солнцу. А его нет. Вот закон подлости. Только зимнее бельмо на глазу уставшего светила.

– Очнулся? А твои рыбки сдохли!

Майя. Мерзкая пчела. Как она тут оказалась? Кто её пропустил? А как я здесь оказался?

– Как сдохли? Почему сдохли? Я же кормил их!

– А фильтр менял? Они задохнулись в собственном дерьме.

– И ты туда же...

– А ведь у тебя был фильтр. Просто ты забыл про него. Он и сейчас у тебя есть.

- О чём ты?
- О фильтре.
- Поздно. Рыбки уже сдохли.
- Но ты-то ещё жив.

И пчела исчезла. Вот так взяла и исчезла. Раз – и нету. Вместо неё в палате нарисовался врач с невыразительным лицом и такими же невыразительными глазами с тёмными кругами под ними. Он деловито пожевал губами. Словно собираясь с мыслями, взглянул в окно. Ничего там, видимо, интересного для себя не увидел и обратился ко мне:

– Так, больной. Сегодня уже двадцать первое декабря. Залежались вы у нас. Ну, ничего. Главное, что пришли в себя. А окончательно вернуть душевное здоровье вам помогут опытные врачи. Вам необходим курс психотерапии. Нервное напряжение – это вам не шутки. Зачем же вы довели себя до такой степени?

– Двадцать первое? Как двадцать первое? Сколько я здесь пролежал?

– Да с неделю. Ничего важного за время вашего отсутствия и не успело случиться. Вы, когда домой вернётесь, телевизор-то лучше не включайте. И газет не покупайте. В интернет тоже вам пока лезть не следует. Да и работа у вас вредная. Возьмите больничный.

Больничный... какой на хрен больничный, когда сегодня конец света, а у меня вопросы к передаче не составлены, гости не приглашены?! Я таращился на доктора, а он спокойно заполнял какие-то бланки. Знает ли этот эскулап, что завтра, возможно, ему не придётся больше заниматься этим делом? Завтра он не увидит своих пациентов. Завтра не будет его самого. Завтра... завтра вообще не будет. И меня в нём.

Я не могу представить себе этого. Не могу допустить. Чёрт! Я, оказывается, хочу жить! Мне нравится моя сумасшедшая работа! Я обожаю окружающих меня людей именно за то, что они такие тупые, что я могу самоутверждаться за их счёт. Пусть существуют, ради Бога! Пусть! Я разрешаю! Но я положительно не знаю, как спасти их. Как спасти себя. Фильтр. Фильтр. Что за фильтр? Фильтр – желание? Или что? Или моя воля? Что может остановить надвигающуюся неотвратимость?

Взбесившийся ветер швыряет пакеты из универмагов, вздымает в небо столбы пыли, заставляет стонать деревья,

изо всех сил вцепившиеся в землю корнями, пытается вырвать волосы у безразличных ко всему человечков, спешащих по своим делам.

Пешком добираюсь на работу. О местонахождении моей машины остаётся только смутно догадываться. Кто и как доставил меня в больницу – я также понятия не имею. Выяснять это у врача не счёл нужным. И вообще постарался слинять как можно быстрее и незаметнее. У меня катастрофически мало времени. Я сам себя ощущаю полным придурком – из разряда расплодившихся в последнее время провидцев. Поверить в реальность скорого конца света, в приходящую ко мне Майю, в мою высокую миссию, наконец, – кажется, на первый взгляд, верхом идиотизма. На второй – шансом на спасение. Вот только что пожелать, я до сих пор не знаю. А кто-нибудь вообще в этом мире знает?

Может быть, вот эта нищенка с вечно спящим на её руках ребёнком? Людской поток проносится мимо неё по ступеням подземного перехода, а она всё сидит, выпрашивая милостыню, давя на жалость гнуснейшим образом.

– Чего ты хочешь? Чего желаешь? – кидаюсь к ней. Взгляд исподлобья. Плохо сдерживаемое раздражение в тлеющих углях глаз. Усталость, залегающая в окологубных складках. – Скажи мне! Скажи же! Чего ты молчишь? Ну же! У тебя есть шанс спасти этого ребёнка. Что ты пожелаешь для него? Что?

– Пошёл на х..! – выплёвывает она сгустком озлобленности. И я отступаю. Отшатываюсь от ненависти, хлестнувшей в меня ледяной волной. А ребёнок спит. И вряд ли проснётся двадцать второго декабря, даже если я загадаю «правильное» желание. Нужно ли спасать этот прогнивший мир? Что я могу пожелать такого, чтобы разом сделало всех счастливыми? Возможно ли такое вообще? Быть может, конец света – самое верное лекарство от затянувшейся болезни под названием «цивилизация»?

Или я не там ищущу? Не у тех спрашиваю?

На остановке беззаботно скачет девочка лет шести. Рядом нервно курит женщина, высматривая нужную маршрутку. Девочка прыгает по воображаемым классикам, время от времени поглядывая на киоск с мороженым. Интересно, какие желания живут в этой юной душе, ещё не испорченной рациональной силой разума?

– О чём ты мечтаешь? Чего хочешь? – спрашиваю ребёнка, пока мама отошла к мусорке выбросить окурки.

Не по-детски серьёзный взгляд опытного оценщика в ответ и неожиданное:

– На День Рождения мама подарит мне айфон. А я хочу ещё айпад. Как у Машки.

– А куклу? – глупо улыбаюсь.

– Только если Мокси Софину. Лекса, Эйвери, Саша и Брайтен у меня уже есть.

Девочка внезапно срывается, бежит к матери, на ходу выкрикивая: «Мама! Мама! Этот дядя мне куклу предлагает!». А у меня пропадает всяческое желание интересоваться чужими желаниями.

В офис я так и не попал. Свернул домой, решив с почестями похоронить моих бедных рыбок. Или выпить. Что лучше получится, то и сделаю. Решено. А после залягу спать. Наглотавшись снотворного, обниму руками осиротевший аквариум, завернусь в кокон из проводов от обесточенных телевизора, компьютера, телефона и засну в надежде проснуться 22 декабря.

«Пусть всегда будет Солнце. Пусть всегда будет мама. Пусть всегда буду я» – рефреном звучит в моей голове внезапно всплывшая в памяти детская песенка. Простые, понятные желания, от которых веет теплом и добрым светом.

Быть. Я просто хочу быть. Видеть солнце каждый день, и сияющие звёзды каждую ночь. Я знаю, что счастье для всех невозможно. И мне не хватает детской наивности верить в обратное. Я бы очень хотел сделать этот мир чище, но я не знаю как. Я просто человек. Не самый лучший. Скорее плохой, чем хороший. Прости, Майя. Прости... ты выбрала не того актёра на роль мессии. Я слишком эгоистичен и рационален.

Пусть всегда будет Солнце... пусть всегда будет мама... пусть... всегда... буду...

22 декабря
Вдох



Дмитрий АЩЕУЛОВ

ПРИТЧИ

ЗЛО

В богатый дом, где шел пир, пришел странник. Слуги привели его в сад к пирующим и посадили среди гостей.

– Ешь и пей со стола нашего, – сказал хозяин, – но сначала развлеки нас рассказом, который был бы противоречив и заставил нас всех спорить.

– От своих дедов, – ответил странник. – я слышал одну загадку. Разрешить ее пытались многие мудрецы, но всякий раз находился кто-то несогласный с ответом. Я расскажу ее, и, быть может, вы найдете ответ сами.

– Когда-то в окрестностях Хеврона появился разбойник, – начал свой рассказ странник. – Он грабил купцов, опустошал имения, угонял скот, пленял людей и продавал их на невольничьих рынках. Так продолжалось несколько лет, пока дорога не опустела, купцы опасались ездить по ней. Тогда жители города, терпевшие торговые убытки от всего этого, собрали сильный отряд воинов, чтобы самим изловить злодея.

Многих людей разбойника тогда пленили, предавая воров немедленной смерти. Но сам предводитель ускользнул из рук воинов. Они же преследовали его по пятам весь день и всю ночь. Конь разбойника пал, силы его самого были на исходе, и, предчувствуя свой конец, воскликнул он:

– О, Господи, спаси меня и укрой! А за это я брошу свое черное ремесло и тебе в благодарность принесу на алтарь девять белых тельцов.

Уже наступало утро, когда разбойник пришел к виноградарю и встретил там виноградаря. Припал в ужасе разбойник к его ногам, так как слышал уже топот лошадей своих врагов.

– Человек, – сказал разбойник, – спрячь меня от врагов моих, иначе моя кровь будет на твоих руках, и тогда моя смерть будет грехом твоим, и тебе отвечать перед Богом. Преду себя в руки твои, и каюсь в делах вчерашних.

Виноградарь тот слыл человеком достойным и благочестивым. Увидел он, что человек пред ним в сильном раскаянии и страхе и решил ему помочь. Спрятал он разбойника в хлеву тайно от жены и рабов своих.

Как только виноградарь зашел в дом, к усадьбе подъехали воины на взмыленных конях, испачканные кровью и пылью. Стали они расспрашивать хозяина и рабов: «Видали ли они разбойника, что причинил много зла?».

– Нет, – сказали рабы, ибо не видели.

– Нет, – сказал виноградарь, ибо хотел спасти человека.

Усталые воины погнали коней дальше, а хозяин и рабы пошли на поле. Только ночью выпустил хозяин разбойника из тайника, снабдил того хлебом и простился с ним.

Когда разбойник в сумерках вышел на дорогу, он услышал скрип тележного колеса. Кинулся он в придорожную канаву и стал ждать. Вскоре на дороге появилась повозка, запряженная волами. Это сын виноградаря возвращался домой. Сразу сообразил разбойник, что юноша едет с городского базара и что за поясом у него можно найти серебряные монеты. И смутилась душа разбойника, и подумал он: «Вот Бог посылает мне этого юношу. На его деньги смогу стать честным человеком и исполню свою клятву и принесу жертву в храм». Рука его нашла камень в траве, с силой метнул его, попал в голову юноше и убил того. После этого завладел деньгами, одеждой и повозкой...

– Так скажите мне, – обратился к слушателям рассказчик, – кто виновен в смерти юноши: разбойник или виноградарь – отец молодого человека, спасший разбойника?

СЛЕПОТА

Вчера я ослеп. Быть может, это случилось уже давно, однако только вчера я осознал, что слеп. Я не вижу цветов, ярких красок, не вижу радости, счастливых лиц. Я не замечаю доброго. Я вижу лишь людей алчных, завистливых, скверных.

Я вижу людей, в которых живет злоба. И я не понимаю, то ли в людях нет ничего хорошего, то ли я вижу в них лишь плохое.

Я стал привыкать к этому и мне уже не больно, когда я вижу стариков, копающихся в мусорке; мне не уже все равно, когда дети просят милостыню. Я привык к этому. Я уже не возмущаюсь, когда меня обижают, а добру я удивляюсь, как великому чуду.

Вчера я ослеп, а сегодня посадил розы, быть может, когда распустятся бутоны – я прозрею.

СОБРАТЬЯ ПОНЕВОЛЕ

На ярмарку в праздничный день пришел глухонемой. В его душе играла музыка. Она то звенела радостью первого солнечного луча, то мерно шептала, как волна, бегущая к берегу, то печалилась, как лес, отходящий к зимней смерти.

Немой подошел к музыкантам, он хотел запеть от переполнявших его звуков. Но грубое мычание раздалось из его губ. Он взял инструмент, чтобы сыграть, но музыканты прогнали его, кто со смехом, а кто с бранью.

На ту же ярмарку пришел бродячий философ. Одет он был плохо, но разум его пронзал время и пространство. Он видел прошлое и знал будущее, силой мысли он достигал звезд и далеких планет. Он подошел к людям ученым, собравшимся на ярмарке, для того чтобы поспорить о мудрости. Когда философ стал говорить среди них, они прогнали его прочь:

– Как можешь ты говорить о мудрости, если одежда твоя бедна, сандалии порваны. Не оскорбляй мудрость своей ничтогой! – негодовали они.

По пустой дороге с ярмарки уходили немой и философ. Глухонемой громко мычал и размахивал руками, а философ говорил ему о мудрости. И как ни странно философ услышал прекрасную музыку, а немой смог узнать о таинствах бытия.

СЛЫШАЩИЙ ДА УСЛЫШИТ

В пути повстречались мулла, священник и лама. Они шли и долго спорили, чья же вера истинна. Людьями они оказались учеными, прочитавшими немало мудрых книг и искусными в споре. Поэтому сколько ни спорили, но так и не пришли к еди-

ному мнению и согласию, потому что каждый хотел доказать, что его религия лучшая.

В споре глупцов рождается только ненависть, а так как они себя таковыми не считали, то решили, пусть их спор решит сам Бог. Пусть он даст ответ устами первого попавшегося человека. Вскоре они увидели старца, сидящего на придорожном камне. Обрадовавшись, они направились к нему и попросили дать ответ на их спор. Старик, подумав, сказал:

– Скажите, какой веры мог быть тот прохожий, что помог донести поклажу старому человеку, разнял дерущихся детей и уступил дорогу женщине?

Мулла сказал, что это мог быть только мусульманин, священник сказал, что христианин, а лама говорил, что последователь Будды.

– Так какая же разница в ваших религиях, если они учат одному – Добру! – воскликнул старик. – Человек же служит не религии, а Богу. Бог же един для всех, и не важно на каком языке читает человек молитву, а важно, что он творит после нее: благо или зло.

Старик встал и пошел своей дорогой, а мулла, священник и лама, примеренные, пошли дальше, потому что в устах старика они услышали голос Всевышнего.

ТВОРЕНИЯ РУК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Среди пустынных холмов шли два путника. Они громко спорили, убежденно доказывая что-то друг другу.

– Посмотри, – кричал один, – разве ты не видишь виселиц, воздвигнутых на холмах, разве ты не слышишь скрипа цепей на их перекладинах? Это творение рук человеческих!

– Нет, – говорил другой. – Посмотри, там величественные города и дворцы, воздвигнутые среди садов и каналов. Там прекрасные мраморные статуи украшают храмы и улицы. Там веселый смех детей и серебряный звон в кузницах. Вот творения рук человеческих.

– А разве ты не чувствуешь дыма, что приносит ветер от черных развалин, – возразил первый, – разве ты не слышишь

плача женщин, что превратились от горя в старух. А в кузницах куют мечи и кинжалы, а каменным статуям приносят жертвы и проливают кровь на безжизненный мрамор.

– Присмотрись, – указывая в холмы, не соглашался его спутник, – послушай прекрасную музыку, что вторит пенью ветра. Посмотри на людей, что веселятся на празднике. Как нарядны их одежды, как искусны их украшения из золота и драгоценных камней.

– Нет, я вижу бродяг и нищих, бредущих по холмам, я вижу их жалкие отрепья, с трудом скрывающие постыдную наготу. А еще я слышу звон оружия и вопли умирающих воинов. Я вижу армии, истребляющие друг друга; и все это ради золота и богатств.

Путники смотрели в одну сторону. За своим спором они не заметили, как наступила ночь, над ними мерцали звезды, в бесконечности Вселенной кружились планеты и голубоватая от звездного света дорога, извиваясь, уходила за горизонт, сливаясь с Млечным путем.

ПОЭЗИЯ



Светлана СУСЛОВА

О ВЕЧНОСТИ

НОВЫЕ СТИХИ

Цикорий по обочинам цветёт
На оборванца-василька похожий...

В простой цветок Ты так умеешь, Боже,
Вместить простор, надежду и полёт
Слияния с восторгом красоты,
И тишины, и вечного покоя!
Лаская душу, нежно шепчешь Ты
Лишь о любви мурлыканьем прибоя,
О том, что нам для счастья нужен миг
Простого счастья вечности безбрежной...

Играет пена на песке прибрежном.
И озера божественный язык
Твердит о том, что юность не прошла,
А здесь осталась – в этом мире тихом,
Где пахнет рыбой, мятой, облепихой,
Где солнца луч – неслышный взмах весла –
Рисует на играющей волне
Движение, в котором нет движенья,
А лишь его смешное искаженье –
Вот так бежать пытаешься во сне
К какой-то цели, что уже давно
Достигнута, и потому забыта,
Но подсознанию, что скупее сита,
Её отринуть сразу не дано,

Как вечной человеческой мечте
Счастливым быть, с другим делиться счастьем...
Быть вечности – пусть самой малой, – частью:
Вот наша суть: одна всегда, везде.

ДЕТИ ПОБЕДЫ

Мы – дети, рожденные после Победы,
Когда от страны не отхлынули беды;
А можно и проще: мы – дети Победы,
Она не дала нам исчезнуть бесследно –
Никем не родившись, нигде не свершившись...

Свидетельством этой Победы явившись
В наш мир – подраженный, бедный, голодный, –
Мы счастливы были, беспечны, свободны –
От лишних вещей и от лжи несусветной,
Что нынче жирует по строчкам газетным,
Врывается в души с экранов, с айпадов,
И техники прочей – да будь ей неладно!

От крепкого древа рожденные дети...
Не так-то уж много нас, право, на свете:
Война ведь косою прошла меж бойцами:
Увы! – миллионы не стали отцами!

Поэтому нас, что родиться сумели,
Всем миром любили, лелеяли, грели –
Могли мы до позднего вечера смело
Играть, где хотели,
И слово, и дело
Тогда совпадали у каждого часто –
Что нынче несбыточным кажется счастьем,
И редкостью были такие пороки,
Какими пестрят новостей наших строки...

О, каждый ребенок, рожденный Победой,
Девятого мая вставал до рассвета,
Чтоб китель примерить с отцовской фуражкой,
Поймать отраженье в начищенной пряжке

Поднимая страх на смех,
Открывая за околицей
Простоту просторов всех.

Жизнь промчалась. Стали взрослыми.
Дни скользят как в масле – сыр.
Для чего мы были посланы
В этот наш прекрасный мир?
Дети. Внуки. Кухня. Горести.
Телевизор. Огород...
Две зачитанные повести?
«Быть – не быть» ещё грядёт!

ПОКА ТЫ УМИРАЛА...

Вике

Пока ты умирала – падал снег,
Луна вспухала глазом злым воловьим...
И лишь один бессонный человек
Всю ночь сидел над скорбным изголовьем.

Шёл Новый год. Весёлый фейерверк
Плескался в небе гроздьями сирени,
Плыл пьяный смех, и – кое-где – сирены...
Весь этот мир в тебе неслышно мерк.

Но он не знал, что меркнет навсегда:
Огни сияли в окнах, шли застолья...
Лишь улица, посыпанная солью,
Была так по-больничному чиста.

Я плакала над мыслью о тебе
И шла куда-то вдаль в обнимку с болью.
Жизнь – суета. И дай-то Бог в судьбе,
Чтоб кто-то был всегда у изголовья...

Смерть – когда потеряешь память,
Звуки, запахи, все слова?..

Страшно раненой птицей падать,
Взлёт с паденьем сравнив едва...

АПРЕЛЬСКИЙ ЗАМОРОЗОК

Вот так и кончается всё.
Лепестки облетают.
Их дождь монотонный вбивает в дорожную грязь.
И наши мечты облаками проносятся, тают.
И тает как снег двух сердец потаённая связь.
Плоды не успели на ветках нагих завязаться.
Замёрзшее небо, ссутулившись, плачет навзрыд.
И глаз не поднять.
И руки не поднять – попрощаться.
Минувшее счастье – промчавшийся метеорит.
Разбиты две жизни.
И всё сопредельное с ними.
И нет виноватых.
Кому это важно теперь?
Похожа на выдумку жизнь, что пленяла доньине,
Как будто бы в душах всюю похозяйничал зверь.
Зачем и куда торопиться нам дальше, скажите?
Дорога приводит любую судьбу в никуда,
В неведомый дом,
В непонятную жизни обитель –
Куда путеводная манит нас вечно звезда...

ОКНО

Как странно жить, когда уже давно
Полвека пролетело и забылось.
Сирени гроздь стучит в моё окно:
Фантом зимы, непрошенная милость.
Сидит на тонкой ветке серый кот,
Давно пропавший где-то в лихолетье.
Ко мне подруга старая идёт,
Хотя её оплакали и дети,
И муж, и закадычные друзья,
Что друг за другом все уйдут в потёмки...
Летит синичек быстрая семья.
Небытие и явь. Они – на кромке,

И я, наверно, тоже, но гляжу
На гроздь сирени белую, как в детстве.
Нет остановки – той, где я схожу
С ума, с земли, из памяти, из действия...

Прости – я знаю, нет прощенья
За равнодушный взгляд, когда
Лучится светлым воскрешеньем
В небрежном сумраке звезда;
Когда, скрипя снежком внезапным
Несёт любимый мне букет,
А я... – о да, конечно, завтра
Я осознаю этот свет,
И буду плакать запоздало
О том, что в мрак ушла звезда,
Что я, заждавшись, не узнала
Люби, столь мнительной всегда...
В тот самый миг – что ненадолго
Мелькнул, блеснул и вновь погас, –
Я без эмоций – так, по долгу,
Запнулась серой мглою глаз,
Вернувшись вновь в свои печали,
Что так ничтожны и глупы...
Как часто чудо мы встречаем
Непониманием толпы,
В себя ушедшей правотою,
Ненужной мелкой суетою,
И болтовнёю не о том...
Ты шёл к любимой – со звездою
На лбу заснеженном своём,
С букетом трепетным и нежным
Из самых лучших вешних чувств...
Я погасила мир небрежно.
У горя счастьем научусь?

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Я лишь любить пыталась, как могла,
Людей, зверьё, деревья, даже камни...
И луч надежды – тонкий как игла –
Найти ответ в душе другой не канул

На дно обид, ошибок горьких, зла...
Да разве зло удержит в тигле память?
Душа светла, она, по сути, – пламя,
Любое зло в душе сгорит дотла.

И вновь взлетишь как бабочка над лугом
На зов любви с надеждой встретить друга –
На яркий свет без страха сжечь крыла...

В венке судьбы горит цветок осенний:
Горит под снегом вестью воскресенья!
Зима грядёт. Уже сгустилась мгла.

Любимый мой, как мало на земле
Любимого – всего, с чем жаждем слиться,
И ввысь взлететь,
И снова повториться –
Любимым – в этой вечной смутной мгле.
Летит листва, печальная, как лица:
Неузнанные, им дано гнездиться
В ничейной придорожной колее...

Любимый мой, меня ли ты любил?
Любил мою любовь, как эхо, отзвук;
А лишь привык – как привыкают воздух
Не замечать, –
Союз наш стал не мил;
В тумане зеркала, и те, молчат,
И эхо гаснет в этой мгле бездонной...

Не привыкать любви блуждать бездомной –
И год, и век, и сто веков подряд
И ждать: что в душах чьих-то вспыхнет свет,

И не листвою – взлетят они, как птицы,
Что вертят ось в небесной колеснице,
Спасая мир от пошлости и бед!

Если дружба построена вся на дарах –
Значит, в ней и корысть, и расчётливый страх.
Вещь любая однажды развеется в прах.
Друг по долгу отдачи – коварнейший враг!

Плохая ли, хорошая – но жизнь
Была моей,
Хотя казалось часто:
Ещё чуть-чуть, немного, продержись:
И вот оно тогда начнётся! – счастье...

Сойти с дороги – не сойти с пути
(мой Путь он был и есть навеки в сердце),
Сойти со сцены – вот! – с ума сойти
И памяти навек захлопнуть дверцы:
Вот всё, что я могу иметь сейчас –
Стать странницею, птицей без гнездовья...

И всё же, Бог, спасибо, что не спас
От ветреного этого раздолья!
Плохая жизнь – без дома, без гроша,
Без прочного привычного уклада?..
Она – не смерть, и этим хороша.
Душа поёт – ей колеи не надо:
Она ведь покидала, и не раз,
Как дом привычный, тело обжитое,
И – старое сменив на молодое, –
Рождалась вновь, как будто бы в Сейчас!

Так сколько ж мне дождей ещё пересчитать,
Уткнувшись лбом в стекло, в сырую полночь лета?
А сколько песен спеть?
Вот снова бьётся эта,
Как птица о стекло, о чёрной ночи гладь...

Пусть спят мои друзья – знакомцы и любимцы
Святящихся дождей, бродячих певчих строк.
Им снятся вечных звёзд таинственные лица –
Бессонные слова несут им свой оброк.

Наверно, потому не может тьма вовеки
Мир поглотить, растлить, собой замкнуть исток,
Что свет высоких звёзд гнездится в человеке,
Сливая трепет душ в немеркнущий поток?



Вячеслав ШАПОВАЛОВ

ГОЛОСА ВО ТЬМЕ

Новые переводы
и вариации

С английского

Архаика в музыкальных трактовках (Т. Йенсен, «Saturnus»)

«Nakkiel has fallen...»

Плачет луна и роняет свет
На жаждущую траву,
Во сне, наяву, грусти в ответ
Я тебя танцевать зову.
Лужайки, солнцем обожжены,
Грезят сладостью рос,
Нам падшие ангелы дарят сны –
Фантазии своих грёз,
Серебряная корона светла,
Семь камней в ней – тебе и мне,
Змеи с Древа добра и зла
К нам ползут в тишине,
И ночь возлюбленная тиха,
И мы растворяемся в ней,
Аккордов гнева, укоров греха
Звонче страсть и сильней.
Смотри – умирает дневная явь,
Танцую, свет мой, крылья расправь
Навстречу Добру и Злу,
В благословенную мглу!..

**Из кельтских
застольных песнопений**

«Отчего б нам не выпить...»

Отчего б нам не выпить с тобою, брат,
Хорошего сидру – с любовью, брат,
Поднимем кружки, вражде назло
За всё, что пришло и прошло! –
Кружка, пинта, кварта, брат:
На пару с тобою я выпить рад!..

Варят сидр – чтоб его пить,
Пьют его – чтоб веселее жить,
Девушки есть – чтобы их любить,
Так что же их не любить! –
Выпала в жизни карта, брат –
Вместе пить – веселей во сто крат!

Мудро сложилось житьё-бытьё:
Пьет каждый своё и любит – своё.
Коль есть, кого целовать,
То некого ревновать.
Кто знает, что будет завтра, брат? –
А нынче выпьем на пару, брат!..

С грузинского

Николоз Бараташвили
1817–1845

МЕРАНИ

Под карканье тревог, стремлением объятый,
Когда не счесть в пути тревог и расстояний,
Скачи, мой дивный конь – надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..

Лети, презрев морей и скал смятенье злое,
Пусть путь длиною в жизнь – до мига сократится,
Не бойся ни судьбы, ни холода, ни зноя,
И твой седок с тобой, измученный, домчится.

Пускай мне суждено утратить дом, отчизну,
Родных и сверстников – и встать лицом к изменам,
К утратам привыкать, терпению учиться –
И небесам глухим шептать о сокровенном,

Отречься от любви, ни в чём не виноватой,
И пустоте дарить ненужное признание! –
Скачи, мой дивный конь – надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..

Бродяге места нет на родовом погосте,
Не слышит милой плач в чужой земле могила:
Где упаду с коня, сыграют птицы в кости
И, всё забыв, душа взлетит над всем, что жило.

Взамен горячих слёз – холодных рос осадок,
Взамен молящихся – в пустынном небе птицы.
Не уставай, Мерани! – одинокий всадник,
Ни прежде, ни потом судьбе не покорится.

Вопьется в сердце сталь – мой рок, мой враг заклятый,
Но утратить меня – напрасное старанье,
Скачи, мой дивный конь – надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..

Ведь все-таки не зря душа на свет стремилась,
И мы открыли путь, и это нам зачтется!
Даруй, судьба, собрату огненную милость –
Пускай его скакун в дороге не споткнётся.

Под карканье тревог, стремлением объятый,
Когда не счесть в пути тревог и расстояний,
Скачи, мой дивный конь – надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..

Валериан Гаприндашвили

1889–1941

МОРЕ

Морю скучны его причуды –
бездомно съёживается вода,
вся – улетающая пичуга
или тающая звезда.

Наскучило тревожить бури,
просторов спор сводить к исходу:
как славно б в яшмовой лазури
ступнёю узкой тронуть воду,

как бесприютно вечной бездне,
как больно сердцу в неге пенной! –
как сладостно в любви исчезнуть,
скользнуть в кольца зрачок мгновенный,

там нежный сон – булавки длинной
укол, там зов ручья струится,
на жёрдочке там в клетке дивной
душа качается, как птица...

Но женщина пришла со свитой
в маске из молний, ветром сшитой,
четыре стихии в глазах у неё –
швырнула в воду имя своё!

Ах, как волна взвилась над нею
карающим эйфелевым столбом! –
и улеглась у ног, бледнея,
шлейфом – в зелёном и голубом...

Федерико Гарсиа Ромеу

Ладья ночи прибывает в порт,
До этого наполненный
светом и голосами.

И воздух,
Неистово свежий и не позволяющий вдоха, –
Весь из прозрачных морозных кристаллов
В топазовом блеске.
В час, когда море и берег перестают шептаться.
В глазах статуй, всматривающихся в вечность,
Исчезает печаль.

Ах, это мраморное безмолвье,
Теряющее очертанья,
Оно тянется к памяти –
но забыться не может,
Оно хочет раствориться в каменном блеске
Раньше, чем кончится буря
И утихнет прибой,
Которому берег
не дает сделать и шагу...

В этот час мы наедине с собою
И лицом к лицу с неохватным морем
Слышим музыку бездны
И в ней –
Приметы прощанья.

Мукагали Мукатаев

1931-1976

Поэт родится – людям принесет
Познания сладкий яд и горький мед,

Откликнутся ему сердца сирот,
Палач слезу раскаянья прольет.
Певец, пророк – он все равно придет!

Слова, полны небесного огня,
Услышим, сокровенный смысл храня,
И в темный сон немых ворвется речь,
Слепцы прозреют – этот мир сберечь.

Мухтар Шаханов

Народный поэт Казахстана,

Народный поэт Кыргызстана

ПЛОЩАДЬ ЖЕЛТОКСАН

Остановись, человек, перед этим пустым,
скованным льдом декабря и застывшим в печали
скорбным пространством!.. Здесь юноши лучшие пали
под шомполами, шепча «Казахстан отстоим!»,
здесь волокли без стыда по камням ледяным
девушек наших, что рано обиды узнали.

Черные ели, покрыты коростой льда,
видели всё, что случилось в ту черную дату.
Меж их ветвей – лица наших врагов бесноватых,
лица предателей, молча, мелькали тогда.
О современник, ты пережил эти года,
пересчитай же победы свои и утраты!

Тот, кто трусливо скрывался от глаз Декабря
и ядовито смеется теперь: «Босяки-декабристы!» –
проклят. Истории эти знакомы капризы.
Здесь беззащитной свободы пылала заря,
но, утешенье молитвой незримой творя,
юная кровь и сегодня сквозь камни багрится.

Есть у природы один нерушимый завет:
все, что свершилось, получит свое воздаянье.
Здесь все слова упокоились в смертном молчанье
неотомщенных обид, незалеченных бед!

За пеленой отчужденных, беспечных, беспамятных лет –
гордость и скорбь,
одиночество,
покаянье...

С кыргызского

**ПОЭТИЧЕСКОЕ СОСТЯЗАНИЕ В КОКАНДЕ:
царицу Курманджан
встречает Молдо Тойчу – Глава Празднества:**

Вот она – приветствуйте Курманджан! –
В одеянье алое облачена,
Ожерельем ярким озарена! –
В обвиншем царственный этот стан
Поясе, что стянут тугим узлом,
Спорят нити золота с серебром,
В чёрной тьме уроненных длинных кос
Золотым монетам легко звенеть,
Золотистый иноходец её принёс,
На запястье её – золотая плеть,
На седле коня огоньками в ряд
Хорасанские самоцветы горят,
На плечах её кашмирская шаль,
Глаза – как звёзды, глядящие вдаль...
Добро пожаловать, Курманджан!

Курманджан-датка

1811–1907

Фрагмент из «Дивана Зыйнат»

*Приписывается Курманджан датке.
(Зыйнат – ее поэтический псевдоним)*

Вдали летит скакун – и всадник держит лук,
Сплошным ковром цветов покрыт зеленый луг,
Райхон и мальва спорят с пламенем тюльпана,
Толпа цветов счастливых внемлет им вокруг...

Абдылдажан Акматалиев

МИР НЕЗЫБЛЕМ – УХОДИМ ЛИШЬ МЫ...

На кончину Чингиза Айтматова

Не бывает людей без забот и тревог,
Без любви к этой жизни тревожной.
Мир незыблем – уходим лишь мы за порог,
Покрываемся пылью дорожной.

Копим скарб – но не смерти незваной боясь,
А заранее сжившись с судьбою:
Так и жить бы всегда, неразрывную связь
Навсегда утверждая собою.

Человек и эпоха – как два близнеца:
Наказанье одно и награда.
Ночью в небе звезда освещает сердца,
Упадёт – значит, так было надо.

Так, Чингиз и Эпоха, сливаясь в один
Пламень веры, печали и гнева,
Ярко вспыхнув, погасли вдали от вершин,
В чёрной мгле безграничного неба.

Звезды мудрые молча уставились вниз,
Безымянной полны пустотою.
Слишком рано пришел в наше время Чингиз,
Разделив его резкой чертою!..

Да, эпоха – как небо: летят облака
Или солнце в судьбе запылало...
Но дорога у времени так далека –
Не исчислить конца и начала.

Потеряют однажды деревья листву,
Люди память свою потеряют –
Но, в небесную раз поглядев синеву,
Те же смыслы они повторяют.

Обновляется жизнь в поколениях своих,
Новый ветер по-новому веет,
Человек слышит сердца прерывистый миг –
Но за веком спешить не успеет.

Только гению тяжкая власть суждена.
Он, в столетья сплавляя мгновенья,
Понимает: история – это стена,
Ею разделены поколения.

Время – дикий скакун, что летит напролом,
Не боясь, что сорвётся с обрыва.
Мы живём и не знаем – нас ждет за углом
Тьма слепая иль зримое диво.

Время юности – светлой надежды пора:
Ни боязни, ни горького знания:
Как легко обещает нам счастье с утра
Каждой новой зарницы пыланье!

Но промчится и это, и мудрость придет –
Всякой жизни кончается книга,
Начинаешь ценить ты не век и не год,
А значенье короткого мига.

Не спеши же, эпоха! – пускай человек
Осознает свое назначение,
Может, он упорядочит путь свой и век,
Направляясь в большое кочевье.

Каждый раз – в первый раз мы на свете живем,
Недоступен нам прожитый опыт,
В одиночку мы плачем, смеёмся – вдвоём:
Новой жизни никто не накопит...

Время – лодка, а наша надежда – весло.
Время – древо, мы – легкие листья,
Разлетаемся радостно, шумно, светло,
Но уж тронуты желтою кистью.

Время – это вино на пиру бытия,
Но вдохни его горькую сладость,

Чтобы знать, где чужая судьба, где – твоя,
Что усталому сердцу осталось...

Время – врач, но не может себя исцелить,
Да и горькое это лекарство:
Чтобы что-то изжить, чтобы муки забыть,
На какие идём мы мытарства!

Это ведал один лишь в моей стороне,
Но полжизни провёл он в скитаньях,
Жизнь он с Веком Двадцатым прожил наравне –
Несравненный наш мудрый наставник.

В лоно гор его звал крутизною карниз,
Бились молний слепящие кольца,
Но когда ему Время кричало: – Чингиз! –
Он его утешал: – Успокойся!..

А судьба была – грозный гремящий поток,
Космонавт в высоте задышался,
Белый плыл пароход, красный реял платок,
Иноходец, устав, спотыкался.

И всё глуше звучали людские сердца,
И всё громче – тайфуны и грозы,
И копилась в усталых глазах мудреца
Безнадежные едкие слезы.

Он-то знал: горных рек не скудеет вода,
Но ей трудно дойти до колодца.
Мир незыблем – уходим лишь мы навсегда.
Что же, что же от нас остаётся?..

Таштанбек Чакиев

«БЕЗМОЛВЬЕ ХРАМОВ, БЛИЗКОЕ ГОРАМ...»

Из цикла об Армении

Стать эллинская всюду здесь сквозит:
Вот аполлон помчался, босоног,
Придерживая царственный венок,
Вот пролетела стайка афродит...

Вот громовержец хмурится, не рад,
Смеются нимфы в брызгах горных рек,
И Ноев переполненный ковчег
Надмирный ожидает Арарат.

Безмолвье храмов, близкое горам,
Подчеркивает звон колоколов.
Далекий след моих кипчакских слов
Хранит великий Матенадаран.

Святой Месроп для всех грядущих лет
Задумывает в келье алфавит
И смотрит в глубь грядущего Давид...
Армения – предчувствует рассвет!

Одиночество дней, повторение лиц,
Перелетные стаи тоскующих птиц,
Стук в оглошную дверь... И мгновенный итог –
Появление нежданных целительных строк!

Дева светлой Армении, профиль в окне...
Вижу бездну меж нами с рекою во тьме.
Мои дети – киргизы, судьбы моей знак,
И киргизка-жена бережет мой очаг!

Здесь – мгновенные дни, там – мой дом и судьба.

Улетая, оглядываюсь навсегда.
Дева вышней Армении – так суждено –
Яд утраты плеснула: я – выпил вино!..

Я приехал к тебе, Ереван,
Красотой твоих дев обуян,
Гостю двери скорей приоткрой –
Ибо думаю лишь об одной:

Среди юных горянок-девчат
Звонче всех ее песни звучат,
Но она их все дни напролет
Для кого-то другого поёт.

Вслед мне мельком лишь глянет она –
Но расспрашивать станет она:
Анна с Сильвой прочтут ей, тихи,
Из Киргизии парня стихи.

А потом и года пролетят,
Миг надежд не вернется назад.
Памятью я забудусь, как сном,
И замру – над последним письмом...

С украинского

Катерина Бабкина

Он её обнимает, он уходит в рассветную муть.
А она ему: «Береги лицо и руки – там, говорят, ветра,
запасную одежду, нож, соль да медвежий клык не забудь,
воротник не грызи – я зашила смертельных трав.
Помни – есть права, но в игре этой правил нет,
куда бы ни шел ты, Бог с тобою и добрый путь,
но не жди – никто тебе там не даст ответ...»

А он ей: «По утрам прогревай машину, не ходи одна! –

береги стариков и детей, инвалидов, птиц и своих святых,
ожидая меня, в ночь не вглядывайся – нет у ночи дна,
не смотри новостей – и с ума не сойдёшь от них,
ну а нас не минуют вино и пепел, бинты и пули,

и кровь во тьме,
все ответы нынче – о пропавших без вести да о зиме,
хотя, с другой стороны, и вопросов уже никаких –
всё, против чего обычно идут на смерть, убивает и нас,
перекрывает дыханье, свободу, отключает нам грс,
горлом пускает кровь, лишает слуха и глаз,
мраком и голодом сердце и ум разит...»

Оба молча надеются: что-то его/ее сохранит.
Сомнений, слёз и надежды истощился запас.
Мёрзлый нож рассвета режет простор небес.

С французского

Поль Верлен

1844–1896

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

блёклая даль
льётся печаль
скрипка лепечет
ей в унисон
сердце сквозь сон
чёт ли нечет

злая гроза
глянет в глаза
час означает
прошлым дыша,
гаснет душа
молча плачет

ветер солист

листья слились
в осеннем дыме
во мгле летят
куда хотят
и я за ними

Реми Дор

ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОДОК

Высокая крепость,
Алая терракота стен,
Суровые руины простершая
Над зеленым межхолмьем,
В Темные Века жила ты
Простой и красивой жизнью...
И горный ветер,
Ветер воспоминаний,
Напевает об этом времени
Маленькому городку.

СТАРЫЙ СТРАННИК

Сквозь шеренги времен,
Словно между колонн,
Бредет этот странник
С пустотой и печалью во взоре,
И на смутном челе
Ясно видно сочувствие грешной земле,
И в глазах его – жалости темное море.

Но в руках у него Коса.

Так идет он средь многоголосья,
Лучшие срезает колосья –
Ибо нет прекраснее урожая,
И, угрожая,
Глядят и глядят небеса.

Не получится стих
с кондачка.

Без бравады пишу,
без рисовки,
Не для отдыха,
не для тусовки.
Эти песни
сквозь годы несу.
И не надо –
про рэп иль попсу.

И не надо –
про шум хит-парадов,
Про свистящие свиты
фанатов,
Раскрутившихся звёзд
барыши.
Для одной-то и пишем
Души.

ПЕСЕНКА В ЗАЩИТУ ГОЛОВЫ

Не надо бить по голове:
Она ни в чём не виновата.
Коль в ней не сено и не вата,
Не надо бить по голове.

Не надо целиться в висок,
Держать над темечком дубинку.
Пусть поразмыслит хоть с часок –
И выдаст что-нибудь в новинку.

Восславим голову за то,
Что на другие не похожа,
Что поучений долото
В неё, упрямую, не вхоже;

За то, что, сколь не суетись,
Сколь ни устраивай гонений,

Она не в силах обойтись
Без иронических сомнений.

По голове не бей чужой
Ни палкой, ни нравоученьем.
И лишь для яблока порой
Мы смеем сделать исключенье.

Желтеют яблоки в траве...
Ньютоны бьются над задачей...
Не надо бить по голове,
А уж по мыслящей – тем паче!
А по непонятой – тем паче!!
А по непризнанной – тем паче!!!

НОВАЯ ПЕСЕНКА ПО МОТИВАМ СТАРОЙ СКАЗКИ

Портняжки – те, брат, хитрецы.
А короли – подчас глупцы:
Им лесть нужна, как женщине объятья.
Король-дурак не знал того,
Что носит он из ничего,
Из пустоты покроенное платье.

Вокруг него лилась хвала!
А он, в чём мама родила,
Нёс миру подбородок свой тяжёлый,
А вслед за ним – обрюзгший стан.
Как вдруг воскликнул мальчуган:
«Смотрите, люди! А король-то – голый!»

Корон и тронов нет уже,
Но и сегодня неглиже
Гуляем мы, довольные собою,
Пока мальчишки голосок
Не клюнет дерзостно в висок –
И вот стоишь ты, гол, перед толпою.

Как часто в славе и рублях
Мы ходим в голых королях:
Ведь за душой – ни платья, ни бельишка.
Кто лебезит, кто просто трус,
Но всё ж сорвутся с дерзких уст
Слова, что прокричал лихой мальчишка.

Как часто мы хвалу поём
Тому, кто голым королём
Заносчиво возносится над миром.
Ан всё равно приходит срок –
И раздаётся голосок,
И в пыль земную рушатся кумиры.

Тот, кто иронии лишён,
Поверь – ты ходишь нагишом.
Как вдруг прорвётся голосок весёлый
И перекрыть сумеет всех,
И грянет смех, раздольный смех:
«Смотрите, люди! А король-то – голый!»

А следующей песней я отметил
очередной «звёздный час»
Леонида Ильича Брежнева – церемонию
вручения ему в связи с 75-летием пятой (!)
по счёту высшей награды Родины –
Золотой Звезды Героя
Советского Союза.

20 декабря 1981 г.

Из цикла «Крылатые слова – бескрылые дела»

* * *

«Стену лбом не пробьёшь»

Окружённое злой тишиною,
На забвение обречено,

За высокой угрюмой стеною
Жило бедное племя одно.

Ни горы под рукой, ни пригорка –
От судьбы никуда ни уйдёшь!
И сложилась тогда поговорка:
Дескать, стену ту лбом не пробьёшь.

Может, это и так.
Но какой-то чужак
Не желал рассуждать под копытку,
Биться стал головой –
И к утру, чуть живой,
Продолбил путеводную дырку.

Ох как бросились к ней, долгожданной,
Дети, женщины и старики!
Но прикрикнул их вождь окаянный:
«Первым – я. А за мной – мужики».

Чужака затащили последним.
Огляделись – и вот тебе на!
Всё вокруг – как и было намерено:
Перед ними – вторая стена.

Всё б и кончилось так,
Да упрямый чужак
Вновь за дело рисковое взялся.
Ровно в полночь – ура! –
Появилась дыра.
Только сам он уже не поднялся.

Вождь прополз, а за ним остальные.
Но из мёртвой ночной глубины
Замаячили плиты стальные
Неразведанной третьей стены.

И тогда на всеобщем совете
Было принято: лбы поберечь.
Чужака погребли на рассвете.
Вождь сказал поминальную речь:

«Стену лбом не пробьёшь.
От судьбы не уйдёшь.
Возвращайтесь к труду и покою.
Проживём себе так,
Пока новый чудак
Не захочет рискнуть головою».

ПЕСЕНКА ОБ УМЕ И БОГАТСТВЕ

Новый мир толстосумный
дарит нам постулаты,
До которых я сам не дорос:
«Если ты такой умный –
почему не богатый?» –
Словно мне адресован вопрос.
Я ведь, вроде, профессор,
и стихи мои пресса
Не обходит пока стороной,
Автор бардовских песен
и народу полезен
Даже как сценарист записной.

Сколько выдал я строчек
без пустых проволочек,
Сколько ценных идей раздарил!
Уродился бы в Штатах,
так ходил бы в богатых,
Не «Родопи», а «Кэмел» курил.

Я б при их гонорарах
мог бы жить на Канарах,
Как банальный индус иль француз,
Но «совковое» братство
отвергало богатство
И к деньгам не привило мне вкус.

А теперь – поздновато.
Я как жил небогато,
Так, пожалуй, и кончу свой век –
Дураком популярным,
бизнесменом бездарным,

На Нью-Йорк не меня Бишкек.

Ах, успех ты мой шумный,
без достойной оплаты!
Так всю жизнь провитал в облаках...
Если я такой умный –
почему не богатый?
Иль богатство моё не в деньгах?..

* * *

За окнами маячит город сонный –
Моя и Ваша общая судьба...
Вселенная огромна и бездонна,
Как граммофона старая труба.
Луна во тьме – серебряная льдинка –
Высвечивает стёртые следы.
И влажной ночи чёрная пластинка
Кружится под тугим лучом звезды.

Заигранная грустная пластинка
Поёт о том, о чём и я пою:
Что наши души – только половинки
И каждая спешит найти свою.
И с той второй, далёкой, слиться хочет,
Хотя б на миг единым целым стать.
Не для того ль Господь придумал ночи:
Любить и плакать, клясть и сострадать?..

В притихших, обездоленных прихожих
Есть множество простых примет таких
Слияния похожих и несхожих
Бродяжьих половинок – душ людских:
Ботинки, запорошенные пылью,
Похмельно завалившийся сапог
И туфельки – как сброшенные крылья
Пленительно-печальных женских ног.

И ночь нежна, и Ваши восклицанья
Сквозь темноту доносятся ко мне.
И грустная иллюзия слиянья,
И это ощущение во сне:
Что, только лишь закончится пластинка,
Очнёмся мы на разных берегах –
Два сердца, две судьбы, две половинки...
А между нами – утро, как река...

* * *

Привычное дело – жемчужину в водах искать.
Душа детской верою всё ещё не оскудела.
Кто ищет в сугробах, кто – в жарких, тягучих песках...
Ведь вот нам какое досталось привычное дело!

Привычное дело – надеждой непрочною жить,
По тропке спеша, что – глядите! – вот-вот оборвётся,
И вдруг на краю неожиданно так заслужить
Ту главную встречу, что счастьем привычно зовётся!

Привычное дело – касаться единственных плеч,
Молить и терзаться, себя выдавая с поличным.
Ах, господи-боже, как всё это надо беречь!
Как хочется верить, что чудо не станет привычным!

УТЕШИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Не стоните, пред собою не лукавьте:
Были в белой, нынче – в чёрной полосе.
Ах, оставьте ваши жалобы, оставьте!
Неужели вы несчастнее, чем все?
В этой бурной, в этой жёсткой круговерти
Кто себе не посочувствовал хоть раз?
Но с чужими свои беды соизмерьте:
Разве прочие живут счастливей вас?
Если Бог послал сердечное раненье,
Если страсть лишает разума и сил,
Проведите молчаливое сравненье

С тем несчастным, кто вовеки не любил.
Если жизнь полна печальных происшествий,
К месту вспомните, что горе – не беда.
Вас судьба всего лишь гладит против шерсти,
А с других сдирает шкуру иногда.

Говорите – мир несправедливым остался?
Но на свой удел ссылаетесь вы зря.
Вам кусок не самый лакомый попался –
Для кого-то не нашлось и сухаря.
Хоть и шатко, но на двух ногах стоите –
У другого с малых лет всего одна.
Голова у вас больная, говорите?
А иному и такая не дана.

Так оставьте ваши жалобы, оставьте!
Жизнь дарована не только для утех.
Вы с чужими свои беды сопоставьте –
И окажетесь удачливее всех!
Ну а ежели и это не заглушит
Вашу муку, неподвластную словам,
То представьте, что могло б случиться хуже, –
И, ей-богу, сразу легче станет вам!



Талант ЖОЛДОШБЕКОВ

Утро

*Возлюбленная всегда тебе в помощь,
пусть далёкая, пусть спящая.*

Антуан дэ Сент Экзюпери.

Я бы хотел просыпаться
В доме, в котором тепло,
Где бы ничьё психопатство
Голову мне не пекло.

И не в кровати Прокруста,
А на вольготной тахте
Я, потянувшись до хруста,
Ласки б твоей захотел.

Ты же, бесстыжая соня,
Всё не сойдёшь с облаков,
Словно мечта невесома,
Где-то совсем далеко.

А между тем в фиалете,
Здесь, за оконным стеклом,
Ранняя птаха о лете
Мне распевает псалом.

Вот оно, счастье поэта,
Эх, закурить бы, да лень
Чем-то взволновывать этот
Чуть пробудившийся день.

В тот день.

*Страдание нужно до тех пор,
пока ты не поймёшь, что оно не нужно.*

Экхарт Толле.

...И я заплакал, как мальчишка,
В отчаянье цепляясь за слова.
Тогда мне показалось это слишком:
Беспечная записка соловья,

Ручья безудержное бормотанье,
Безоблачная тишина небес
И, перенаселённые цветами,
Эдемские сады кругом, но без...

Отсутствие привычного чего-то
Пугало незнакомой пустотой,
А в голове как молот: «Вот он! Вот он!
Час обрушенья тверди под стопой».

Потом, как будто, отпустило малость.
Вслед за глотком горячего питья
Сквозь накативший планетарный хаос
Вновь проступили капли бытия.

Из сердца кто-то осторожно вынул
Тупой, пронзительно холодный штырь,
И я опять увидел, как невинно
Взирает на меня всё тот же мир.

Лицом к лицу с невозмутимым солнцем
Стояли долго мы средь бела дня,
Пока светила радужные кольца
Совсем не обессилили меня.

И я продрался в дебри ежевики,
Ища вслепую роковой ответ,
Когда с безмолвным криком «да живи ты!»
Хлестнула по глазам тугая ветвь.

Я протрезвел. Я сам к себе вернулся.
Курил, курил. Молчал, молчал, молчал.
Река ведь не река уже без русла,
Вот так и я, мелея, обмельчал.

Разлука

*Никакое воображение, даже самое сильное,
никакая память, даже крепчайшая, не заменит
присутствия живого человека, любящего нас.*

Дмитрий Быков.

Разлука вошла в апрель,
Едва он успел разверзться,
И тысячу нежных стрел
Направила в область сердца.

Разлука нашла любовь
Живой за печатью шрама
И толпы людей-гробов
Повытолкала из храма.

Разлука вернула свет
Поющий во все глубины,
И вновь прояснился след,
Оставленный мне любимой.

С разлукой теперь легко
При лунном луче общаться,
Когда я не сном влеком,
Но думой о тайне счастья.

В разлуке сладчайший мёд
Я черпаю, пью и плачу,
И только она поймёт,
Чем выбор такой оплачен.

Её я не смог отречь,
И в том не моя заслуга:
За новую радость встреч
Спасибо тебе, разлука.

Что отдано?

Полученное укрепляет тело, душу питает отданное.

Антуан дэ Сент Экзюпери.

Уже годами я не беден
И опытом почти богат,
Уже ногам хватает тверди
Нескоро под гору шагать,

Уже достаточно испито
Крутого зелья перемен
И банков сорвано с избытком.
А что же отдано взамен?

Уже вершин довольно много
Больших и малых за спиной,
Уже и коронован богом
Вполне пристойной сединой,

Уже в душе царит порою
Не штиль, но абсолютный дзэн,
Благоприятствуя здоровью.
А что же отдано взамен?

Уже огня любви и дружбы
В открытом сердце через край,
Уже и слабости не чужды,
А ты гори да не сгорай,

Уже разлуки и свиданья
Без мелодраматичных сцен
И ярче краски увяданья.
А что же отдано взамен?

Вчера и каменщик, и зодчий,
Теперь философ и поэт,
Внимаю тоньше, вижу зорче
Сквозь череду грядущих лет

И, время ощущая остро,
Всё реже окунаюсь в сон.
Что отдано вам, братья, сёстры?
Увы, пока ещё не всё.

Река

*...Я слушал реку. Она много сказала мне,
она наполнила мою душу исцеляющими мыслями,
мыслями о единстве.*

Герман Гессе.

По ночам река слышней,
Мир вокруг пока недвижим,
И становимся мы с ней
В темноте друг другу ближе.

Я внимательно молчу
Словом речь её не рушу,
Мол, пожалуйста, врачуй
Мне доверчивую душу.

И великий белый шум,
Ненавязчиво, но скоро
Мой освобождает ум
От накопленного сора.

Вымывает ил и грязь
Из глубоких ран и трещин,
Научая каждый раз
Быть меж избранных мудрейшим.

По камням и по песку
Вслед за влагою зовучей
Вот уже и я теку
В гуще образов, созвучий.

То гремит церковный хор
О юдоли человечьей,
То струится разговор
На языческом наречье.

То как будто разорвёт
Небо первобытный пламень,
То над бездной чёрных вод
Дух прошелестит крылами.

Судьбы, знания, века,
Красота, любовь, искусство –
Всё живое, всё река
От начала и до устья.

И шумит мне про моря,
Звёзд развешивая гроздь,
Еженощная моя
Поэтическая гостья.

После наших с нею встреч
Хочется взойти высоко
И не говорить, а речь
Гласом горного потока.



Крик одинокой

Она бьет пальцы в кровь о струны гитары.
С них отлетают дрожащие крики птиц.
Мечтает стать частью молодой пары,
не наблюдая за светом счастливых лиц;

Стоять у берега моря и мерзнуть от ветра,
Самой вбирать теплоту согревающих рук.
Ей до небес не хватает последнего метра,
А называется он “не просто друг”.

И в ней рождаются ноты за краем предела,
Охрипшим голосом мыслям дают дышать.
Она бесстрашно испаривает свое тело
И у границы зимы остается ждать...

Того, в ком будет стучать половина сердца,
Кипящей лавой смешается в жилах кровь.
Ей до небес не хватает последнего герца.
А называется он “любовь”!

Разговор с собой

- Так тянет курить, чтоб легкие мазало дымом
и в горле так мерзко першило, когда он проходит мимо.
И хочется выпить, забыться, забыться мне в собственных
мыслях. И хватит мне сниться!
– Пстой-ка, а мне ведь так хочется жить?!
- Все просто. Надо только его забыть.
- Тогда уж на верхний этаж и вниз.
И будет для всех от меня сюрприз.
- Но мне ведь хотелось жить?
- И даже когда он проходит мимо?
- И даже когда с другой?
- Ты помнишь, какую прожили мы зиму,
что слезы с глаз не смахнуть рукой?
- Но жизнь одна...
- А он с другой! Когда он проходит мимо...
- Я верю, что буду счастливой!

Саморазрушение

Я разделась смело, бездумно.
Мне не стыдно, не страшно. Ноль я.
Ты ценил не глаза, не ум мой. Ты любил?
Говори, не больно.

Поцелуй, чередя нежной лести.
Золотую монетку подкинешь.
Пред тобой не имею чести. Хочешь тело?
Держи! Осчастливишь...

Подсластив ненасытную гордость,
по-хозяйски возьмешь за руку.
Ты снесёшь в смехе зрителей пошлость,
ведь я просто послушная сука.

Я не знала любви безответной,
может быть и болезнь сладкой,
Бесконечными – взгляды украдкой,
романтичным – подъезд без света.

Я жила? Не дышала.
И скоро посмотрела в своё отраженье:
Как торчали тонкие ребра и синели под кожей вены,
Как безумно глаза светились

неестественно горьким оттенком,
Как в них море волнами резвилось,
разрушая хрупкие стенки...
Боже, как бой часов опостылел!
Ослепительно ярко солнце.
Под Ненужной,
Покрытой пылью, человек уже не проснется.

Брат

Два города тянут тебя за руки:
Завидный алмаз и родная медь.
Сегодня не умирают от разлуки:
Пронзает столицы сеть.

Но шатки три четверти у обрыва,
Как дерево старое на ветру.
Но почему-то голос на грани срыва
При встрече в аэропорту.

Сменяются листья на нашем орехе,
Проходят автобусы мимо врат.
Я все еще слышу тебя в чьем-то смехе.
Я думаю о тебе, брат.

Есть рядом со мной свободное место.
Чего не коснусь, то было твоим.
У всех когда-нибудь кончится детство.
Быть порознь всем двоим.



**Кувшин вина
Хайяма**

Подчинись, не прекословя, ей, когда любовь пришла.
Сразу же печаль из сердца убежит – источник – Зла.
А любовь согреет душу, и тоски огромный айсберг,
Словно льдинка, вмиг растает от волшебного тепла.

.

Жить во имя любви – это значит
За неё быть готовым страдать,
Умирать, торжествуя и плача –
Меру счастья глупцам не понять.

Даже все богатства мира мимолётны, словно сон.
Не привязывайся к власти: тщетно все – чины и трон.
Смерть коварно, не жалея, заберет всех в мир иной,
Лишь дела благие вечны, славен ими путь земной!

Общение с невеждой страшнее недуга,
Я для беседы себе выберу друга.
С ним и в беде мне приятно и сладко:
Глазам не видны его недостатки.

Слова любви любимой повторяй,
Гордись, что молод и красив, но знай,
Безжалостное время все развеет,
Любви глубокий след лишь не стареет.

Известно, что жизнь – увя! – быстротечна.
И горе, и радость исчезнут, конечно.
Любя, быть любимым – нет высшего счастья!
Храни это всё в своей памяти вечно!

Виноградного, путник, вина ты не пей,
Оно не утешит, скажу тебе прямо.
От пьянства нет прока, отбрось прочь бокал,
Хмелей без вина, друг, читая Хайяма.

В притворной любви не нуждается бог,
Чиста, непорочна должна быть она,
Искренность – жизни прекрасная суть,
В этом вся мудрость Хайяма видна.

Жемчужины ты в миражах не найдёшь –
Зачем тщетной мыслью свой ум развлекать?
Глухим и немым в грезах жизнь проведешь –
Не зная, что ищешь, ни с чем и уйдешь.

Зачем сотворил меня бог? – Не узнать,
Из глины какой замесил? Не понять.

Откроет ли тайну Великий Гончар?
Молясь, получила ответ его в дар.

Ничего не значит в мире бренном красота,
Искушение богатства тлен и суета.
Преходящие все, лишь вечно
На земле живет мечта.

Слава голову вскружила? В жизни нет страшной напасти,
Я не в силах тебя вырвать из тенет безумной власти:
Из капкана вождельня только сам спастись сумеешь,
Если разума затменья своей волей одолеешь.

О страдалец, все печали заливающий вином,
Ты беспечно превращаешь свою жизнь в ад и содом.
Чтоб о камни не споткнуться, ты от них расчисти путь,
От страданий есть спасенье – храбрецом отважным будь!

К груди кувшин Хайям как друга прижимал.
И ему вопросов трудных множество задал.
Кувшин, не выдержав Хайяма испытаний,
На его грудь безмолвно слёзы изливал.

Из слёз, умерших глину замесив,
Облил их кровью свой кувшин Гончар:
Язык страданий стал ему понятен –
Вонзился он в сердце Хайяма как ханжар*.

Близок Судный день: пора – не пить вина.
Пред богом за него придётся отвечать сполна.
Коль заливал свою печаль вином,
Отправлен будешь в ад ты Праведным Судом.

Горе и счастье живут рядом с нами.
Вражду друг с другом подобно врагам:
Горе жестокость свою проявляет,
Счастье блаженство дарует сердцам.

Ханжар-кинжал

Гончар Хайям был мудр в своих советах:
«Ты только горстка пыли в мире этом.
Люби и будь любим, жизнь без любви всего лишь –
Пустой, холодный дом, где нет тепла и света!»

Ты пьёшь вино в любое время суток:
Кровь от него кипит – теряешь ты рассудок.
О будущем подумай – пагубною страстью.
Ты открываешь сам врата своим напастям.

Ты от жестокости ослеп? Побойся Бога! –
Мать и отца гнать с отчего порога?!
Они тебе жизнь дали, злом за это.
Счастья не добьёшься,
Коль добротой сердцем разминёшься.

Никто не был счастлив еще от вина,
Вино только губит, а жизнь – то одна!
Если не вырвешься из плена его,
Тебе самого оно выпьет до дна!

ПУБЛИЦИСТИКА



ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАТЕРЯННОЕ ОЗЕРО

1. Парк Советского периода

«Дорога – это жизнь», – говорили мудрецы Древнего Рима. Я думаю, они имели в виду, что каждое путешествие – это неповторимый эпизод жизни человека, со своим началом и концом, со своим ритмом и течением времени, с уникальным калейдоскопом событий и лиц, встречающихся ему в дороге. Если вновь пройти по тому же пути через какое-то время, то это будет совсем другое путешествие. В нем будут те же ландшафты и города, но погода внесет свои поправки, случай подарит другие встречи, и, самое главное, в душе путешественника рождаются иные чувства. Ведь, по утверждению тех же древних философов, «нельзя войти в одну и ту же реку дважды».

Путешествие стало образом жизни моего друга Сергея Дудашвили. Невозможно сосчитать, сколько раз он отправлялся за новыми открытиями. Вся его жизненная история – это череда путешествий. Десятилетия были отданы им поиску новых пещер не только в Советском Союзе, но и в Германии, Польше, Чехословакии, Англии; почти двадцать лет работы в туризме принесли ему знание самых отдаленных мест нашей горной республики; двенадцать лет дальних путешествий по миру обогатили его незабываемыми впечатлениями о джунглях Амазонки и саваннах Южной Африки, пустынях Калахари и Ирана, водопадах Бразилии и Замбии, затерянных городах

инков и майя, ацтеков и древних египтян, о трудных дорогах Тибета и Бутана. И этот список можно еще долго продолжать. В нем Камчатка и Австралия, Соловцы и Филиппины, Байкал и Титикака, Памир и Анды.

Сергей давно заметил, что родной Кыргызстан – terra incognita даже для граждан нашей страны. Привозимые им из путешествий по республике фотоснимки вызывали удивление у всех, кто их видел. «Неужели это у нас?! Не может быть!» – восклицали друзья и знакомые Дудашвили.

Жизнь рядового бишкекчанина устроена очень просто: дом – работа – дом, плюс отпуск на Иссык-Куле. Кто побогаче, предпочитают отдыхать в Турции или в Таиланде. Никто из них и не подозревает, насколько интересна и разнообразна наша собственная страна, сколько в ней природных красот и затаенных мест.

Сергей несколько лет назад начал издавать фотоальбомы с короткими рассказами-очерками о своих путешествиях по родной стране, которые он назвал символически – «Неизвестный Кыргызстан». Вышло уже три книги, и к Дудашвили потянулся народ. «Где находится то или иное место? Как к нему проехать?» – люди желали воочию увидеть то, о чем писал Сергей.

Я часто сопровождал Дудашвили в его путешествиях. Мои фотографии легли в основу моей книги «Таинственный Кыргызстан», куда я включил снимки из поездок за последние десять лет.

И вот новое путешествие: мы вдвоем отправились на поиски горного озера, не отмеченного на топографических картах, но обнаруженного Сергеем на космических картах всезнающего Гугла. Озеро прячется где-то в отрогах Ат-Башинского хребта в верховьях одноименной реки. Это место находится приблизительно в трехстах шестидесяти километрах от Бишкека. В том же районе, по слухам, расположен самый большой высокогорный водопад Тянь-Шаня. Его высота, по утверждениям побывавших там туристов, достигает почти восьмисот метров! Но дойти до него не так просто. Его воды низвергаются со скального уступа в верховьях ущелья Баш Каинды. Путь от дороги до водопада неблизкий – около четырнадцати километров.

Мы с Сергеем полагали, что дорога до Нарына и Ат-Баши хорошая, ведь строители трассы Бишкек – Торугарт давно считались о завершении работ. Но оказалось, что значитель-

ный участок трассы все еще в стадии строительства. Местами дорога проходила по старому покрытию.

Трасса шла меж холмов и долин, расцвеченных пестрыми квадратами цветущих полей: розовые – посадки эспарцета, желтые – дикорастущие кусты пастушьей сумки, привольно чувствующие себя на пшеничных полях. Кое-где виднелись высокие цветоносы желтого коровяка, отличного медоноса. Все остальное пространство было покрыто сочной зеленью травы. В отличие от Чуйской долины, палимой жарким июльским солнцем, здешние просторы, поднятые к небу на высоту более двух километров, чаще орошались дождями и поэтому имели такую богатую растительность. Вдоль речки, время от времени скрывающейся в промытом ею каньоне, росли невысокие деревца серебристого лоха – джиды, как называют это дерево в Азии. Его спелые сладковатые плоды, внешне похожие на финики, с такой же косточкой внутри, очень любят дети. За долиной на заднем плане возвышались, завершая этот привлекательный глазу пейзаж, желтые глиняные холмы, похожие на уснувших великанов.

Мы остановили машину, чтобы запечатлеть на снимках эту красоту. В воздухе парили небольшие степные орлы, высматривающие добычу. Желтые трясогузки перелетали с места на место, взмахивая своими пестрыми крыльями и длинным хвостом-рулем. Самцы овсянок, с желтой грудью и красным пятном вокруг клюва, наполняли воздух переливчатой однообразной трелью: «Ви-и-тю ви-дел?» Вокруг цветов деловито гудели пчелы и шмели. Из-под ног прыскали в разные стороны прыткие ящерики. На холме живописной группой виднелись купола и арки старых гумбезов.

В Нарыне мы захватили с собой Бакыта, знакомого Дудашвили, вызвавшегося показать нам красоты близлежащих окрестностей. Он, бывший служащий финансовой полиции и МВД, теперь, выйдя на пенсию, всерьез решил заняться туризмом, прекрасно зная родной край. Заведовал когда-то Бакыт и Нарынским охотничьим хозяйством, поэтому проблемы сохранения природных богатств нашей родины ему были близки.

– Раньше у нас было столько косуль и эликов... – рассказывал наш словоохотливый попутчик. – Идешь, бывало, по предгорьям, они прыгают в разные стороны, словно кузнечики в траве. Маралы в лесу встречались, медведей тоже много было. Кабаны стадами ходили. Надо запретить иностранным

туристам охоту, но наши чиновники ради денег на все готовы. Дают лицензии для отстрела архаров Марко Поло. Они же в Красной книге! Их охранять надо, а не зарабатывать на жалких остатках этих горных баранов. Завтра их совсем не будет, а ведь они должны были стать гордостью нашего государства! Козерогов тоже отстреливают без счета. В прежние времена горных козлов видимо-невидимо было!

Бакыт предложил нам посмотреть любимое место отдыха нарынчан – национальный парк «Салкын-Тёр». Ни я, ни Сергей никогда прежде в нем не бывали, а парк находился по пути в маралий заповедник, который мы собирались посетить, поэтому предложение Бакыта было с радостью принято. Тем более, как говорил Бакыт, «Салкын-Тёр» в его туристических планах должен играть не последнюю роль.

Сергей Дудашвили недавно вернулся из поездки по Грузии и Армении. Грузия – родина его отца – произвела на Сергея сильное впечатление. Особенно его поразила гостеприимность местных жителей.

– В какой дом не зайдешь, в любом месте, – говорил Сергей, – просто, чтобы спросить, где можно найти отель, хозяин дома ни за что не отпустит вас, не накормив и не угостив своим вином. И еще будет обижаться, если вы откажетесь остановиться у него на ночлег! Почти на каждом доме, попадавшемся нам на пути, красовалась вывеска «Винная дорога» на английском языке. Там вам обязательно вина нальют для дегустации. А какие вкусные грузинские национальные блюда!

Сергей родился и почти всю жизнь прожил на юге Кыргызстана – в селе Араван, неподалеку от города Оша. Лишь однажды, будучи еще ребенком, он вместе с отцом бывал в Грузии. Теперь, когда отец давно уже покинул этот бранный мир, Сергей решил, что настала пора посетить родные для фамилии места.

– Сергей Давидович, зря вы так говорите, – отозвался Бакыт на слова Дудашвили. – У нас в Кыргызстане тоже очень тепло встречают гостей и путников. Может быть, у вас в Бишкеке несколько подзабыли древний киргизский обычай приветчать путников, но у нас в Нарыне свято соблюдают все традиции. Вы сами увидите!

Дудашвили недоверчиво пожал плечами и посмотрел на меня, ища поддержку.

– Раньше на джайлоо просто так мимо юрты не пройдешь, – отозвался я. – Обязательно пиалу кумыса или айрана пред-

ложат. Теперь, на Иссык-Куле или на Сон-Куле, за все деньги хотят. В Джеты-Огуз или в Григорьевское ущелье даже заезжать не хочется: кругом юрты, мусор, на всем деньги зарабатывают. Я, конечно, понимаю: людям сейчас тяжело живется. Никто о них не заботится, работы нет. Но и так тоже нельзя. Мне рассказывали, что даже к Барскаунскому водопаду нельзя приблизиться – кто-то объявил его своей собственностью! В Орнёке, чтобы посмотреть петроглифы, нужно заплатить местному жителю, хотя он ни малейшего представления об этих рисунках не имеет и не может провести экскурсию для туристов.

– У нас в Нарыне не так! – горячо убеждал нас Бакыт. – Можно сколько угодно путешествовать, не прихватив с собой еды, везде тебя накормят и дадут кров. Да вы сами все увидите! У нас лучше, чем в Грузии!

Тем временем мы подъехали к шлагбауму, открывающему въезд в горный парк «Салкын-Тёр». Слева от дороги стояло длинное одноэтажное здание, отделанное природным камнем, с большими окнами, прячущимися за частой металлической решеткой. Вдоль каменной террасы, на которой разместилось здание, развевались цветные флаги: желтые, голубые, красные и синие. В центре красовался флаг Кыргызской республики. На фронте здания висел огромный плакат с изображением эмблемы парка: оленья голова, в круге стилизованных рогов которой виднелось нечто волнообразное – то ли воды источника, то ли вершины гор. Рядом надпись огромными буквами: «Кош келиниздер!!!», то есть «Добро пожаловать!!!». Три восклицательных знака, должно быть, символизировали особую радость персонала по поводу прибытия долгожданных гостей. Судя по архитектуре здания, оно было построено еще при Советском Союзе. Вокруг не было ни души. Потом показались три девчушки примерно полутора, трех и пяти лет. Платица девчушек были розовых и красных оттенков. У каждой было по кукле в руках. Они принялись сосредоточенно рассматривать нас.

Бакыт повел нас к другому, двухэтажному, зданию, стоящему через дорогу напротив первого.

– При Союзе это была гостиница для номенклатуры, – рассказывал он. – Здесь важные шишки жили!

Дом был огорожен забором. Войдя в ворота, мы увидели лежащего в тени раскидистых деревьев на тушукe (узком одеяле) пожилого мужчину. Бакыт окликнул его, и тот испуганно

вскочил на ноги. По обычаю местных мужчин, бреющих на лето голову, он был лысый. На нем была выбившаяся из брюк клетчатая рубаша и помятые, вытянутые на коленях брюки. Мужчина был чуль выше и Бакыта, и Сергея, которые, стоя рядом, вполне могли бы сойти за братьев: оба плотного сложения с авторитетными животиками, седые. Но грузинские черты лица Сергея и чисто киргизский тип внешности Бакыта: полные губы и узкий разрез глаз – говорили о том, что они сыны разных народов. Да и говор у них был совершенно разный. Сергей говорил медленно, подбирая слова. Грузинский акцент, возможно, был связан с влиянием на него речи отца, так как сам Сергей по-грузински не говорил. Жизнь в Араване научила его свободно общаться по-узбекски. Речь Бакыта была быстрая, прерывающаяся лишь на несколько мгновений.

– Это сторож, – представил мужчине Бакыт, что-то говоря тому по-киргизски. Спросонья сторож суетился и улыбался слегка потерянной улыбкой. – Сейчас в гостинице никого нет. Может, с вашей помощью появятся туристы. Здесь шикарные условия, – Бакыт потащил нас смотреть советскую «вип-гостиницу».

Состояние здания было ужасным: потрескавшиеся стены, аляповатые китайские плакаты, украшающие полупустые комнаты. На кроватях пестрые китайские накидки. В коридорах и на лестницах постелены ковры. Они остались здесь со старых советских времен. Чувствовалось, что ремонт помещений не производился с того же времени.

– Мы здесь все устроим по-современному, – не умолкал Бакыт. – Главное, чтобы турист был! Ведь через Нарын проходит масса людей, путешествующих по Шелковому пути. Они все на ночь останавливаются в городе. А там же ничего интересного нет. До природного парка «Салкын-Тёр» всего полчаса езды. Здесь можно прогуляться по ущелью, побродить по лесу, у речки посидеть. Это же совсем другое дело, чем в Нарыне ночевать! Пойдемте, я вам парк покажу!

Выйдя из здания, мы опять встретили сторожа. Он нес пятилитровую банку с джармой – напитком из прожаренного овса и большой каравай домашнего хлеба.

– Вот видите, – тут же отреагировал наш провожатый. – А вы говорите: Грузия, Грузия! И тут хорошо встречают.

Напиток был отменный на вкус и очень калорийный. Так что, несмотря на проделанный долгий путь, мы с Сергеем забили об обеде.

Прямо за строениями начиналось ущелье. Дорога шла вдоль реки и березовой рощи по ее берегам. То тут, то там стояли деревянные беседки, выкрашенные во все цвета радуги. Запустение коснулось и их. Одинокий островерхий коттедж на берегу реки зиял дырами в кровле. Задняя сторона эстрады летнего театра смотрела на нас пустыми оконными и дверным проемами. Сцена была обращена к полузаросшим рядам каменных скамей. Неподалеку был огромный бетонный круг, изборожденный глубокими трещинами.

– Это была танцплощадка, – пояснил бывший финансовый инспектор. – Музыка играла, люди танцевали, разноцветные фонари горели – хорошо было!

Выше по тропе на полянке неожиданно обнаружили мощные железные качели, а в речке остов настоящего катера, превращенного когда-то в крытую беседку над водой. На его борт вел железный трап, залитый бетоном.

– Подарок парку от начальника МВД, – гордо пояснил Бакыт. – В советское время нарынчане любили отдыхать здесь. Да и сейчас многие приезжают.

Бакыт взбежал по трапу на борт катерка и сделал вид, что управляет суденышком. Металлический лобовой щиток катера с двумя пустыми отверстиями на месте окон был сплошь исписан посетителями парка. Судя по дате, надписи были сделаны одновременно 20 июня 2014 года ордой влюбленных варваров. В основном это были надписи, типа: «Исаев – Адилет», « $P + A = LB$ », « $R + M$ » и т.п. с многочисленными сердечками вокруг.

Возле одной из беседок в тени деревьев устроилась большая семья. На расстеленном на земле достархане лежали кучки боорсоков и лепешек, стояли тарелки с фруктами и салатом. На цветастых тушуках и голделенах – ковриках, сшитых из разноцветных кусочков шкуры, сидели женщины и дети. Мужчины хлопотали поодаль возле самоваров и большого казана с готовящимся пловом. Сизый дым, идущий от очага и труб самоваров, стлался по земле, окутывая близлежащие заросли.

Женщина, сидевшая во главе достархана, сказала что-то Бакыту.

– Приглашают нас, – обратился он к нам. – По-киргизскому обычаю. Нельзя отказываться.

Мы присели. Нам тут же передали пиалы, до краев наполненные терпким кумысом.

– Я же говорил, что у нас народ гостеприимный, – потихоньку сказал Бакыт Сергею. – Можно дожидаться, когда поспеет плов и ответить его.

Но Сергей отказался. Нам предстояло еще посетить маралий заповедник, расположенный выше по течению реки Нарын. И проехать в направлении китайской границы в верховья реки Ат-Баши. Там предполагалась наша ночевка.

Поблагодарив хозяев за угощение, мы пошли дальше по ущелью. Березовые рощи сменились ельником. Тропа перешла на другую сторону реки по мосту, по форме напоминавшему букву «М».

– Это мост влюбленных, – прокомментировал Бакыт странное сооружение.

После некоторого раздумья, я спросил нашего провожатого:

– М – это от «мухаббат» – «любовь»?

Бакыт с готовностью согласился с моим предположением.

Он показывал нам остатки былой роскоши.

– Вот посмотрите, – позвал он нас, – этот родник бьет из крокодила.

Из-под скалы вытекал ручей. Над ним была почти бесформенная длинная бетонная масса с гребнем из каменных лепестков. Из открытой пасти бывшей рептилии била вода.

– Скорее, это динозавр какой-то, – сказал я.

Бакыт омыл руки и лицо родниковой водой, что он делал возле каждого источника, попадающегося нам по пути.

– А вот стол и стулья, – вел нас дальше провожатый.

На поляне под елками стоял сложенный из камней круглый стол, верх которого был залит бетоном и покрашен коричневой краской с голубым орнаментом по полю. Несколько трещин пересекали бетонную столешницу стола. Вокруг него была круговая скамья, сложенная из камней, скрепленных цементом. Еще десяток лет – и все это исчезнет, разрушенное природной стихией и вездесущими растениями.

– У меня такое впечатление, – поделился со мной Сергей, – что мы попали в Парк Советского периода. По аналогии с Парком юрского периода. Там были вымершие динозавры, а тут исчезнувшая культура несуществующего ныне государства.

– Да, похоже на Зону из «Пикника на обочине» Стругацких, – согласился я. – А Бакыт смахивает на сталкера.

На пути нам попался еще один живописный источник. Все кочки возле него были покрыты мягким изумрудно-зеленым мхом. По краям источника возвышались изящные, похожие на молодые побеги елочки стебли радиолы, в народе называемой «золотым корнем» за ее чудодейственные свойства. Вокруг был густой ельник. Впереди, между деревьями, виднелся горный склон, увенчанный шапкой вечных снегов. Бакыт остановился, зачерпнул пригоршню родниковой воды, умыл лицо и прополоскал рот.

– Не так давно здесь были туристы – шейхи из Эмиратов, – сказал он. – Они могли часами стоять у этих родников. Для них удивительно видеть наши реки и источники. Я им говорил, что в каждой нашей речке есть золото. А они сказали, что наша вода намного дороже золота!

– Конечно, – согласился я. – После их пустынь наши горы, наверное, казались им раем!

– Да, – ответил Бакыт. – Они строили планы: как бы нашу воду разливать по бутылкам и везти самолетом домой, в Эмираты. Говорили, что это очень прибыльное предприятие. Видимо, у них там вода очень дорого стоит.

– А мои водители рассказывали мне, – вступил в нашу беседу Сергей, – что недалеко от перевала Торугарт перевернулся китайский грузовик-фура, направлявшийся к нам в Бишкек. Он был доверху загружен бутылками с минеральной водой. И на каждой наклейка: «Джалабадская. Скважина № 27»! В Китае подделывают нашу воду и продают ее нам же!

Мы повернули назад, спеша к своей машине. До маральего заповедника был еще час пути.

К моему разочарованию, мы увидели не стадо благородных оленей, пускай и на огороженной, но достаточно большой территории, а лишь пару маралов: самца и самку, закрытых, каждый, в отдельном просторном вольере.

Олени лънули к сетке, прося подачки. Посетителей было человек двадцать – разные группы местных жителей. Скорее всего, нырынчане. Многие приехали с детьми. Я с удивлением заметил, что большинство посетителей говорили на русском языке, даже общаясь между собой.

С какой радостью взрослые люди кормили и общались с животными! Особый успех имел самец, обладавший роскошными и, судя по всему, тяжелыми рогами. Все желали сфотографироваться рядом с маралом, протягивая ему кусочки хлеба.

– Это наш символ, – гордо поведал Бакыт. – Мы же из рода бугу, что значит «марал».

– Я думал, что в Нарыне больше киргизов из рода саяк, – сказал я.

– Нет, – ответил Бакыт. – Тут больше сарыбагышей, то есть из рода рыжих лосей. Я тоже из этого рода.

– Насколько я знаю, сарыбагыши всегда враждовали с бугинцами, – заметил я. – Были страшные междоусобные войны. Предводитель сарыбагышей хан Ормон погиб от руки бугинского батыра Балбая. Сарыбагыши едва не истребили племя бугу. Об этом писал и Семенов-Тяньшанский, и другие путешественники. Спасаясь от преследования сарыбагышей, бугинцы первые из киргизских племен вошли в состав Российской империи. Сарыбагыши же оставались поданными Кокандского ханства.

– Все равно, сарыбагыши – братья бугинцев, – упрямо отозвался Бакыт. – Лоси и олени ведь братья!

Я не стал продолжать этот спор.

Нам предстояло вернуться в Нарын и ехать дальше в сторону села Ат-Баши. Километров за двадцать шесть до него влево от основной трассы уходила дорога в верховья реки Ат-Баши, куда мы и хотели попасть. По этому пути мы уже несколько раз проезжали, направляясь к перевалу Кынды на Ат-Башинском хребте. Через него шла дорога в Ак-Сайскую долину к скальному останцу Чатыр-Таш и к горному озеру Кель-Суу.

– А вы видели на горах свастику? – неожиданно спросил Бакыт, когда мы возвращались из маральего заповедника.

– Из елок? – вопросом на вопрос ответил Дудашвили. – Слышал, но не видел.

– По-моему, это где-то около Кичи-Нарына? – отреагировал я. – Я тоже слышал. Какой-то военнопленный немец насадил.

– Нет, не в Кичи-Нарыне, а здесь, неподалеку от Салкын-Тёра, – сказал Бакыт. – Только это была женщина, а не мужчина.

Вскоре Бакыт указал на дальний склон, поросший ельником. В нижней роще с трудом угадывались очертания свастики.

– Сейчас уже плохо видно. Начальство, когда распознали, что немка натворила, распорядилось досадить деревья, чтобы скрыть крест, но все равно его можно различить.

По пути мы заехали к знакомому Бакыта – пожилому акакалу, занимавшему некогда видные посты в районе. Подали кумыс и чай с ароматным вареньем.

– Мы с байке письмо в прокуратуру написали, – рассказывал Бакыт. – Пожаловались на директора маральего заповедника. Представляете, двадцать лет назад там было двадцать семь маралов и сейчас у него якобы двадцать семь! А куда приплод делся?! Олени же каждый год по теленку приносят. Однако когда комиссия приехала, в заповеднике оказалось всего двадцать маралов! Куда он дел остальные семь?! На мясо пустил?! Я Атамбаеву письмо напишу вместе с байке: пусть разберутся. Наши не могут разобраться. Дали время директору. Он задним числом оформил: дескать, один олень погиб от камнепада, другой от селя и так далее. А какой там сель?! Сколько лет здесь живу, ни одного селя не было!

Байке хмурился и согласно кивал головой.

Уже в темноте мы пересекли реку Ат-Баши по мосту и свернули с дороги направо. У входа в ближайшее ущелье стояло несколько юрт. Мы остановили машину возле одной из них. Из мрака возникли две собаки, и вскоре показался человек. Нас провели в юрту и усадили за низенький столик. Появился кумыс и каравай хлеба. При скудном освещении я не сразу разглядел спящих на полу людей. Они укутались с головой в теплые одеяла. На улице стало прохладно. Чувствовалось дыхание снежных вершин. Мы были на высоте около 2600 метров над уровнем моря. Рядом вздымался, невидимый во тьме, Ат-Башинский хребет. Подкрепившись, я отправился спать в машину, несмотря на приглашение хозяев переночевать в юрте. Там и без меня было тесно.

2. Горное озеро Кель-Тёр

Утреннее солнце позолотило дымку, укутывавшую горные вершины и ели, растущие по склонам ущелий, осветило четыре юрты и большую хозяйственную палатку лагеря, в котором мы нашли приют.

Мужчины засуетились возле самоваров, вскоре пустивших сизые дымки. Из двух юрт китайского производства с железным каркасом, где были установлены печки-буржуйки, тоже заструились извивающиеся клубы дыма. Две другие юрты местного исполнения были покрыты войлочными кошма-

ми, и на одной из них, стоявшей в центре лагеря, развевался флаг Кыргызстана.

Из этой юрты вышла старушка и, сев на маленькую скамеечку, принялась за утренний туалет, расчесывая волосы и умывая лицо, поливая себе из кумгана – восточного сосуда для воды. Мальчик лет одиннадцати, оседлав ишачка, погнал на выпас восьмерых телят. Молодой пастушок заправски щелкал самодельным хлыстом, сделанным из палки и веревки, и прищпоривал ишачка пятками сапог. Трое чабанов и Бакыт, в ожидании завтрака, устроились возле палатки и вели беседу о перспективах развития туризма в Ат-Баши. Время от времени Бакыт обращался за поддержкой к Дудашвили как к эксперту в деле туризма.

– Сергей Давидович, скажите им свое слово профессионала, – говорил он. – Что еще нужно сделать, чтобы принимать здесь иностранных туристов?

Сергей оглядывался вокруг и отвечал:

– Туалеты бы приличные поставить, да не один. И умывальников несколько...

– Вот и я им говорю, что в такой туалет, как у них, ни один турист не отважится зайти, – подхватил наш проводник.

Я пошел прогуляться и осмотреть окрестности. Лагерь стоял неподалеку от края глубокого каньона, в котором пряталась река. Ат-Баши текла по долине, извиваясь словно гигантская змея. Северные склоны каньона густо поросли ельником, придавая ему живописный вид.

Сергей попросил Бакыта расспросить чабанов об озере – цели нашего путешествия. Оказалось, что они знают о нем, но давно там не были, и есть ли мост через Ат-Баши – неизвестно, ведь озеро находится на противоположном от дороги на Кынды берегу, а старый мост снесло много лет назад паводком.

– Главное, что озеро существует, – говорил Бакыт. – Хотя я о нем ничего не слышал. Я тут многие места хорошо знаю, в свое время охотился здесь. Давайте проедем вверх по дороге. Там в местечке Беш-Пельшир живет один мой друг. Раньше, при Союзе, он работал в магазине на колесах – в автолавке. Он все вокруг знает. Кстати, не ищите перевода названия местечка. Нет такого слова в киргизском языке – «пельшир». Просто там в советское время был медицинский учебный центр. Беш-Пельшир означает Пять Фельдшеров. Киргизу трудно правильно произнести слово «фельдшер»!

Дом знакомого Бакыта одиноко стоял на пригорке. Хозяина на месте не оказалось, а его сын обрадовал нас, сказав, что мост через Ат-Баши существует, но нужно проехать до него еще немного вверх.

Пока мы поднимались по дороге, в салоне машины разгорелась жаркая дискуссия, как вывести нашу страну из финансового кризиса. Бакыт утверждал, что все революции начинаются у них в Нарыне и что местный народ не допустит, чтобы «этот бардак продолжался далее». Он предлагал упразднить многие партии и ввести в парламент депутатов, выбранных народом по мажоритарной системе.

– Вы посмотрите, кто у нас депутаты! – горячился Бакыт. – Бизнесмены и партийцы. Одни должности купили, другие подчиняются не народу, а партии! Народ опять в стороне остался!

Сергей рассказывал о Кубе, о том, что там депутаты получают мизерные зарплаты и никто не стремится во власть.

– Может, киргизам стоит обратиться за помощью к другим народам, – усмехнулся Дудашвили. – Вот, например, русские князья не могли друг с другом договориться, так они на царство позвали варягов, рюриковичей. Говорят, они родом были датчане или шведы.

– Зачем нам варяги? – заволновался Бакыт. – Мы сами разберемся, дайте только время. Народ сам может править!

Машина тем временем поднималась все выше и выше. Вокруг раскинулись удивительной красоты альпийские луга. Такого количества цветов я давно не видел, хотя сотни раз поднимался в альпийскую зону Тянь-Шаня.

– Почему сразу альпийские?! – возмутился Бакыт, когда я обратил внимание спутников на окружающий нас ландшафт. – Почему не киргизские или не тянь-шаньские?

– Это такое географическое понятие, – принялся объяснять Дудашвили. – Оно не связано с Альпами.

Изумрудная зелень травы была покрыта сплошным ковром цветов: голубые россыпи незабудок; мохнатые столбики зопника, опушенные по верху венчиком из лилово-розовых цветов; голубовато-фиолетовые пятилепестковые звездочки луговой герани и яркие желтые соцветия тянь-шаньской купальницы, в народе прозванной «жарками». Местами незабудок было такое множество, что, казалось, луг спорит с голубизной небес.

– Я думаю, вот так должен выглядеть луг в раю, – философски заметил Дудашвили.

Свежий ветерок был напоен ароматами цветущих трав, и с трудом верилось, что в это время в Бишкеке люди изнывают от палящей жары.

– Не помню я эту дорогу, – задумчиво проговорил Бакыт. – Либо мы поднялись выше, чем надо, либо тут все сильно изменилось.

Решено было ехать дальше. Леса уже остались позади, мы поднялись выше 3000 метров над уровнем моря. Окружающие нас луга уже не могли похвастаться большим разнообразием цветов. Между камней на небольшом плато стояла одинокая юрта чабана. Неподалеку пасся табун лошадей. Сам чабан тащил к юрте привязанную к коню большую ветку арчи. Заметив нас, он бросил ветку и направил жеребца к нам.

Подъехавший мужчина был лет тридцати пяти, одетый в теплую куртку, цвета хаки, холщевую кепку с длинным козырьком, черные штаны были заправлены в такого же цвета высокие резиновые сапоги. На груди на толстом брезентовом ремне висел бинокль в кожаном футляре.

– Он говорит, что дорога на озеро находится значительно ниже, – сообщил нам Бакыт, побеседовав с чабаном. – Видимо, пока мы спорили об обустройстве Кыргызстана, прозевали поворот к мосту. Сергей Давидович, хозяин приглашает в юрту.

Дудашвили было запротестовал, ссылаясь на то, что нам придется еще подниматься пешком к озеру, но Бакыт укоризненно сказал:

– Нельзя нарушать традиции. У него не часто бывают гости. Мало кто ездит по этой дороге.

Чабан привязал коня к шесту, стоящему возле жилища. Юрта оказалась китайского производства. Изнутри стены и купол были отделаны ярко-красной тканью с крупными цветами. У входа справа стояла печка-буржуйка. Рядом с ней – большая деревянная бочка с торчащей из крышки длинной круглой палкой. Видимо, в бочке кумыс, догадался я, а палка служит для его взбивания. На полу юрты лежала пара старых ширдаков и небольшой ковер, на котором стоял низкий столик. Вокруг него были положены тушуки и потертый голделен.

Молодая, не лишённая привлекательности хозяйка подала на стол каравай хлеба, чашки с сахаром, топленным маслом и предложила по большой кисе, до краев наполненной кумысом. На голове молодой женщины был повязан белый платок, признак замужества, одета она была в спортивный костюм,

поверх него зеленый с желтыми блестками жилет, на ногах сапожки из непромокаемого материала. Лицо круглое, с румяными щеками. Меня удивило, что даже здесь, высоко в горах, у женщины на руках был свежий розовый маникюр, а на одном из пальчиков красовалось серебряное колечко в форме цветка с голубым камешком в центре. Женщина всегда остается женщиной!

Вскоре к столу присел и сам хозяин. В юрту вошли два мальчика лет двенадцати-тринадцати. Вероятно, погодки, братья чабана. С ними была девчушка около полутора лет отроду в голубом чепце и цветастой курточке. Она тут же прижалась к отцу, пристально рассматривая неожиданных гостей. Девочка была похожа на мать, только щечки ее были круглее, а губки полнее. Она ухватила печенье и принялась его грызть, не выпуская нас из виду.

Кумыс был вкусным и слегка сладковатым.

– В него добавляли сахар? – спросил я хозяйку.

Та отрицательно покачала головой.

– Какой-такой сахар! – подал голос Бакыт. – Посмотри-те, какая тут трава. На таком корме кобылы не молоко дают, а настоящий бальзам! Кумыса, подобного здешнему, во всем Кыргызстане не сыскать! Тут надо организовать кумысолечение. Если десять дней пить кумыс, все болезни пройдут! Все шлаки выйдут из человека! А природа вокруг какая?! Это же тоже своего рода лечение: наслаждаться покоем, красотой окружающих мест, пить воду из источника. Можно проводить треки в соседние ущелья, конные маршруты возможны. Да тут рай для туризма!

– Да, кумыс тут отменный, – согласился с Бакытом Сергей. – Я за время этого путешествия уже столько его выпил, сколько, наверное, и за год не выпивал, но этот лучший!

В беседе с хозяевами мы узнали, что жена чабана, Бурул, родом из Чолпон-Аты, курортного города Иссык-Куля.

– Как вам здесь нравится, Бурул? – спросил я молодую женщину. – Ведь тут природа разительно отличается от иссык-кульской. В Чолпон-Ате во время сезона толпы людей, теплое озеро, можно вдосталь купаться. А здесь и летом прохладно. Вон в низинах до сих пор снег лежит. Это-то в начале июля!

– Зато здесь так красиво! – ответила мне Бурул. – Мне тут нравится. А что людям нет, тоже хорошо. Спокойно.

Я сидел и думаю, до чего же хорошо встречать такое радужное гостеприимство. Если туристы действительно придут в

эти места, то и люди, вероятно, изменятся. Деньги имеют разрушительную силу. Они захватывают души людей, заставляя их работать на себя, рождают в человеке неутолимую жажду наживы, разрушая все моральные нормы и вековые традиции. Там, где проходят туристические тропы, к сожалению, не найти такого тепла со стороны местных жителей. Я ловил себя на мысли, что не хочу, чтобы здесь развивался туризм, в том виде, какой существует сейчас. Я вспоминал Григорьевское ущелье, пляжи Иссык-Куля, Солёное озеро на южном берегу, Джеты-Огуз, каньоны Сказки, великолепные и красивые места, виденные мною до начала туристического бума, а теперь вызывающие у меня лишь отвращение. Возможно, проблема в общем состоянии экономики. Но как хотелось бы сохранить эти очаги нетронутой цивилизацией природы и теплоту человеческих отношений!

Переправа оказалась не так далеко от местечка Беш-Пельшир. Еще шестнадцать километров вверх по противоположному берегу Ат-Баши, и дорога, войдя в одно из боковых ущелий, закончилась на небольшом плато, сплошь в зарослях высокого горного лука с большими лилово-фиолетовыми головками цветов. На плато мы поставили складной столик и усадились пить чай, готовясь к подъёму на горное озеро.

Километров в двух выше по ущелью виднелась естественная плотина, некогда послужившая причиной возникновения озера. Вдоль речки, выбивающейся из-под завала, лежали белые снежные мосты. Над зеленью горных склонов вздымались коричневые массивы известняковых скал.

– Трудно представить, – проговорил Сергей, сидя на складном стульчике и попивая горячий чай, – что мы только вчера утром выехали из Бишкека! Сейчас десять часов утра, а кажется, что мы путешествуем уже неделю! Дома порой день промчит как одно мгновение, и трудно вспомнить, что же ты сделал сегодня. А то и неделя проходит без следа. А тут день как неделя!

Мимо нас пролетел сокол сапсан. Бакыт проводил его глазами и сказал:

– Это арабский сокол. За него арабские шейхи огромные деньги предлагают.

Едва мы тронулись в путь, как тучи, с утра закрывавшие солнцем, рассеялись и стало тепло. Минут сорок подъёма – и перед нами открылся вид на бирюзового цвета озеро, запол-

нившее собой дно ущелья. Скальные гребни круто уходили в воду, а конец озера скрывался за поворотом. Как потом я посмотрел на картах Гугла, ширина озера была около 260 метров, а длина 1860 метров.

– Озеро напоминает мне Кель-Суу, – поделился со мной своими впечатлениями Дудашвили. – Такая же бирюзово-маговая вода и скалы вокруг. Красиво!

Верх плотины представлял собой плоское плато, усеянное скальными выходами. Часть камней торчали прямо из воды. Одна из скал вертикально возвышалась над озером с левой стороны плато. Под ней был неглубокий заливчик, прогреваемый солнцем. Хотя, я думаю, вода везде была ледяная.

Бакыт, уединившись за поворотом, разделся, принял омошение и устроился на бугорке читать молитву.

Вслед за нами на озере появились люди. Видимо, озеро, называемое в народе Кель-Тёр, было популярным местом отдыха у жителей этих мест.

Пришедшие мальчишки истошно заголосили, наслаждаясь многократным эхом, отразившимся от окружающих скал и заметавшимся по ущелью. Самые смелые из них дерзнули погрузиться в холодные воды озера.

Возвращаясь к машине, я удивлялся цветущим кустам лапчатки, цепляющимся за каждую трещину в скалах, любовался нежными желтыми цветами альпийского мака и белыми соцветиями ревеня – кислицы.

На обратном пути мы заехали в село Ат-Баши, чтобы отремонтировать проколотую шину. По дороге смогли издали рассмотреть водопад Баш-Кайынды. Правда, с того места, где мы стояли, до него по прямой было не менее восемнадцати километров, часть его пряталась за скалистыми склонами ущелья, но даже на этом расстоянии водопад производил впечатление. Видно было, что с уступа низвергается огромная масса воды. Оказалось, что водопад был не вертикальный, а наклонный и высота его была не восемьсот, а около четырехсот метров, но все равно он оставался самым высоким из известных водопадов Тянь-Шаня.

Вечером мы заехали в каньон недалеко от села Ат-Баши. Красно-желтые горы обрамляли ярко-зеленую полосу леса, растущего в пойме реки. Цвета были насыщенные в лучах заходящего солнца. Синее небо с объемными облаками, красные скалы с причудливыми образованиями в форме сказочных фигур людей и животных, светлые стволы деревьев,

зелень их крон и травы создавали неповторимую, контрастную картину, на заднем плане которой несколькими террасами простирались зеленоватые плато, а вдалеке, завершая этот пейзаж, темной неровной стеной шел Ат-башинский хребет, снежные вершины которого еще светились в бело-розовом свете заката.

Дальше дорога оказалась непроходимой. Селевые потоки и ручьи размыли ее, образовав глубокие трещины и овраги. Погуляв по окрестностям, мы решили возвратиться в Нарын и переночевать в доме Бакыта.

3. Неизвестные петроглифы

Еще в первый день Бакыт показал нам фотографии необычных петроглифов. На одном снимке было изображение оленя с большими рогами и бородой, выбитого по контуру глубокой линией. На другом снимке был запечатлен горный козел, выполненный в той же технике. На третьем было что-то непонятное. Лишь приглядевшись, мы смогли рассмотреть силуэт лошади.

– Это все? – поинтересовался я. – Должны быть еще изображения уток.

Дело в том, что снимки этих петроглифов когда-то показывал мне молодой археолог Дима Лужанский, мой друг. Фотографии ему принесли туристы, путешествовавшие в районе Сон-Куля. Найти месторасположение этих петроглифов и сфотографировать их было давней моей мечтой, но все никак не удавалось осуществить ее. Правда, среди снимков, принесенных мне Димой, не было изображения лошади. Видимо, туристы не обратили на него внимания, так как оно было почти стерто временем. Сами петроглифы вызывали у меня двойственное чувство. Сначала я подумал, что это новодел, чья-то шутка. Слишком уж они отличались по технике от привычных тьянь-шаньских рисунков на скалах. Но потом, поразмыслив, я усомнился в правильности своих выводов, весьма поспешных. Зачем кому-то тратить столько времени на создание искусно выполненных рисунков и бросать их в никому неведомом месте? Не один день нужно трудиться, выбивая такие удивительные петроглифы. Я решил найти их и тщательно исследовать. Теперь случай сам вел меня к загадочным объектам.

Было решено с утра по пути на Сон-Куль поискать эти петроглифы.

Дома у Бакыта была целая коллекция камней.

– Посмотрите на этот камень, – говорил нам Бакыт, знакомя со своей галереей. – Видите, в нем масса черных вкрапленный разнообразной формы. Здесь можно найти любые изображения, какие родит ваша фантазия. Вот, например, Буратино, а вот инопланетянин сидит в своем корабле. Там уточки, здесь улар. Вообще я собираю не минералы, а изображения. Куда бы я ни приехал, везде ищу камни с рисунком. И всегда нахожу. Из нашей с вами поездки я тоже привез пополнение. Обратите внимание на это изображение японской женщины в длинном кимоно. Она склонилась в поклоне, на голове высокая прическа. А если посмотреть на изображение с другого ракурса, то это будет лицо женщины с черными, длинными волосами. А вот это собачка, – говорил он, показывая нам уже другой камень.

Я прошелся по комнате. Большой, почти круглый, валун привлек мое внимание. По его серо-зеленому фону шли какие-то черные вкрапления, напоминающие знаки неведомой письменности или неясные рисунки зверей и людей.

– Очевидно, это кристаллы марганца, – предположил Дудашвили, видя, что я внимательно изучаю валун.

В углу стоял удлинённый камень, сплошь состоящий из зеленых и беловатых узлов и шишек. Казалось, что из тела камня выглядывают чьи-то туманные, трудно различимые лица.

– Наверное, это нефрит – любимый камень китайцев, – сказал я входящему в комнату Бакыту.

Тот, словно Гамлет, держал в руках камень, по форме напоминавший человеческий череп.

– Мне кажется, – задумчиво произнес хозяин дома, – в этих камнях есть какая-то загадка. Если нам удастся расшифровать их тайное послание, то нам откроются новые горизонты познания. Удивительно, но мне везде попадаются подобные рисунки на камнях. Друзья смеются надо мной. Они сколько ни искали, не смогли найти ничего похожего.

Я переходил от одного камня к другому, поражаясь фантазии их хозяина. Сколько интересного, наверное, увидел бы Бакыт в бесформенных пятнах Роршаха!

Утром мы выехали рано и неподалеку от подъема на озеро Сон-Куль свернули в боковое ущелье. Узкая скальная теснина, поросшая елями, вскоре вывела нас в широкую межгорную долину, по которой шли цепочки скифских курганов. Один

из них был пробит большой траншеей. Видимо, в советское время здесь велись археологические исследования. Если это так, то петроглифы должны были быть изучены учеными.

Мы вышли из машины и направилась к курганам. Вокруг них шли широкие двойные ряды камней. Чуть поодаль от курганов тянулись цепочки кругов из крупных валунов – кромлехи.

– Люди говорят, это следы войска Манаса, – дал свое объяснение Бакыт. – На Сон-Куле подобные есть. Народ называет их Таш-Тулга – Каменные Очаги.

– Это, скорее всего, захоронения, – сказал я, хотя вряд ли разуверил нашего друга.

К нам подошли два чабана, кошара которых находилась тут же в долине. Один из них – мальчик лет пятнадцати, второй – парень около тридцати лет. Узнав, что мы ищем, они тут же провели нас к дальнему кургану. Возле него в небольшом углублении лежали четыре плоские плиты из известняка с рисунками. Местами они были испорчены современными надписями, а плита с изображением козла была расколота. На оставшихся частях камня угадывалось изображение самки горного козла, остальные фрагменты плиты были утеряны. Возможно, подумал я, камни лежали в разных местах и потом их стащили сюда. Фрагменты могли остаться на прежнем месте. Но наши местные провожатые ничего об этом не знали.

Камень с уточками был на месте. Пара взрослых уток была окружена выводком из девяти птенцов. Селезень приветственно взмахивал крыльями. Осмотрев рисунки оленя и уток, я пришел к выводу, что они достаточно старые. Некоторые детали рисунка успели стереться, другие покрывал лишайник. Изображение лошади угадывалось с большим трудом и, как я ни старался, удачного снимка так и не получил.

Посетив Сон-Куль, расположенный на высоте чуть выше трех тысяч метров над уровнем моря, и отведав местного кумыса, по вкусу разительно отличавшегося от ат-башинского, не в лучшую сторону, мы отправились в обратный путь, оставив Бакыта в селе Кочкорка.

– Ты знаешь, Виктор, – задумчиво проговорил Сергей, глядя в окно машины на проносющийся мимо пейзаж, – путешествовать по Кыргызстану намного интереснее, чем по дальним странам. И вот почему: там нет такого разнообразия ландшафтов, как у нас. Взять, например, Австралию. Можно проехать не одну тысячу километров и везде один и тот же вид. Ужасно скучно. Или же Африка, Южная Америка, даже дебри

Амазонки. Это или саванна, или пустыня, или джунгли. Нужно преодолеть гигантские расстояния от одного красивого места до другого. И кругом будет однообразный пейзаж. У нас же за один день можно насмотреться таких красот! От горных озер и водопадов до безжизненных бедлендов и альпийской зоны. Можно попасть на ледники и полюбоваться величественными вершинами и в этот же день искупаться в Иссык-Куле. Мне кажется, такое возможно лишь у нас, в Кыргызстане.

Я с ним был полностью согласен.



Валерий САНДЛЕР

...И ВСЕ БЫЛОЕ

Ты жив, пока у тебя есть хорошая история и кто-то, кому ты можешь ее рассказать.

Алессандро Барикко,
«1900-й. Легенда о пианисте».

Вместо предисловия.

Все хорошее (к счастью, все плохое тоже) когда-нибудь кончается. Вот и моя публичная жизнь закончилась. Больше не будет в американских газетах и журналах статей за моей подписью, и NTV America не возьмет у меня интервью по случаю выхода в свет новой книги в серии «Русское зарубежье», потому что я ее не напишу. Всему (и всем!) свое время.

Говорят, пенсионерам прилично писать мемуары, но это годится для тех, чья биография может представить интерес для окружающих, – и, значит, не для меня. С другой стороны, как ни крути, а почти полвека из 77 мной прожитых лет пришлись на журналистику: радио, телевидение, газеты, журнал; Киргизия, теперь вот – Штаты. Есть что и кого вспомнить. Сюжетов – пусть не на целый роман, но как минимум на пару киносценариев, по которым режиссеры плачут. Увы, романист и сценарист из меня не выйдет, я не художник слова, сочинять не научен. Лучше возьму пример с киргизского акына: что сам видел и в чем участвовал лично, – про то и спою.

Песнь первая. ПРО КАХАРА, ОЛМАСХОН И ЕКАТЕРИНУ

В городок Узген на юге Киргизии я приехал, чтобы собрать материал для радиоочерка о местном жителе Кахаре Шарипове, который в середине 1930-х подростком помогал

чекистам выслеживать и ловить басмачей. В конце концов, басмачи его самого выследили, изловили, жестоко пытали, а один из них, настоящий палач, ржавым гвоздем проткнул ему ухо. Спас парнишку вовремя подоспевший добровольческий отряд. Слух, хоть и не полностью, к нему со временем вернулся. В 1939-м 19-летний Кахар был признан годным к службе в армии, острижен наголо и услан на запад страны, в Белосток, недалеко от польской границы. В июне 1941-го полк, в котором он служил, принял на себя первые удары немецкой авиации. В ходе наземных боев полк пал практически полностью, оставшиеся в живых, и мой будущий знакомец в их числе, попали к немцам в плен и были помещены в лагерь на оккупированной территории Польши. В феврале 1944-го Шарипов из лагеря сумел бежать. Вступил в недавно сформированную поляками Армию Людову, в ее рядах довоевал до победы, но прежде чем вернуться на родину, в Узген, два года служил помощником коменданта польского городка, освобожденного от немцев. Обо всем этом я вычитал в газетной заметке. А еще о том, что Шарипов недавно летал в Москву, там в посольстве Польши ему вручили одну из высших воинских наград этой страны – орден *Virtuti Militari*...

...Узген, даром что находится в составе Киргизии, был тогда в основном населен узбеками. А типичное узбекское подворье, замечу для непосвященных, являет собой малый филиал рая на земле, отделенный от внешнего мира глиняной оградой, дувалом. Калитка, скрипнув, откроет вам доступ на просторный двор, на нем, если дело будет осенью, взору откроется буйная роскошь гранатовых и персиковых деревьев, плоды которых, созревшие, словно невесты, клонят ветки к земле, и тяжелые кисти винограда выглядывают из пыльной, прогретой южным солнцем зелени, завлекая и маня случайно забредшего сюда путника.

Шарипов, по всему было видно, подворье свое любил. Добротный, просторный дом, с террасой, с широкими, на городской манер, окнами, летом обеспечивал уют и прохладу, зимой давал надежное тепло. В дальнем углу двора, за невысоким дувалом, виднелся домик поменьше, победнее, из тех, что в Средней Азии зовут кибитками. Пока я осматривался, сошла с террасы и направлялась в мою сторону русоволосая белолицая женщина лет сорока с небольшим. «Русская, - отметил я мысленно, - приходила проведать соседей-узбеков...»

Ан нет, ошибся: то была сама хозяйка, жена Шарипова,

по имени Екатерина, «а лучше просто Катя». Сказала, что муж отлучился по делам, вернется к вечеру, привела в дом, налила пиалу зеленого чая, «с дороги, да в такую в жару здорово помогает». С пиалой в руке я времени не терял, расспрашивал. Узнал, что родом Екатерина из Сибири, до войны окончила курсы радиолюбителей, а началась война – попросилась в армию, радисткой. После победы ее батальон связи оставался на территории польского городка, в комендатуре которого служил Кахар. Так они и встретились...

...Двое смуглых детей-подростков, мальчик и девочка, вбежали в дом, прервав рассказ Екатерины.

– Мам, – от двери выпалил мальчик, – давай скорее плов, лепешку, чай, мы ей отнесем, а то нам еще уроки делать.

– Сами разве взять не можете? – укорила их мать. – Видите же, у нас гость.

Брат и сестра умчались, а через полчаса снова возникли на пороге. Мальчик, искоса, скрывая любопытство, поглядывая на меня, держал в руках тарелку, на которой горкой лежали персики:

– Вот! Она передала для гостя. Просила сказать: хуш келибсиз.

Екатерина обернулась в мою сторону:

– Это вас приветствуют по-узбекски: добро пожаловать.

– Кто меня приветствует? – не понял я.

– Олмасхон, первая жена Кахара. Видели домик в углу двора? Она там живет. Давайте я вам про нее расскажу...

...Кахару исполнилось девятнадцать лет, и отец решил, что пора единственного сына женить. Сказал: «Мы с твоей матерью уже немолодые, хотим увидеть внуков раньше, чем нас заберет к себе аллах». Невесту, сироту из местных, Кахар впервые увидел перед свадьбой. По исламским законам, будущие супруги до свадьбы видеться не должны, все условия предстоящего союза обговаривают их родители, начиная с такой важной детали, как калым – плата, вносимая женихом за невесту. Женатым Кахар успел побыть всего неделю: пришла повестка из военкомата, и воинский эшелон вместе с другими новобранцами увез его в Белосток. Через два года – война. Внуков старики так и не увидели, умерли от старости и болезней. Невестка, похоронив обоих свёкров, оставалась в доме, дожидалась мужа с фронта.

– Кахар мне сразу про жену рассказал, – продолжала Ека-

терина. – Говорил, что любит только меня, звал уехать с ним в Узген. Я долго не соглашалась. Страшно было встретиться с женщиной, у которой отнимаю мужа. Потом сдалась. Помню, как мы вошли в дом, как Кахар просил у жены прощения, говорил, что не любит ее, жить с ней не сможет. Олмасхон плакала и твердила, что идти ей некуда, никого у нее нет на всем белом свете, замуж ее никто не возьмет, весь Узген будет над ней смеяться. И тогда Кахар решил: она останется жить в старом родительском доме, а он за лето построит новый. И построил, вот этот самый, в котором мы с вами сейчас сидим. Двадцать лет живем с ней рядом, под разными крышами, за все годы ни разу не ругались, ни единым словом друг дружку не попрекнули. Язык узбекский я быстро выучила. Детей у нас с мужем трое. Младших двоих вы видели. Старшая дочь окончила во Фрунзе медучилище, сейчас работает медсестрой в нашей больнице. Всех троих я грудью выкормила, остальные заботы мы с Олмасхон делили поровну. Дети ее любят. Заболеет – они придут, покормят, лекарство подадут.

– Как вы такой семьей от соседских сплетен спасаетесь? – не нашел я спросить ничего умнее.

– Да какие сплетни, – отмахнулась Екатерина. – Было, шушукались у нас за спиной, потом бросили: надоело. Ну и, скажу по секрету, Кахар не из тех мужиков, которые позволяют над собой насмешки строить.

В сумерках, поджидая, пока явится хозяин, я вышел на крыльцо под предлогом покурить, а на самом деле – осмыслить только что услышанное. Прошел в дальний угол двора, заглянул в приоткрытую калитку, где за стеной глинобитной кибитки, словно за наглухо опущенной паранджой, протекала такая загадочная для меня жизнь...

Шарипов домой вернулся поздно, разговор о его военном прошлом пришлось отложить на утро, но я понимал: каким бы героическим ни оказалось это прошлое, оно отступает перед простым человеческим поступком, на который отважились эти трое.

P.s. Задание редакции я выполнил, радиоочерк о герое войны Кахаре Шарипове прошел в эфире. Про историю его любви там не было ни слова.

P.p. s. Расскажу, пока помню, про случай в чайхане, куда однажды привел меня Шарипов (а гостил я в его доме целых три дня). Но вначале, для тех, кто не в курсе, – о том, что такое узбекская чайхана (узбек скажет – чойхона). Это место, в

котором практически все мужское население малых узбекских, таджикских, туркменских городов и сел проводит в неспешных беседах с пиалой чая все свободное время, женщину там встретить – большая редкость, прекрасному слабому полу поощать это заведение не то чтобы запрещено, но... не рекомендуется. Если у вас мало денег на еду, или их нет совсем, – идите в чайхану, вас там покормят буквально за гроши, а то и вообще бесплатно. По крайней мере, так было во времена, в которых я жил и о которых пишу. Как оно сейчас – сказать не возьмусь.

Короче, пришли мы с Шариповым в чайхану. Мне с первых же минут стало ясно, что он здесь свой человек: с ним приветливо здоровались стар и млад, для каждого он находил пару слов. К старику, одному из компании таких же седобородых сверстников, восседающих на деревянном помосте – айване, подошел, о чем-то спросил. Вернувшись ко мне, сказал: «Это тот самый палач, который мне ухо гвоздем пробил, шрам на всю жизнь остался, вот, смотри...». Задыхаясь от негодования, я прошептал: «Как можно было с ним здороваться, разговаривать?! Он же вас покалечил, даже мог убить! Вам бы следовало желать ему смерти...». Шарипов ответил спокойно: «Ты молодой, простых вещей не понимаешь. Старик десять лет в лагере отсидел за то, что был басмачом, власть его уже наказала, хватит. Но я знаю: сколько раз в день он меня видит, столько раз от страха умирает. Поэтому пускай живет...».

Песнь вторая. ПРО АЙШАТ И ПЯТЕРЫХ ЕЕ ДЕТЕЙ

И память напрягать не придется, все как вчера: весна 1970 года, Таласский район Киргизии, село Грозное, колхоз «Россия». Почему и за что «Россия» – толком ответить на этот вопрос вряд ли смогли бы даже те, кто в свое время давал колхозу имя: русских в Грозном – по пальцам перечесать, в основном там селились киргизы, украинцы, а также депортированные Сталиным из Крыма, Поволжья и Северного Кавказа греки, немцы, карачаевцы, балкарцы...

Уже собравшись покинуть кабинет председателя колхоза Токтогула Бабанова, только что в красках расписавшего мне дела своего хозяйства, я задержался, выслушивая урек: мол,

обо всем мы, журналисты, пишем, а история Айшат Узденовой как-то мимо нас прошла. Желая отстоять честь профессии, я вставил в свой «Репортер-5» чистую кассету...

...Никто не видел ничего особенного в том, что девушка из карачаевской семьи собралась замуж за парня-киргиза: межнациональные браки в Грозном – дело привычное. Но вот моральный облик жениха, как говорится, оставлял желать: пьяница, гуляка, ни одну юбку мимо себя не пропустит. А ведь подруги предупреждали Айшат: наплачешься ты с этим Джапаром. Она на их речи – ноль внимания. Любила потому что. В природой положенный срок родила дочь, еще через два года – сына. Муж привычно бездельничал, бражничал с друзьями, домой сутками не являлся. Айшат пахала за двоих, губила свое здоровье на табачной плантации. Труд каторжный, для женщины – особо опасный, а ей нипочем. И хозяйкой оказалась хорошей, дом содержала в порядке.

Когда в местной школе появилась новая учительница истории, киргизка, с дипломом университета, Джапар решил за ней приударить. Отпора не встретил, напротив, молодая женщина в нем этот порыв поощряла. Свои пожитки в дом к новой жене Джапар перевез на велосипеде в два приема: перевозить-то было почти нечего: не нажил. В роли любящего мужа продержался недолго, снова пошел по бабам. И если брошенная жена загулы ему прощала, то с новой такое не проходило, учительница себе цену знала. Пошли скандалы. Но и дети тоже пошли, трое, две девочки и мальчик, поэтому женщина, пока могла, терпела. В очередной раз муж явился после долгой отлучки, среди ночи, пьяный, рухнул, в чем был, на неразобранную постель и захрапел, потому и не мог он видеть, как жена подошла к его изголовью, держа в руках топор...

– Под утро прибежала ко мне домой, разбудила, – рассказывал Бабанов. – Вызывайте, кричит, милицию, я только что мужа убила топором по башке. Звоню участковому. Он приехал на мотоцикле, усадил ее в коляску, увез в райцентр. Мы с секретарем сельсовета пошли к дому, где лежал убитый: там же трое малых детей, их оттуда надо срочно увести, оформить в приют! Приходим – а детей там нет: Айшат нас опередила, забрала всех троих к себе. У меня, говорит, уже есть двое от Джапара, еще трое не помешают, я всех прокормлю. Пока, говорит, мать родная отбывает срок, дети будут расти в доме, в тепле.

– Ну хорошо, – дождался я случая вставить слово, – мать отсидела, вышла – а что потом? И, кстати, сколько ей дали?

– Пять лет. Судья прислушался к свидетелям и пришел к выводу, что Джапар довел жену до крайности, убила она в состоянии аффекта. Самое суровое наказание ждало ее, когда она вернулась из тюрьмы. Хотела забрать детей и с ними уехать из Грозного, но они, все трое, сказали, что никуда не поедут, останутся жить с Айшат. Мать, между прочим, не очень настаивала. Пожитки, какие оставались в заключенном доме, собрала, уехала – никто ее больше не видел. Вы, если хотите, можете повидать Айшат Узденову. Садитесь в мою машину, поедем к ней прямо сейчас.

...Станным показался женщине мой вопрос: почему взяла на воспитание чужих детей? Ну, во-первых, не чужих, а бывшего мужа. Во-вторых, что хорошего, если бы они, лишившись обоих родителей, остались без домашней заботы и ласки? Она-то знает, как это страшно, сама выросла без отца-матери. Так что дети Джапара – её, и ничьи больше.

– Но ведь стало их у вас пятеро, – я пытался рассуждать здраво, – легко ли женщине такой груз нести?

– Да ничего тяжелого! – взялась она меня переубеждать. – С ними я всю домашнюю работу забыла. После табака прихожу усталая, измученная, они говорят: отдохни. Нальют в тазик теплой воды, ноги мне вымоют, еще и поспорят между собой – чья сегодня очередь. На стол соберут, ужином покормят. Ничего не дают мне делать по дому...

– А как вас джапаровы дети называют?

– Мамой называют. Ну а как иначе? Они с моими старшими – братья и сестры по отцу.

...Годы спустя, в одну из встреч с народным писателем республики Чингизом Айтматовым, я рассказал ему историю Айшат Узденовой. «Дарю сюжет для повести», – сделал я широкий жест в адрес автора «Джамили» и «Белого парохода», к тому же прямого земляка моей героини: село Шекер, в котором родился Айтматов, отделяют от Грозного считанные километры, даже колхоз у этих населенных пунктов был один и тот же – «Россия».

Моим щедрым даром мэтр не воспользовался. Не считал достойным большой литературы.

Песнь третья. ПРО СЕРЕЖУ И МАМЕДА

Мы с Заремой заканчивали сборы перед отъездом в эмиграцию, когда мне позвонила Сережина племянница Наташа: «Тебя дядя Женя хочет видеть. Запиши адрес...»

Евгений Федорович Панасенко сидел в кресле, пристроив рядом пару костылей: у него была ампутирована левая нога. «Сними-ка с серванта вон ту вещицу, – показал рукой. – Читай, что там написано». В руках я держал медный кувшин – высокий, изящный, как восточная танцовщица, покрытый узорной вязью, с остроконечной крышечкой; на подставке, по кругу, надпись, нанесенная гравером: «Другу Сереже на добрую память. Мамед. 27 мая 1975 г.». Про то, что 27 мая – Сережин день рождения, я и тогда не забывал (хоть его к тому времени не было с нами уже семнадцать лет), и сейчас помню, как свой собственный.

– Слышал, уезжаешь в Америку, – говорил Евгений Федорович. – Ты дружил с моим братом, знал его друга, забирай этот кувшин на память о них обоих.

...Сережа Панасенко был душой нашей маленькой компании, спаянной дружбой и споенной красным сухим вином «Гъмза» производства тогда еще братской Болгарии. Можно сказать, с друзьями ему повезло, не то что с сердцем: врачи обнаружили у него ревмокардит, из-за чего ему пришлось на последнем курсе оставить Саратовское суворовское училище. Болезнь не помешала ему по возвращении во Фрунзе поступить в местный университет на вечернее отделение факультета иностранных языков и успешно его окончить. Завязтый китаичей, Сережа мечтал читать романы Ремарка и Хемингуэя в оригинале, и мечту свою осуществил, хотя рассказ мой не об этом. Жил он вдвоем с матерью, Прасковьей Дмитриевной, в саманном домике: печное отопление, «удобства» во дворе, водоразборная колонка – в двух кварталах пешком. Двое старших братьев и сестра имели свои семьи, один Сережа ходил холостой, хотя по нему не одна девчонка сохла, и он любовь крутил то с одной, то с другой, а чтоб жениться – так у него одна отговорка: успею, было бы здоровье. Которого ему как раз и не хватало.

Сережино больное сердце часто приводило его в больницу. Но никто из нас никогда не видел его сетующим на жизнь. К нему – разбитному, веселому, остроумному, – тянулись люди

настолько разные, что, не будь Сережи, им бы никогда не сойтись вместе, а даже сойдясь – не найти общей темы для разговора. Это выглядело тем более удивительно, что такого, как Сережа, насмешника надо всем и всеми было еще поискать. Правда, чаще и злее, чем над кем-либо, он строил насмешки над самим собой.

Придешь, бывало, к нему, он в постели, оклемавшийся после очередного приступа, весь обложенный подушками, под рукой, на табуретке, целая аптека. Другой бы в его положении лежал пластом, а Сережа, перебирая пальцами воображаемые струны воображаемой гитары, вдруг начнет выводить жалобным голосом: «И-э-х-х, умыру я, у-мы-ру я, по-хо-ро-нють ми-и-ня, и рады-няя ни узна-а-ають, и где моги-и-илка ма-а-ая...». Припев такой: «Опа, опа, четыре гардеропа, пятая гитара, мы с тобой не пара!...». Я ему говорил, что это совсем не смешно, и от таких песен у него на языке должен типун вскочить, но даже мысли не допускал, что сиротской этой песней с ее дурацким припевом нагадал он себе судьбу насчет ранней смерти и еще более ранней своей неудачи с Люсей: и вправду, оказались они не парой. Только Люся в этом рассказе ни при чем. Тут все, как вы все уже поняли, про Сережу. А теперь еще и про Мамеда.

Осенью 74-го мой друг заболел так серьезно, что домашним лечением дело не обойтись не могло, пришлось ему лечь в стационар, в отделение кардиологии. Навещая его в больнице, я всякий раз видел возле него незнакомого парня, который в наших разговорах участия не принимал, молча сидел. Но вот мы с Сережей остались вдвоем, и я спросил – что за парень. «Мамед его зовут, – ответил мой друг, – лечится в отделении терапии. Работает шофером на грузовой автобазе, живет в Попеновке». Попеновка – городская слободка, там, несмотря на русское название, селились азербайджанцы, курды и турки-месхетинцы, которых волей тогдашнего вождя забросило в чужую для них Среднюю Азию – кого из Закавказья, кого из Крыма. Без всякой надежды на возвращение.

Откуда мне было знать и предвидеть, какое место займет в большом сердце моего друга этот черноусый, невысокого роста, ладно сбитый азербайджанец!..

Сережу выписали из больницы. Иногда после работы или в выходной я забегал навестить его Красноармейскую, 69-а. И почти всякий раз встречал там Мамеда. О чем бы мы с другом ни говорили, над какими бы анекдотами ни хохотали

– Мамед в этом участия не принимал, просто сидел, слушал, молчал. Потом, все так же молча, шел на кухню, брал пару ведер и, не слушая возражений Прасковьи Дмитриевны, отправлялся к водопроводной колонке, делая уездку, а то и две. Наносив воды, прощался и уезжал к себе в Попеновку, чтобы утром следующего дня выгнать из гаража свой ЗИЛ-130, на котором возил материалы для стройки.

Однажды в его отсутствие я ехидно заметил: «Ну, Серый, нашел ты себе приятеля! С таким не заскучаешь. Если за вечер три слова из себя выдавит – считай, разболтался. Долго вы друг друга искали? Вот уж кто действительно тебе не пара...». Эту подначку Сережа отбил сходу: «Молчит – это же замечательно. Мы с тобой для трепа созданы, а он – для дружбы, причем без лишних слов. Надежен, как скала. Если не вижу его день, другой – скучаю».

Даже сейчас, столько лет спустя, мне стыдно за проявленную бестактность. Это природная черствость застила зрение души, и я не в состоянии был разглядеть главного: молчун любил Сережу за качества, которыми его самого природа, увы, не наделила: непосредственность, живость характера, острый, дерзкий, насмешливый ум, – все то, что успевал оценить каждый, кто общался с ним даже недолго. Этим двоим, разным по темпераменту, интеллекту, образованию, наконец, – им друг от друга не нужно было ничего. Тут-то и крылось для меня непонятное: как это – ничего не нужно, а один без другого жить не могут? Здесь что-то не так.

В конце ноября 1975 года Сережа снова оказался в больнице. Дежурили по очереди у его постели мать, сестра Александра или племянница Наташа. Только молчун Мамед очереди признавать не желал. Он оформил у себя в автобазе отпуск без содержания, уговорил больничное начальство, и ему разрешили поставить тут же, в палате, раскладушку, а за право быть круглые сутки поблизости от друга помогал нянечкам в их заботах – горшки выносил за тяжелобольными, драил полы в коридоре. Добровольные его услуги охотно принимались.

Умирал Сережа тяжело, мучительно. Сердечная мышца, вконец изношенная, отказывалась работать, врачам оставалось пичкать ее лекарствами, но те спасения не гарантировали. О том, как Сереже худо, можно было догадываться не только по его лицу, но и по глазам Мамеда. Черные, огромные на исхудавшем лице, эти глаза горели невыразимым страда-

нием, в них читалась страстная готовность их обладателя принять на себя все муки друга, так что врачам и медсестрам, наблюдавшим его в такие минуты, становилось не по себе: Господи, думалось им, да он же не от мира сего!..

Выкроив денек, пока Сережа лежал на больничной койке, последней в его короткой, всего в 33 года, но такой яркой жизни, молчун Мамед сгонял на своем ЗИЛе на топливный склад, привез Прасковье Дмитриевне и засыпал в сарайчик пару тонн угля, наколол и аккуратно сложил в поленницу дрова, наносил воды в две жестяные выварки. После чего вернулся в больницу, как солдат на пост.

Сережа умер под утро, никого вокруг не узнавая, с кусанными в кровь губами. Мамед взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами: заказал и привез гроб, оформил документы на могилу, купил продукты для поминок. Изредка давая себе отдых, он, никого не стыдясь, плакал. Слез при этом не вытирал. Как ребенок.

В день похорон, на кладбище, Мамеда несколько раз пришлось приводить в чувство. Благо, был предусмотрительно прихвачен нашатырный спирт. Двое мужчин с трудом удерживали его на краю разверстой могилы, куда он рвался прыгнуть, чтобы быть засыпанным вместе с другом. Тут же стояли, причитая на своем языке, его родичи, о которых мы знали самую малость: они есть, их много, а кто такие, чем занимаются – нам про то неизвестно.

Прошло еще три дня. На четвертый, рано утром, меня разбудила телефонным звонком Наташа, дочь Александры. Едва услышав в трубке ее голос, я ощутил боль в сердце: случилась беда.

– Беда, Валера, – сказала Наташа в трубку, плача. – Только что к нам приезжали из Попеновки. Ночью умер Мамед.

Она рассказала, что, едва отдав другу последний долг, молчун немедленно перестал жить. За все последующие трое суток не принял ни крошки пищи, ни капли воды, не спал ни единой минуты. Лишь время от времени впадал в забытье, непрерывно окликаая Сережу по имени. Так и угас на глазах у своей многочисленной родни, заставив о себе горевать и новую родню – семейство Панасенко, чей сын, брат и дядя стал для него дороже жизни.

ТАМ, НА ДАЛЕКОМ ЮГЕ

ПОД ГРУЗОМ «РОДИНЫ»

Молодым сельским учителем русского языка я два года жил на юге Киргизии, в Баткенском районе. Ему, району, не очень везло по части быта и снабжения, зато повезло с соседями: северной своей оконечностью он умудрился примкнуть сразу к двум – Таджикистану и Узбекистану. В этой близости было спасение для многих его жителей.

По выходным дням из райцентра Баткен ходили автобусы в Исфару – таджикский городок, чистенький, аккуратно спланированный и, что особенно важно, способный почти всем обеспечить не только своих, но и приезжих. Местный рынок привлекал разнообразием, обилием и относительной дешевизной овощей, фруктов, мяса; центральный универмаг и масса мелких торговых точек богаты были в основном товарами советского производства, но бывали и светлые дни, когда народ мог побаловаться импортом. Так, на полках обувных магазинов рядом с суконными ботами «Прощай, молодость» и дамскими туфлями фабрики «Большевичка» появлялась элегантная продукция чехословацкой фирмы «Цебо», а магазины готовой одежды снабжали местных модниц и модников платьями, рубашками и костюмами, пошитыми во Вьетнаме, в Болгарии, Китае или Венгрии.

Исфара, повторюсь, ублажала всех, кто желал быть ублаженным. Баткенский автобус шел в обратный рейс, под завязку груженный сумками со снедью и промтоварами, полный довольными удачной поездкой пассажирами: о подобном у себя дома им оставалось только мечтать. Для тех баткенцев, кому было не дотянуться до исфаринского рога изобилия, существовал узбекский Риштан, но о нем речь позже.

Все описанное стало мне известно и доступно после того, как я встретил и полюбил Зарему и стал жить в Баткене. А до того год учительствовал в поселке Чонгара и соседнем селе Зарташ, куда меня, прибывшего из Фрунзе с бумагой от министерства просвещения Киргизии, направил Баткенский район. Ни один дурак там работать не согласился бы ни за какие коврижки. Ни один, кроме меня. Зато я согласился - и ни капельки об этом не пожалел. Потому что, сложись все иначе, чем сложилось, не было бы в моей жизни ни Заремы, ни дочери Марины и сына Саши. Да мало ли чего не было бы, не

пошли меня завтраюно своим приказом к чертям на кулички, то бишь в Чонгару.

Девушка, секретарь районо, вручая мне копию приказа, сказала:

– На улице перед зданием стоит грузовик, вот номер. С водителем я договорилась, он довезет вас до Чонгары.

Водитель, молодой киргиз, недавно отслуживший в армии, был рад попутчику:

– Нормально, что ты из Фрунзе. Будешь мне рассказывать про жизнь в столице. По прямой нам добираться километров сорок, это всю дорогу грунт, гравий и песок, замучаемся пыль глотать. А если ехать по таджикской территории, то все шестьдесят кмэ, зато везде асфальт...

Почему на таджикской территории асфальт есть, а на киргизской нету – мне выяснять было неохота, не мое это дело, а за удовольствие не глотать пыль я готов был сделать крюк даже через Владивосток.

Ландшафт, стоило нам выбраться из Баткена, изменился резко, словно в восточной сказке, в которой усталый путник, оставив позади унылую, сухую, ни травинки, ни кустика, выжженную солнцем пустыню, попадает в оазис, где земля плодородна каждой своей пядью, и воздух, еще минуту назад обжигавший, ласкает прохладой. Машина проезжала по главной улице села, название которого я спросить не догадался.

– Это уже Таджикистан, – пояснил водитель. – Хорошо живут таджики. Умеют на земле работать. В каждом дворе сад-виноград. У них даже на сухом сучке почки распустятся.

Он мог бы этого не говорить. Хотя высокие глиняные дувалы и прикрывали дома и дворы таджиков от лишних глаз, с моего места в кабине было видно, что природа своей щедростью их не обошла. Очень скоро я в этом убедился.

Двое подростков, выбежав на дорогу, машут руками, просят остановиться. Водитель притормозил, подождал, пока один из них вскочит на подножку и заговорит с ним на языке, не похожем ни на киргизский, который я худо-бедно помнил со времени давно минувших школьных лет, ни на узбекский, также относящийся к тюрской семье. Про то, что язык – фарси, таджикский, я узнал от водителя позже. А пока он повернул с главной улицы налево, вместе с парнем на подножке проехал метров двести, остановился возле какого-то дома и сказал мне:

– Давай, выходи. Чемодан в кабине оставь, его никто не тронет.

Пройдя в ворота, мы попали на просторный двор, заполненный народом. Посреди двора стоял сложенный из самана таганок, на нем громоздился огромный чугунный изазан, вокруг него хлопотали мужчины, а в казане... Нет! Обыкновенное чудо по имени Плов не описать ни словами, ни жестами. Сначала его надо обонять, затем увидеть, чуточку сойти из-за него с ума, и лишь потом начать есть. Никаких ложек-вилоч, только пятью пальцами, если вы хотите, чтобы ваша встреча с Его Высочеством Пловом удалась. Эту и прочие премудрости я с удовольствием осваивал впервые, усевшись под резным навесом, укрывавшим от жаркого солнца, на деревянном топчане, окруженный незнакомыми людьми. Сидевший рядом водитель, с которым мне предстояло добираться к месту новой работы и жительства, учил меня правильно складывать пальцы, чтобы рис (оказывается, самая вкусная и ароматная часть плова – рис, а вовсе не мясо, как я раньше наивно полагал!) не просыпался мимо. В тот день я был также впервые приобщен к процедуре чаепития, при которой пиалу с настоем зеленого чая следует, отпив небольшой глоток, передать соседу. Этот никем нигде не прописанный знак взаимного уважения в селах срединной Азии блюдут стар и млад. После плова и чая перед гостями появились блюда с грушами, персиками и виноградом, которые росли тут же, во дворе. Насытившись, я подумал, что сейчас самое время спросить водителя: кто это нас так обильно потчует, а главное – за что? Но он меня опередил вопросом:

– Ну как, хорошо покушал? Еще хочешь? Не хочешь? Ну, тогда поехали.

Стараясь не привлекать внимание остальных участников пиршества, мы встали, направились к выходу из ворот. Выехав за околицу села, водитель сжалился и рассеял мое недоумение. Он сказал, что сыну хозяина дома, в котором мы только что были, исполнилось три года – возраст, когда мальчику делают обрезание. Это семейное событие родители мальчика желают отпраздновать с родственниками, друзьями и соседями, а также с каждым, кто в этом селе оказался случайно – проезжал или проходил.

– Парней, которые нас на дороге тормознули, отец мальчика специально послал, чтобы заворачивали к его дому таких, как мы с тобой. Народный обычай надо уважать.

Действие этого уважаемого обычая я испытал на себе еще дважды, оба раза сценарий был одинаков: идешь по своим делам, тебя останавливают незнакомые люди, ведут в незнакомый дом, его хозяев не интересует, кто ты, откуда и как тут оказался, тебя поприветствуют, усадят среди гостей за обильной трапезой, а когда, угостившись, решишь уходить – скажут спасибо, что пришел, пожелают доброго пути...

За первые две недели, проведенные в поселке Чонгара, на левом берегу реки Сох, отделявшей в этих местах Киргизию от Узбекистана, я узнал, что он не всегда являл собой забытое Богом захолустье, бывали в его биографии дни и годы вполне устроенной, почти цивилизованной жизни. Как рассказал мне завшколой села Зарташ Паиз Абдураимов, незадолго до войны на киргизской территории были обнаружены запасы природного газа, для добычи которого у республики не было ни сил, ни средств, ни особого желания. Все три составляющих нашлись в Узбекистане, взявшемся на условиях аренды разрабатывать месторождение. Перед тем как приступить к добыче, узбеки построили для своих рабочих и специалистов – газовиков городок из уютных кирпичных коттеджей, каждый на две семьи, с ванной и совмещенным туалетом, провели туда электричество, газ и водопровод. К концу 1950-х годов запасы газа иссякли, оставаться в Чонгаре узбекским газовикам не было смысла, и они ушли. А поселок подарили Киргизии. Подарок пришелся кстати: республиканские власти давно собирались переселить жителей высокогорного села Зардалы, куда вела грунтовая, вечно разбитая дорога, десять месяцев в году закрытая снегом. В оставшиеся два месяца эта дорога была единственной артерией, связывавшей Зардалы с долиной. Страшной зимой 1958-го стояли лютые морозы, зардалинцы, не имея возможности спуститься в Баткен, чтобы пополнить запасы муки, соли и спичек, умирали целыми семьями, и только это заставило выживших поддаться уговорам властей, сменив обжитое, насиженное место на чуждую для них Чонгару. Узбекистан, покидая поселок, отрезал его от электро-, газо- и водоснабжения – пускай об этом местные власти позаботятся. Но у тех забота проявлялась лишь в том, что раз в неделю новоселам доставляли воду в цистернах. Воды хватало на приготовление пищи и чая, без которого сельские киргизы своей жизни не мыслят, зато о ежедневном мытье в ванной, как и о пользовании туалетом многие из них даже представления

не имели, так что двери в санузел пришлось заранее наглухо заколотить. Перед каждым коттеджем выросли глиняные тандыры, в них выпекались лепешки; одну из трех комнат занял домашний скот – овцы, козы. Совершился возврат к прежнему, привычному образу жизни: первобытно-общинному.

В таких условиях мне предстояло учить детей русскому языку, проводить с ними диктанты, читать и обсуждать произведения литературы в соответствии с учебной программой и методиками Министерства народного образования. Что я добросовестно старался делать, понимая, что с вверенным мне контингентом результат будет близок к нулю, и иным быть не может.

Жизнь в Чонгаре, без водопровода и электричества, мне запомнилась еще и тем, что за простейшими продуктами питания приходилось раз в неделю выбираться в городок узбекских газовиков Риштан. Попасть туда можно было, спустившись из Чонгары в Зарташ, чтобы затем перейти вброд Сох и таким образом попасть с киргизской территории – на узбекскую. Я одевал рубаху, брюки и ботинки поплотнее, чтобы в случае чего не жалко было выкинуть, перебрасывал через плечо полосатый мешок-курджун и шел на берег Соха. В том месте, где русло реки сужалось до нескольких десятков метров, я высматривал торчавшие из воды каменные островки, бодрым козликом перебирался по камушкам на узбекский берег и успевал на вахтовый грузовик, который, доставив очередную смену газодобытчиков, отбывал обратно в Риштан. Местечко в кузове мне всегда находилось, денег здесь ни с кого не брали. Спущая от силы час я, всю неделю не выдавший электрического света, воду для питья бравший из цистерны, а если цистерна запаздывала – умывавшийся над арыком, – посещал местную баню, где смывал недельную грязь, после чего шел в полный съестного продмаг. Уносил я оттуда немного: кило картошки, пару буханок хлеба, полбатона колбаски «Докторской», граммов двести карамелек, пачку вермишели, по пачке сахара и чая да пол-литра хлопкового масла, – этого добра мне хватало до следующего выезда в люди...

В ноябре 1960-го минули мои два месяца учительской маеты в отсутствие цивилизации. По этому случаю я субботним утром устроил себе культпоход в Риштан, где купил батарейный радиоприемник «Родина-52». Весил он 12 килограммов, почти вдвое больше весила батарея к нему. Выручил курджун,

вместивший, помимо приемника с батареей, еще и продукты на неделю. К вечеру меня, навьюченного не хуже рабочего мула, вахтовый грузовик довез на узбекский берег Соха. В кузове со мной сидел молодой киргиз из Зарташа. Он тоже побывал в Риштане, где отоварился покруче моего: купил на рынке двух баранов и с ними возвращался домой. Теперь нам предстояло привычным видом транспорта – на своих двоих – добираться к себе в Киргизию.

Кто же знал, что днем здесь пройдет ливень и уровень воды в Сохе поднимется настолько, что перейти ее вброд под силу только Гулливеру! Мой случайный попутчик превратился в товарища по несчастью. Вдвоем мы стали искать выход из ситуации, в которой оказались по воле стихии. Обоим требовалось, кровь из носу, перебраться на ту сторону реки: мне с тяжеленным курджуном, ему – с двумя баранами. Пройдя вверх по течению, мы дошли до места, где река распадается на несколько рукавов, оставляя между ними узкие песчаные отмели. Рукавов насчитали шесть, отмелей – пять. Сняли и сунули в мешки обувь, закатали брюки выше колен. Дальше все разыгралось почти по сценарию загадки про волка, козу и капусту. Мой попутчик взвалил одного барана себе на спину и первым ступил в холодную ноябрьскую воду, за ним двинулся я со вторым бараном на спине. Выбравшись на ближайшую отмель, я вручил барана хозяину, а сам вернулся на берег, чтобы тут же пуститься в обратный путь – но уже с курджуном. Таких маневров – короткими перебежками по воде, с отмели на отмель, с блеющей ношей на закорках, – мы совершили пять, прежде чем выбрались на киргизский берег, где смогли обуться и привести в порядок одежду. У обоих зуб на зуб не попадал, но радость была сильнее холода. Попутчик (жаль, я имени его не помню) затащил меня к себе домой, в Зарташ, допьяна напоил водкой, досыта накормил и оставил ночевать. Утром он запряг в повозку ишака и отвез вместе с курджуном в Чонгару.

Годы спустя, сменив учительство на журналистику, я часто и охотно ездил в командировки в сельские районы Киргизии, во многих колхозах у меня появились знакомые механизаторы, полеводы и чабаны. Общаться мне с ними было легко, потому что за годы работы в Баткенском районе не столько я научил школьников русскому языку, сколько они меня – киргизскому, и теперь это знание пригодилось. Работали люди

тяжело, жили скудно. Но и в саманной кибитке, и в чабанской юрте, куда я входил с магнитофоном и вопросами наготове, мне первым делом говорил хозяин, разламывая лепешку:

– Давай садись, супчик с нами покушай, чайку попей, разговаривать успеем.

Не припомню случая, когда бы меня принимали, не покормив, не напоив чаем.

ВОСПИТАНИЕ ПО-ТАДЖИКСКИ

Последние дни отсчитывал декабрь. Впервые за много лет я готовился в гордом одиночестве, в пустой, холодной квартире встретить Новый год, а там и неделю зимних каникул. Правда, я не слишком переживал по этому поводу, понимая, что есть и другие радости жизни. Та же, в конце концов, «Родина-52». С появлением в моей холостяцкой обители чуда по имени радио (неважно мне было, кто считался официально его отцом – Попов или Маркони) со светящейся шкалой и ручками настройки вновь для меня открылось окно в мир, которого я долго был лишен: мир оперы и оперетты, устных рассказов всё и всех на свете знавшего Ираклия Андроникова, ежевечерних передач «Театр у микрофона», концертов «По вашим заявкам»...

В коттедже по соседству жили двое из Исфаринского района Таджикистана, отец и взрослый сын Икрамовы, в соседнюю Киргизию их привела возможность заработать на строительстве оросительного канала для нужд местного колхоза. Строителям, даже приезжим, платили прилично, не то что колхозникам с их нищенскими трудовыми. Вечерами, натрудившись, отец и сын приходили ко мне, выкладывали на стол привезенные из дома лепешки с кунжутом, я ставил на плиту чайник, споласкивал три пиалы и ждал, пока Икрамов-старший попросит:

– Ташкент поймай, пожалуйста.

Таджики, они предпочитали слушать узбекскую музыку. Почему – я спросить не удосужился. Но просьбу всегда выполнял. Тем более что и мне эта музыка нравилась. Звучала она круглые сутки, прерываясь на новости о трудовых подвигах узбекских хлопкоробов. Про то, что убирают хлопок школьники и студенты, ИТР и рабочие, а также воспетые Высоцким «товарищи ученые», – одним словом, все, кто угодно, только не сами хлопкоробы, – узбекское радио скромно умалчивало.

Не только узбекское, но и казахское, туркменское, киргизское – радио всех «братских республик», на чьих полях выращивалось «белое золото». Учащиеся школы села Зарташ поголовно, включая первоклассников, всю первую учебную четверть ежедневно по два-три часа отработывали хлопковую повинность. Их трудовой подвиг навсегда оставался безвестным. Школу в Чонгаре не трогали – видимо, из сострадания к детям и родителям, еще не оправившимся от ужасов зардалинской зимы...

В самый канун нового, 1961 года Икрамовы последний раз зашли ко мне на огонек – попрощаться, почаяевичать, послушать Ташкент. Икрамов-старший сказал:

– Работу мы здесь кончили, домой едем. Слушай, зачем будешь в праздник один сидеть, скучать? Мы к тебе в гости ходили – теперь ты к нам приезжай, гостем будешь.

Объяснил, как проехать: попутным грузовиком до Баткена, оттуда автобусом в Исфару, на автостанции купить билет до Ляккана (он произнес по-таджикски: Ляккон).

– А как я вас найду? Улицу назовите, номер дома...

– Не надо улицу, номер не надо. Автобус в Лякконе возле магазина остановится, ты выходи, любого пацана спроси – где Атам-ако Икрамов живет, он покажет.

Все произошло, как по инструкции. Первый встреченный мною мальчишка не просто показал – лично повел меня к дому Икрамовых, не забыв по пути расспросить, откуда я прибыл и чем занимаюсь. На это, подозреваю, у него ушел весь небогатый запас русских слов, из чего я мог судить, что учитель-русист местной школы, подобно мне, талантом не блещет и успехом не избалован.

Атам-ако по случаю моего приезда позвал к себе нескольких соседей-мужчин, меня с ними познакомил. Был среди них пожилой учитель истории из местной школы, нас как коллег усадили рядышком. В меймонхоне, комнате для гостей, топилась чугунная печка, но по-настоящему грела не она, а сандал – яма метра в полтора глубиной, на дне которой тлели угли, сверху прикрытые решеткой. Сандал устроен просто, как все гениальное: над ямой ставится круглый, покрытый махровой скатертью столик на низких ножках; вокруг, прикрыв колени краями скатерти, ступнями упираясь в теплую решетку, рассаживаются участники трапезы, чинно беседуют, угощаются от хозяйских щедрот, пускают по кругу пиалы с чаем...

Только вовсе не едой-питьем запомнился мне первый из

трех дней гостевания в доме Икрамовых. Как сейчас, встает перед глазами картина: дверь меймонхоны открывается, впускающая мальчика лет пяти, в стеганом халате, подпоясанном, по таджикскому обычаю, цветным платком. На голове - традиционная тюбетейка, на ногах - сапожки из мягкой кожи. Вся одежда и обувь пошиты «по-взрослому», лишь размером на ребенка.

С его появлением все гости встали из-за столика над сандалом, дожидаясь, пока «мужчина в миниатюре» подойдет к каждому из них и подаст для приветствия правую руку, которую они уважительно пожимали, приложив свою левую к правой стороне груди. При этом звучал краткий, в несколько слов, сказанных тихим голосом, диалог. Дошла очередь и до меня. Поняв, что присутствую при некоем ритуале, я охотно в него включился и старательно повторил движения соседей: правую руку подал для приветствия, левой коснулся груди. Все это – молча: много ли скажешь, не зная языка. Как тихонько объяснил мне коллега-историк, взрослые интересовались у ребенка, здоров ли он, здоровы ли его домашние, а он им отвечал. По спокойному достоинству, с каким принимались эти знаки почтения, было видно, что пятилетний малыш осознает важность момента и собственную значимость. На избалованного вниманием барчука он похож не был, скорее, на маленького старичка.

Шепотом, в тихом восторге от только что увиденного, я спросил у коллеги-историка, за что мальчику такая честь. Также шепотом мне было отвечено, что перед нами – младший сын Атама Икрамова, он носит имя покойного деда. По таджикским законам, окружающие, не исключая родителей, должны оказывать ему такие же почести, каких при жизни удостоивался дед. Обращаться к внуку следует не по имени, а словом «бобо», что означает «дедушка», прибавляя слово «джон» - сердце, душа. Так будет до совершеннолетия, которое бободжон встретит в свои 18 лет, и тогда его будут звать именем, данным при рождении: Файзулло.

– Но ведь он может к этим годам вырасти капризным, заносчивым эгоистом, – неуверенно заметил я.

– Напротив, – успокоил меня историк, – он видит, с каким уважением люди к нему относятся, и сам учится уважать людей...

ЛЮБОВЬ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ БАТКЕНЕ

Помереть от скуки в богом забытой Чонгаре с отъездом отца и сына Икрамовых мне не пришлось: в коттедж, который они занимали, вселились трое взрывников, выполнявших подготовительные работы для трассы будущего оросительного канала. Старшим у них был Миша Овчаров, фамилий Виктора и Жени память не сохранила. Прозвище они имели одно на троих: «Кенты». Вечерами мы собирались в моей холостяцкой келье, я включал на полную громкость свою «Родину», и под музыку и песни разных народов, под собственный лихой трёп «за жизнь» наша компания душевно выпивала. Редко водку, чаще дешевое дерьмовое вино, им торговал магазин ближнего села Ак-Турпак. Кенты, имея в своем распоряжении бортовую «полуторку», регулярно заглядывали туда на обратном пути с объекта, так что скука долгих вечеров нам не грозила.

Иной раз застольного веселья оказывалось недостаточным, тогда Миша намекал как бы в сторону, хитровато блеснув единственным своим глазом (второй был потерян во время неудачно проведенного взрыва): «А почему бы нам, братцы, не смотаться до Баткена и обратно?» Намёк бывал встречен с восторгом. Кенты со мной впридачу набивались в кабину. Риск напороться на гаишника исключался: в этих краях даже при большом желании некому да и некого было штрафовать. Расстояние в сорок километров по укатанному грунту «полуторка» покрывала за час. Вскоре мы, заметно поддатые и слегка помятые, въезжали в райцентр, перед тем уговорившись, кто куда пойдет: в местный дом местной культуры, где «каждый вечер – танцы», или к знакомым девушкам, готовых нас принять в любом виде и в любое время. Крепко за полночь мы сходились в условленном месте, грузились в кабину и пускались в обратный путь – в неродную Чонгару, к неродной работе.

Очередной марш-бросок по маршруту Чонгара – Баткен состоялся 1 мая 1961 года. Ехали мы почти трезвые, основные возлияния ждали нас впереди, в теплой компании, собиравшейся отметить день, как говорится, международной солидарности трудящихся. Не думал я, не гадал, до какой степени буквальный смысл обретет этот день в моей судьбе.

Отбив положенное за праздничным столом, мы отправились в ДК, ведя под ручки своих девушек. Мне досталась Валентина, медсестра районной больницы. Вошли в зал, где парочки отплясывали под «ландыши, ландыши, светлого мая

привет», про которые пел с пластинки голос Гелены Великановой. Наметанным оком бывалого донжуана я окинул окружающее пространство - нет ли кого посимпатичней моей медсестрички. Вижу: стоит девчонка, притулилась к стеночке, руки за спиной, танцевать явно не спешит. Каким магнитом меня к ней потянуло?!

– Ну, ребята, я пошел, – сказал я Кентам и вправду пошел.

– Тебя как зовут? – спросил, подойдя к девчонке.

- Зарема. – И сверкнула улыбкой, от которой всё во мне замерло-запело-заиграло.

– Вот что, Зарема, – сказал я, – стой здесь, никуда не уходи, я сейчас.

Возвращаясь к своей пассивности, я обдумывал на ходу, что бы ей такое соврать, чтоб отвязаться и не сильно обидеть. Пока шел, понял, что лучше всего сказать правду.

– Валентина, ты, давай, найди себе кого-нибудь другого. Извини, так уж вышло.

С того самого дня я использовал любой случай попасть в Баткен – с поводом и без повода, лишь бы чаще слышать волшебное имя Зарема, видеть улыбку, краше которой (а с той поры еще и роднее) я не знал тогда, как не знаю сейчас. Поженились мы в августе того же 1961 года, в сентябре следующего – появилась на свет Марина. Переведенный из Чонгары поближе, в школу-семилетку села Бужум, я ежедневно отмахивал пешком шесть километров туда и шесть – обратно. И так – шесть дней в неделю. Зарема за год до нашей встречи окончила во Фрунзе политехнический техникум и приехала в Баткен, где к тому времени жил ее отец, Рифат Закирович Сунчелеев, с тремя детьми от второго брака, девочками мал мала меньше, которые в 1953 году, со смертью матери, остались сиротами. Зарема, чья мама умерла, когда ей самой было четыре года, приняла от отца большую часть забот о сводных сестрах. Вот в какой большой семье я оказался.

Про день международной солидарности выше было упомянуто не случайно. Брак еврея с наполовину татаркой, наполовину русской может сойти за международный, а что касается солидарности, так за пятьдесят четыре совместно прожитых года (на момент, когда я об этом пишу) мы с Заремой, красавицей и умницей, повидали хорошее и не очень (последнее – большей частью по моей вине), но все эти годы идем по жизни рука об руку, чего и всем, читающим эти слабые откровения, желаем.

КУЛЬТУРА

Дария БУРЖУБАЕВА



СОКРОВЕННОЕ И ВЕЧНОЕ В ПОЭЗИИ ЭСЕНТУРА КЫЛЫЧЕВА

Вечным свидетелем ускользящего времени, целых эпох или крошечных мгновений было и остается произнесенное и затем запечатленное на бумаге Слово творца-мыслителя, творца-поэта. И неважно, в форме какого литературного жанра оно написано: романа, поэмы, пьесы или совсем небольшого стихотворения, оно восстанавливает образы прошедшего мира во всей своей конкретности. И когда мы, в прошлом почти все вышедшие из горных айлов, оторвавшись от повседневных забот, открывая поэтический сборник, погружаемся в поэзию, мы находим в ней мысль о том, что есть и нечто вечное, незабываемое, а также сокровенное – это жизнь родных просторов, куда входят и мгновения уходящего дня, и запахи полей и гор, и все другие прелести жизни айла или села. У российского писателя Л. Жуховицкого есть повесть “Остановиться, оглянуться”, название которой заставляет задуматься о том, что человек в стремительном течении жизни все же должен время от времени останавливаться и оглядываться на прошлое, чтобы ощутить всю полноту бытия, понять все величие и значимость происходящего в его жизни.

Обратиться к творчеству Эсентура Кылычева заставило желание познать, что скрывается глубоко внутри его поэтического сознания, понять, благодаря каким механизмам слова обретают в его поэзии новую жизнь, создавая неизгладимые

образы национального бытия. Вспоминается кем-то произнесенная фраза: "...поэтическое творчество состоит не из одних только стихов: им является и вся жизнь истинного поэта". Кылычев интересен как отличный собеседник, благодаря своей глубокой привязанности и большой любви к книгам.

Свой первый сборник "Үндөр" ("Голоса") с примечанием: "для молодежи" (что, кстати, спорно) Эсентур Кылычев выпустил будучи студентом 5 курса Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. До этого он учился в Кыргызском государственном университете на филологическом факультете, и, приняв участие в республиканском фестивале "Студенческая весна – 1971", стал узнаваемым в студенческой среде. К нему в студенческой группе, где почти не было ребят-кыргызов, относились с любовью, бережно, и ласково наивали "Эсеке". От природы это был юноша уравновешенный, требовательный к себе и к другим, с удовольствием поддерживал шутки друзей, тянулся к начитанным сверстникам. Судьба подарила ему возможность продолжить учебу в знаменитом Ленинградском университете, что оказало сильное воздействие на его мироощущение, на его отношения с людьми, среди которых чаще всего были люди культуры и искусства, ученые, которым, казалось, более всех остальных оказывался понятен истинный смысл жизни. Работа в литературном журнале "Ала-Тоо" в качестве редактора и ответственного секретаря позволила ему быть в курсе всех литературных событий, он и сейчас находится в близких, дружеских отношениях со всеми известными писателями и критиками. Конечно, он более всего дорожит тем, что близко знал патриархов кыргызской литературы Аалы Токомбаева, Тугельбая Сыдыкбекова, а также Чингиза Айтматова.

Он не похож на поэтов, которые "ни дня не могут прожить без строчки". Он чрезвычайно вдумчив, он думает о смысле каждого слова, действия, поступка. Стихи рождаются только после того, как он много раз переживет в своем сознании то или иное чувство, переосмыслит его не единожды и только потом они ложатся на бумагу его блокнота.

Ему была уготована судьба растить студенческую молодежь. Эта работа требует полного погружения и необычайной самоотдачи, постоянного самообразования и, конечно, большого и умного сердца. Этого у него не отнять. В поиске он остается энергичным как в юности, и постоянно призывает

молодых людей успевать за временем, не откладывая заданное на завтра.

Для Кылычева – все люди равны, ему чужд снобизм, с только ему присущей усмешкой он говорит о том, что некоторые люди, кичась своим добытым различными путями положением в обществе, забывают, что они, как и все, одинаковы перед богом. В своей поэзии он обращает внимание читателя на то, что истинно ценно и вечно, на то, что дает человеку настоящее счастье бытия.

Многие стихотворения, написанные в юности, поражают своей емкостью мыслей, первозданной свежестью образов и легкостью пера. Первое стихотворение сборника “Жаштыгым – жа... Ырган айланам” (“Моя юность – обновляющийся мир”) – это восторженный гимн юности. В нем отражена одна из примет того времени – жажда покорения космического пространства. Образ космической ракеты, преодолевающей земное притяжение, характерен для всех поэтов 60–70-х, особенно часто встречается в лирике Рамиса Рыкулова и Суюнбая Эралиева. Поэтический взгляд в стихотворении вначале обращен к небу – юность это рвущееся ввысь пламя, которое высоко в небе рассыпается на искры, подобные космическим ракетам. Юность, в ощущении поэта, это прежде всего стремительная скорость, быстрое движение, лишь она обладает могучей энергией, подобной той, что заставляет реки неистово бушевать, особенно в пору весенних паводков, и шумно выходить из берегов, сметая все на своем пути.

Излюбленный поэтический прием – вначале сильные страсти, ярость, шум, а потом спокойствие, красота раскрывающихся цветов, рассыпанных по всей степи. И все это – юность, смелая, решительная и одновременно поражающая своей нежной прелестью.

Каждый поэт свое понимание юности выражает через те сравнения, которые наиболее близки именно ему. Устремленные ввысь пики гор, грохочущие реки, цветущие луга, шумы, запахи природы, наконец, светящиеся хвосты космических ракет – в этом окружении проходила юность нашего поэта, и это он старается передать в поэтических строчках.

Другое стихотворение из его сборника “Чабандес” (“Всадник”) – в нем художественный образ синтезирует в себе элементы слова, живописи и музыки. Безусловно, это удача автора, когда можно через органы зрения, осязания и слуха прочувствовать живую сущность образа, чему способствуют

ритмика, различные созвучия, а также словесные повторы, наполняющие образ энергией действия.

В стихотворении создан образ стремящегося вверх и далее, ввысь, всадника, припавшего к гриве коня, почти слившегося с ним. Он принимает вызов от ракеты, несущейся высоко к небу, но горные хребты его не пускают, создавая на его пути всяческие препятствия. А всаднику все нипочем – он во власти азарта, он исполнен желаний мчаться вслед за ракетой. На память приходит другое – небольшое стихотворение американского поэта Моуди, в котором лирический герой видит человека, бегущего за горизонтом, пытается остановить безумца, но тот не верит в то, что это совершенно немыслимо – догнать горизонт, и продолжает свой бег.

Кылычев – живописец в поэзии, на поэтическом полотне он создает трогательные до глубины сердца выразительные картины мирной жизни кыргызского аила, расположенного в окружении гор. В его стихотворении “Күн тоолорго жашынды...” (“Солнце скрылось за горами...”) раскрывается картина уходящего дня, наполненного различными красками закатного солнца, запахами струящегося из трубы домика-чатыра дыма, звуками от одиночного, отдавшегося эхом, ружейного выстрела, топота резвящихся возле кобылиц жеребят-стригунков, внезапного лая собак, гудения закипающего самовара, треска горящих веток арчи в домашнем очаге, бульканья пузырящегося в бурдюке кумыса. Это подлинная картина жизни кыргызского аила, созданная поэтическим видением поэта. Она вызывает в душе множество ассоциаций, щемящее ностальгическое чувство, ощущение гармонии природы, желание быть причастным к этой вечной картине жизни аила.

Национальную картину мира в сборнике составляет множество поэтических зарисовок, в которых важной составляющей является передача ощущения вечности человеческого бытия.

Шедевром кыргызской поэзии можно назвать написанное белым стихом небольшое, в 16 строк, стихотворение “Дөбөдө дарак турат...” (“Дерево на холме стоит...”). Количество слогов в строках варьируется от 3 до 11, что продиктовано идейно-художественным содержанием произведения, требующим особой формы для выражения поэтической мысли.

Приведем его полный текст:

Дөбөдө дарак турат

Жалгыз дарак...
ЖылаҢач,
Катып калган сөңгөктөрү:
Шуулдап шамал болсо үн чыгарбайт,
Жаан төксө,
Башка дарак-теректерче,
Эч кимди чатыр болуп далдалабайт.
Күн аны нурларына катырган дейт,
Суу андан таарындан жашынган дейт;
Көптөрү мунун баарын жалган дешет:
Душмандар бейпил элди айдап келип,
Даракка тизип коюп кырган дешет.
Ошондо не кыларын биле албастан,
Күн-түндөп жаш төгүптүр,
Адамды аяп...

В центре – поэтический образ дерева на холме, оно лишено листьев, которая шумела бы от порывов ветра или защищала бы путников от дождя. Одни говорят, что это солнце опалило, выжгло его листья, а вода, обидевшись из-за чего-то, стороной обходит его корни, но другие говорят, что это все неправда, что на самом деле когда-то на стволах дерева врагами были повешены мирные люди, и оттого дерево, не зная, как ему быть, лишилось своих листьев, днем и ночью оплакивая гибель невинных жертв.

Автор ряда музыкальных композиций и песен Канчайым Токушева сочинила кантату, взяв за основу текст данного стихотворения. Кантата, соединившая слово и мелодию, благодаря высокому звучанию в ней трагического пафоса, выплеснула такую огромную боль незаживающей раны, что заставила обратить на себя особое внимание.

Поэтический образ природного явления, образ одинокого дерева на вершине холма, которое когда-то было частью живой природы, а по своей сути воплощением идеи жизнеутверждения, стало виселицей для мирных людей. Подобно библейскому деревянному кресту, на котором был распят богочеловек, высохшее дерево превращается в трагический образ-символ.

Поэтическая мысль здесь движется по нарастающей линии, в ритмически организованном отрезке текста она достигает своей кульминации, апогея. После эмоционального взрыва следует скорбная нота, мысль медленно затихает, но чисто внешне, в звуковом плане, а изнутри мысль продолжает свое

звучание. Это можно сравнить со скорбным плачем перед могилой близкого тебе человека, постепенно плач внешне перестает звучать, но его скорбные ноты продолжают звучать в душе.

Особый ритмико-интонационный строй стиха, высокая поэтическая образность, богатство звуковых и стилистических повторов послужили прекрасным основанием для его гармонического сосуществования с торжественно-трагической мелодией.

Постигая внутренний смысл поэзии Кылычева, приходишь к единственному выводу: у него все получается, потому что он влюблен в мир. Это божественный дар, и как он его обрел, находим в стихе: „Сулуюлук көздөрүмдү сыйпап кетти“ („Красота провела по моим глазам“). Это произошло, и он почувствовал окружающий мир таким прекрасным и родным, и эта восторженная, необъятная любовь обнаруживается прежде всего в общем настрое стихотворений, в различных поэтических сравнениях, где природа находится в полнейшей гармонии с жизнью и бытом людей. Может показаться, что эти сравнения традиционны для кыргызской поэзии вообще, это, действительно, так, но в стихотворении эти выражения чувствуются первозданными. Поэтические параллели природного и бытового начал выражены в сравнениях: „белоснежные шапки гор“ похожи на „головные уборы отцов“, а „тюльпаны на широких просторах“ напоминают „узоры, вытканые матерями“.

Только влюбленный в окружающий мир способен увидеть его красоту, видеть его настоящие ценности в виде: „мерцающего прозрачного источника“, „вьющихся из дымоходов юрт струй дыма“, „хлеба, выпеченного бабушкой“, „выпитой залпом чашки кумыса“. Казалось бы, все это пройдено, однако здесь, в стихотворении, оно воспринимается как нечто сокровенное.

В сборнике достаточно много стихотворений, посвященных трогательной юношеской любви. Любимый природный образ – образ дождя, вызывающий у лирического героя самые разные ассоциации: это и свидание с девушкой под дождем, это радостные крики восторга бегающих под ливнем ребятшек, это березы, купающиеся словно девушки под каплями моросящего дождя.

Национальное начало утверждается поэтом в самых различных мотивах и образах, в них одновременно звучит и общечеловеческий настрой, ибо все люди вышли из детства,

и всем дороги матери, отцы, деды, вырастившие их, дорога и природа – горы, речки, деревья, в окружении которой прошло их детство. Поэтому эти образы и мотивы поэзии Кылычева воспринимаются читающими его лирику как собственно родное и вечное.

Второй сборник Эсентура Кылычева „Жашыл шоолалар“ („Голубые блики“) вышел в свет через три года, в 1978 году, с сопроводительной статьей известного поэта, публициста, ученого и общественного деятеля Салижана Жигитова. Автор статьи дал свою оценку предыдущему сборнику поэта, отметив наличие в авторе поэтического таланта, его осведомленности в области теории и практики мировой и русской поэзии, что отразилось в его творчестве. Отметил он и слабые стороны произведений, вошедших в тот сборник. Действительно, в любом раннем поэтическом издании можно обнаружить издержки творчества, касается ли это образной системы или небрежного отношения к слову, недочетов в области рифмовки или ритмической организации стиха. Однако, следует отметить, что в то же время часто именно в раннем поэтическом возрасте рождаются такие стихи, которые чаще всего не требуют какой-либо доработки. Свидетельством тому являются рассмотренные здесь стихотворения сборника “Үндөр” (“Голоса”). Далее, Жигитов с удовлетворением находит, что в новом сборнике чувствуется серьезный шаг вперед как в области содержания, так и в области формы, что его лирика обогатилась традициями русской и мировой поэзии, стала более динамичной, ассоциативной, а поэтическое мышление обрело масштабность и глубину. Совершенствуется также и техника поэтического письма, отмечает автор статьи.

Первое стихотворение сборника „Жашыл шоолалар“ („Голубые блики“) – без названия, оно и не нуждается в нем. Поэт признается в том, откуда берутся у него стихи: из синего глубокого озера, бескрайних полей, из неведомых и невиданных еще земель, из глаз прекрасных дев, из золотой осени, из бурных рек, из назиданий стариков, из стройных как восковые свечи берез, густых снегопадов, девичьего смеха, дорогих сердцу айльчан:

Көпкөк көлдөн терең,
Талаалардан
Деңиздей мелмилдеген,

Жерлерден
 мен көрбөгөн
 мен билбеген,
Сулуулардын көздөрүнөн,
Алтын күздөн,
Дайралардан таш агызып
күргүштөгөн,
Карылардын насыят сөздөрүнөн...

Шамдардай бой керишкен
 кайыңдардан,
Балпайта жаап салган
 калың кардан,
Кыздардын күлкүсүнөн
Алтындай адамдардын айылдагы...
...таап алдым
 ырларды ушул.

Это стихотворение по праву возглавляет сборник, все перечисленное в тексте составляет источник его вдохновения, а это практически весь мир, в котором красота природы и красота человека неразделимы, они составляют целостную картину жизни.

Следующее, пятичастное стихотворение называется „Тынчтык жөнүндө ыр“ („Стихи о мире“). Для благополучной жизни человечества в целом на этой земле нужен мир, это необходимое условие, в котором нуждается человек любой расы и возраста. Поэт не ощущает счастья, если где-то страдает народ от войны или социальных катастроф. Его мысль перекликается с мыслью персидского поэта XIII столетия Саади:

Все племя Адамово – тело одно,
Из праха единого сотворено.

Коль тела одна только ранена часть,
То телу всему в трепетание впасть.

Над горем людским ты не плакал вовек, -
Так скажут ли люди, что ты человек?

В “Стихах о мире” поэт стремится к конкретизации образов, это не просто манифест с общими призывами к мирному

терка горные цветы, молнии, ударяющие о неприступные горные скалы – это неотъемлемая среда обитания человека. В окружении природы проходит жизнь кыргызов: здесь седобородый манасчи в эмоциональном возбуждении рассказывает эпос о героических подвигах батыра, и слушателей ничто не может сдвинуть с места; а там скачет к чабану, пасущему на холмах овец, его младший братишка с радостной новостью – у того родился сын, к человечеству прибавился еще один человек!

Исходя из содержания, особенностей пафоса, неповторимости в плане композиционного строения, особой выразительности лирического “я”, это стихотворение можно назвать новаторским.

Больше половины населения страны составляют горожане, но ее значительная часть – выходцы из сельской местности. Для них по-прежнему на первом месте стоит малая родина – там, где они родились, выросли, получили первые уроки жизни. Они вовсе не идеализируют свою малую родину: она им дорога такая, какая она была и есть. Наш поэт уехал учиться в столичный город довольно рано, затем пять лет жил во второй российской столице. Город не стал для него близким сердцу местом, это видно из его стихотворения “Шаар сүрөтүнө эскиздер” (“Городские эскизы”). Он с сожалением говорит о том, что остались позади замерзшие вдоль дороги деревья, рытвины дорог, покрытые синеватым льдом, скачущие куда-то кони, все позади, а вместе ними безмятежность и тишина. Поэт описывает дыхание города, его бесконечно быстрый ритм жизни, вечно спешащих куда-то людей, расширяясь к западу и востоку, город растет не по дням а по часам. Три-четыре штриха – и город оживает, он молод своей подвижностью, он звучен и красочен. И это все благодаря тонкому мастерству поэта-художника.

Всегда казалось, что тема второй мировой войны исчерпана, все уже написано и увековечено. Но следующее стихотворение “Мышык ыйлайт чатырында эски үйдүн...” (“Кошка плачет на крыше старого дома...”) свидетельствует о том, что война еще долго будет эхом отзываться в судьбах людей и надолго останется предметом внимания писателей. В центре образ согбенной седой старухи, у которой война отняла мужа и трех сыновей, которыми был построен этот ныне обветшавший дом. Когда-то здесь кипела жизнь, сыновья привели молодых, казалось бы, все должно идти только к лучшему, будут рождаться внуки, которые заполнят дом радостью. Но война

ворвалась в этот мирный дом и теперь в нем никогда не засмеется ребенок, потому-что он не был рожден и уже никогда теперь не родится. И теперь только плач кошки раздается под сводами этого дома, где не спится старухе, не устающей ждать сыновей и мужа. Начинается стихотворение с четырех строчек и заканчивается ими же:

Мышык ыйлайт
чатырында эски үйдүн,
Чирип бүткөн
устундардан жүгүрүп.
Уйку качып
ак чач бүкүр кемпирден,
Оналактап
чыкты уктабай бу түнү.

Поэт отходит от традиций кыргызской военной лирики 40-х годов, в которой часто преобладал призывный характер. Стихотворение построено на антитезе – мирная жизнь и война, отнявшая и самих людей, и счастье жизни у оставшейся матери. Трагическое здесь врывается в их семейный уклад и заполняет собой все пространство, оно проявляется в седине и согбенности старухи, в ее бессонице, в ее вечном ожидании, в прогнивших балках старого дома, которые некому починить. Как всегда здесь все просто, емко и в то же время содержательно. Как всегда через отдельное проступает всеобщее, делая творение достоинством каждого. И в этом сила и правда этого стихотворения.

У С. Жигитова, наставника Эсентура Кылычева, среди множества других стихотворений и поэм есть одно стихотворение – “Элегия”, о котором критик и публицист Алым Токтомушев сказал, что только за это одно произведение поэт достоин памятника. Думается, не стоит задумываться о том, какое количество произведений должен создать поэт, чтобы его признавали. Два небольших сборника стихотворений Эсентура Кылычева, а также множество других стихотворений, рассыпанных в антологиях, сборниках и журналах свидетельствуют о том, какая это по-настоящему творческая личность, насколько глубоко он смотрит на окружающий его мир и видит в нем самое главное и сокровенное. И передает это нам, и мы, читатели, воспринимаем мир, увиденный его глазами, как что-то близкое и родное до слез, прекрасное и вечное.

Коротко об авторах

Алексей АГИБАЛОВ

Родился в 1940 году. Окончил музыкальное училище им. Гнесиных (г. Москва). Занимался педагогической деятельностью. Знаменитый гитарист-семиструнник, композитор. Дипломант Международных фестивалей. Единственный композитор, пишущий произведения для гитары с симфоническим оркестром. Автор книги «Плач гитары» и ряда рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане». Увлекается альпинизмом и горными лыжами.

Вячеслав АЛЕКСАНДРОВ

Родился в Беларуси в 1947 году, в семье офицера Советской Армии. Живет в Киргизии с 1954 года. Окончил Киргизский государственный университет по специальности экспериментальная физика. Командовал два года мотострелковой ротой в Советской Армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе, как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов – «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книги «Азиатские Белые Горы».

Дмитрий АЩЕУЛОВ

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999 году стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

Асель АЯПОВА

Окончила Кыргызско-Российский Славянский университет и аспирантуру Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Кандидат культурологии. Автор ряда научных статей, посвященных культуре современного Кыргызстана.

Пишет рассказы, повести-сказки. Лауреат международного конкурса «Литературная Вена 2012» в номинации «Литература для детей и юношества». Участница Литературной школы Ч.Т. Айтматова (Иссык-Куль, 2008 г.), 14 форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (Москва, 2014 г.). Публиковалась в отечественных и зарубежных журналах и альманахах.

Олег БОНДАРЕНКО

Родился в 1960 году – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десятка книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы. Создатель и главный редактор сайта www.literatura.kg

Дария БУРЖУБАЕВА

Родилась в 1952 году в селе Боконбаево Тонского района. Среднюю школу закончила в селе Кочкор и поступила в КГУ им. 50-летия СССР на филологический факультет. После окончания университета работала научным редактором в Главной редакции КСЭ, а после годичной научно-педагогической стажировки в МГУ им. М.В. Ломоносова занялась вузовской педагогической деятельностью. Работала в БГУ им. К. Карасаева, Международном университете «Алатоо-Ататюрк», ныне доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы КНУ им. Ж. Баласагына. Помимо преподавания в вузе занимается научной, переводческой и редакторской деятельностью. Автор учебно-методических пособий по зарубежной литературе, литературе Центральной Азии, ряда научных статей по проблемам развития киргизской литературы. Отличник образования Кыргызской Республики.

Талантбек ДЖОЛДОШБЕКОВ

Родился в г. Фрунзе 12 января 1962 года. В 1981 году закончил Республиканскую спец. школу для слепых и слабовидящих детей, в 1986 – факультет русской филологии КГУ им. 50-летия СССР.

С 1986 по 1990 гг. работал учителем истории в Орловской средней школе Таласской области. В 1991 году работал реабилитологом в Центральном правлении КОС и КОГ. Затем до 2000 года занимался частным предпринимательством. В 2001 году некоторое время был заместителем директора радио ТРК «Восст».

Последующие годы занимался свободным творчеством, а именно: писал тексты песен на русском языке для эстрадных исполнителей, вёл мастер-классы по поэзии в Айтматовской летней школе (2007 – 2008 гг.), участвовал в различных проектах и конкурсах.

С 2011 года являюсь директором ОсОО «Кантское УПП КОС и КОГ».

Выпустил три сборника стихов: «Ностальгия», «Рок», «Полинезия. Послание Луи Брайля к потомкам».

Анэс ЗАРИФЬЯН

Родился в г. Фрунзе в 1946 г. Окончил Киргизский госмединститут. Учёный-физиолог, профессор. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУК, КРСУ. В настоящее время – декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 10 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных ещё в советские времена всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше голову!».

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 80-х годах вёл в нашем журнале рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...».

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.stihi.ru, www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru.

В 1989 г. был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана.

Талип ИБРАИМОВ

Родился в 1940 году в с. Сары-Булак. Окончил Киргосуниверситет, а затем Московские Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Работал редактором на киностудии «Киргизфильм», а в настоящее время преподает в Кыргызско-турецком университете «Манас». Автор трех сборников повестей и рассказов. Лауреат «Русской премии» за 2007 год.

Александр ИВАНОВ

Прозаик, член Союза писателей с 1976 года. Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики.

Родился 15.09.1938 года в г. Чимкенте. Окончив школу, учился на филологическом факультете Киргосуниверситета. Работал в газетах «Комсомолец Киргизии», «Комсомолец Таджикистана», на республиканском телевидении, в ЦК Компартии Киргизии. С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан». Оставаясь в этом качестве, был с 1988 по 1998 год корреспондентом «Литературной газеты», а с 2003 – главным редактором издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана».

Автор четырнадцати книг документальной и художественной прозы.

Виктор КАДЫРОВ

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля».

Александр КАМЫШЕВ

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. До 1993 года работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология». В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. Является автором пяти книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике и археологии. В 2005 году дебютировал в «Литературном Кыргызстане» с рассказом «Ваха», а в 2013 году вышла книга его рассказов «Записки кладоискателя».

Дарья КОПЫТОВА

Родилась в 1998 году в городе Бишкек. В 2015 году окончила физико-математический лицей N 61 и поступила в Московский национально-исследовательский университет, Высшую школу экономики. Стихи пишет с девяти лет. Больше всего ее волнует тема свободы и одиночества личности.

Бахтияр КОЙЧУЕВ

Койчув Бахтияр родился в 1963 году в Бишкеке. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, опубликовал более 80 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана. Член Национального Союза писателей КР.

Евгений КОЛЕСНИКОВ

Родился в 1935 году в Алтайской глубинке. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Работал редактором издательства «Кыргызстан», заведующим отделом прозы журнала «Литературный Кыргызстан», консультантом Союза писателей Кыргызстана, а затем – Международного сообщества писательских союзов в Москве. Автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, изданных как в Кыргызстане, так и за рубежом.

Александр КРЯЧУН

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Юлия КУЛЕШОВА

Родилась 24 января 1985 года в тогда ещё городе Фрунзе. Окончила Кыргызско-Российский Славянский Университет по специальности Международная Журналистика. Работает новостным корреспондентом на телевидении.

Заниматься творчеством начала с 13-ти лет. Тогда же один из первых рассказов был опубликован в детской газете «Ай-Данек». Позже были публикации в газете «Блиц-ИНФО», литературном журнале «Жаңы Ала-Тоо», литературном альманахе «Много языков - один мир», журналах «Бишкекчанка» и «#ONEMAGAZINE».

Является победителем нескольких литературных конкурсов, в разное время проводившихся на Интернет-площадках Кыргызстана. В частности, на Дизель-форуме и tvorchestvo.kg. Большая часть произведений написана в жанре мистики. Но достаточно много и социальной прозы и сюрреализма.

Александр МОЛЧАНОВ

В 2012 году окончил Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности русская филология. Пишет рассказы с 2007 года. В 2010 году стал лауреатом литературной премии «Золотая табуретка», которую проводит Американский университет в Центральной Азии. Печатался в литературном альманахе «Много языков – один мир!» за 2010 год и в «Литературном Кыргызстане».

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Выпустил книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Светлана СУСЛОВА

Родилась в Забайкалье, с 1952 г. живет в Киргизии. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер Ордена Дружбы и Ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

Владимир ФЕДОРОВ

Среднюю школу окончил во Фрунзе в 1955 году, а в 1962 г. – Уральский госуниверситет, факультет журналистики. С этого же года работал в системе Всесоюзного радио и Центрального телевидения (ОРТ, Первый канал, 35 лет - в программе «Время», заведующий корпунктом в Киргизии). «Заслуженный журналист Киргизской ССР, член Союза кинематографистов СССР. Автор двадцати документальных фильмов, снятых за время работы в Киргизии в системе Госкино СССР. Среди них – «Продается на слом» (премия на престижном фестивале в немецком Оберхаузене).

В 1996 году переведен в Воронеж заведующим крупнейшим корпунктом – шесть областей Центрального Черноземья. С 2002 года переведен в Москву – специальный корреспондент столичной группы программы «Время».

Финалист премии ТЭФИ 1997 года в номинации «Лучший репортер». Награжден медалью ордена (так это называется) «За заслуги перед Отечеством» – в Кремле из

рук Президента Путина.

Последние пять лет – шеф-редактор службы документальных фильмов телеканала «Россия – 1». В качестве автора сделал для канала ряд документальных фильмов. В том числе «Хирург от Бога» (премия фестиваля «Радонеж») – о великом хирурге Н. Пирогове. Отмечен премией Союза журналистов России.

Артем ХЕГАЙ

Родился в 1986 году в г. Фрунзе. Окончил Бишкекский гуманитарный университет по специальности журналистика. Лауреат специальной премии фестиваля «Айкол-Манас – Человек года» – «Крылатое будущее Кыргызстана» в номинации «Дебют в литературе – Проза» 2009 г. Участник мастер-класса в летней школе «Дебют IV 2008 МФА». Публиковался в сборнике «Новые писатели»/Фонд СЭИП (Москва 2014), в журнале «Литературный Кыргызстан» и в альманахе «Много языков – один мир».

Георгий ХЛЫПЕНКО

Родился 16 сентября 1938 года в селе Садовом Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргизского университета и очную аспирантуру при нем. Работал в качестве научно-педагогического сотрудника в различных вузах Киргизии. Научные специализации – русская литература Кыргызстана и киргизско-украинские литературные связи. Член Союза писателей СССР и Национального Союза писателей КР по номинации «критика и литературоведение», профессор кафедры истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. В «Литературном Кыргызстане» публикуется, начиная с 1964 года.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Родился в 1947 году, в г. Фрунзе (ныне Бишкек, Киргизстан). Народный поэт КР, заслуженный деятель культуры КР, лауреат международной Русской премии (РФ, Москва). Автор 12 поэтических сборников, более 30 книг переводов киргизской народной поэзии и лирики XX века, поэзии Запада

и Востока. Стихотворения и поэмы публиковались в странах Европы и Азии, на ряде языков.

Доктор филологических наук, профессор, автор пяти научных монографий, около 300 научных и публицистических статей. Член ряда академий (Россия, США). Лауреат Государственной премии КР.

ШОИСТАИ РАВШАН

Писатель, является общественным деятелем, членом Национального Союза писателей Кыргызстана, отличником культуры Кыргызской Республики, членом ЦА Пен-Клуба, руководителем Творческой инициативной группы «Аржанг». Она автор более 55 художественных и научных книг, в том числе «Начало, не имеющее конца», «Рудаки – адам поэтов», повесть «Эльдос», авторские афоризмы «Бисерные мысли», «Плод просвещенности», «Гармония души», «Несокрушимый дворец», «Полет души», «Кувшин вина Хайяма», «Ода любви» (поэзия) и составитель сборник прозы и поэзии «Мозаика 1-2» и др.

Шоистаи Равшан сама пишет на таджикском, русском и на узбекском языках, переводит с таджикского на русский язык.

Её книги переведены на русский, кыргызский, узбекский, а также на фарси. В её книгах отражены судьбы интересных и необычных людей, мудрость востока, суть ее внутреннего мира, её рассуждения и мировоззрения.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой

Подписано в печать 20.09.2015 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 35.
Тираж 300 экз.